

ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМ. І.І. МЕЧНИКОВА
ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ

ОДЕСЬКЕ ЛІНГВІСТИЧНЕ ТОВАРИСТВО

ЗАПИСКИ
З РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ
ФІЛОЛОГІЇ

ВИПУСК 13

Апр. 542-КГ. Цехана 1000 шт.— 0 руб
14.05.90. Зам. 4370—2 кмк. Кленовськ

НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ОДУІМЕНІ / МЕЧНИКОВА

ОДЕСА

2003

ББК 81.43:47-91я43

УДК 811.11:13(067)

3 32

Збірник є фаховим виданням і вміщує статті з питань романо-германської філології і викладання іноземних мов.

„Записки з романо-германської філології” видаються за рішенням Ради факультету РГФ Одеського національного університету ім. І.І. Мечникова. Постанова Президії ВАК України за № 3-0511 від 10.11.99 включає цей збірник наукових праць до переліку № 3 (позиція 7) фахових видань, в яких дозволяється публікувати результати дисертаційних досліджень.

Редакційна колегія:

проф. Колегаєва І.М.

(головний редактор),

доц. Петлюченко Н.В.

(відповідальний секретар),

проф. Бровченко Т.О.,

проф. Корсаков А.К.,

проф. Кухаренко В.А.,

проф. Таранець В.Г.,

проф. Голубенко Л.М.,

доц. Костильова Е.І.,

доц. Матузкова О.П.

Друкується за рішенням Вченої ради
факультету романо-германської філології ОНУ

3 4602020100-9
8289-2003 Без огол.

ISBN 966-8289-07-2

© Одеський національний університет, 2003
© ФЕНІКС, 2003

Н. А. Бигунова

УРОВНЕВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИКРОПОЛЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЙ В УСТНОМ НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

В последнее время при рассмотрении самых разных по своим характеристикам структур знания и коррелирующих с ними процессов познания все чаще звучит термин “концептуализация”.

Концепты являются выраженными в языке основными, минимальными, неделимыми единицами словесного мышления; многомерными культурно-значимыми социопсихическими образованиями в коллективном сознании, опредмеченными в той или иной языковой форме [4, 5, 1].

Среди разнообразных концептов особую роль играют те многомерные социопсихические образования, которые служат ориентирами бытия. К числу таких ориентиров относится концепт времени.

Отправной точкой исследования послужил постулат о когнитивном основании любого семантического явления: значение в языке реализуется одновременно на всех его уровнях: лексическом, грамматическом и фонологическом. В настоящей работе данный подход используется для анализа языковой концептуализации темпорального микрополя последовательности в устном нарративном дискурсе.

Система темпоральных значений в каждом языке выражается лексическими, грамматическими и фонетическими средствами. Набор отразившихся в языке темпоральных значений представляет собой понятийную категорию или понятийное поле времен, а набор значений и формальных средств, характерных для каждого языка, составляет ФСП времени, или темпоральности, данного языка.

По определению А. В. Бондарко, темпоральность – это, во-первых, семантическая категория, а во-вторых, функционально-семантическое поле, охватывающее группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных средств языка, используемых для выражения различных вариантов данной семантической категории.

Помимо системы временных форм глагола ФСП темпоральности представлено такими средствами, как лексические показатели времени, синтаксическая структура некоторых типов предложений,

формы косвенных наклонений и инфинитива в сочетании с другими элементами контекста. Кроме того, как свидетельствуют многочисленные фонологические исследования, любое значение в языке может быть выражено интонацией [6, 7].

Как показало данное исследование, ФСП темпоральности распадается на микрополя последовательности, предшествования, одновременности, кратности (повторяемости), протяженности и временной локализованности.

Непосредственной целью проведения исследования было определение набора единиц каждого уровня и их роли в реализации микрополя последовательности действий в устном нарративном дискурсе.

Устный нарративный дискурс был выбран в качестве материала исследования, т. к. все лингвисты, занимавшиеся нарративом, отмечают в качестве одного из основных его инвариантных признаков наличие темпоральных показателей [9, 10, 11, 12].

Нарратив рельефно отражает принципы структурирования, интерпретации и описания события, представления о времени и пространстве, людях и мотивах их поведения, характерные для данной языковой общности [8, 9].

Устный нарративный дискурс обладает рядом закономерностей организации, которые предопределяются его коммуникативной целью: повествование – описание – оценка, охватом необходимых референциальных областей (темы и времени); уровневыми характеристиками нарративного времени: 1) во временной организации – иконичность в хронологическом порядке подачи событий; 2) в тематической организации – движение по линии “данное (тема)” – “новое (рема)”; 3) интерпретационная характеристика “дистанности / отчужденности” авторской речи в ситуации тематического текстообразования (формы претерита, модальность действительности, преобладающая третьяличность); 4) композиция, формирующая текстовые прототипы нарративного дискурса [4, 5, 8].

Важность категории времени для нарратива выражается прежде всего в том, что временная организация повествуемых событий определяет характер используемых говорящим языковых средств.

В соответствии с целью исследования были взяты 9 устных нарративов общей длительностью 90 минут на бытовые темы, не зафиксированные в письменной речи, собранные коллективом из-

дательского центра Оксфордского университета в качестве пособия по аудированию неподготовленной речи. По содержанию эти фрагменты речи носителей языка представляют собой бытовые рассказы о каком-то неординарном событии, имевшем место в жизни рассказчика. Данные нарративы были, прежде всего, подвергнуты функционально-семантическому анализу, в результате которого были сделаны следующие наблюдения.

В корпусе частей речи была выявлена группа единиц – глаголов, наречий, существительных, прилагательных, числительных – характеризующихся присутствием в их семантической структуре временного значения: *to come, to open, to find, long, before, often, time, memory, experience, last, sudden first*.

Количество словоупотреблений с темпоральным значением в выборке исследования составило 34 % от общего количества слов. Как видно из таблицы 1, языковые ресурсы полей в материале исследования оказались наравногеникими. Самым большим по количеству представляющих его языковых средств является микрополе последовательности (58,2 % темпоральных средств).

Таблица 1

Соотношение представленности микрополей темпоральности в устном нарративном дискурсе

Микрополе	Последовательность	Предшествование	Одновременность	Кратность	Протяженность	Временная локализованность
Количество употреблений (в %)	58,2	6,7	8	10,1	9	8

Ядро микрополя последовательности образуют перечисительные конструкции (распространенные простые и сложносочиненные предложения), содержащие перечисление глаголов физического действия в форме Простого Прошедшего времени, а также наречия и предложно-именные сочетания, выполняющие функцию обстоятельств времени. К периферии поля относятся грамматические глагольные формы Простого Настоящего проспективного,

Простого Будущего и Настоящего Длительного намерения, а также придаточные предложения времени.

Глаголы акциональной и статуально-динамической семантики, или глаголы конкретного физического действия, движения, изменения состояния в нарративном дискурсе являются важным лексическим средством реализации микрополя последовательности действий: в исследованных нарративных дискурсах они составили 60 % от общего количества глаголов. Наблюдения над глаголами физического действия позволяют утверждать, что именно они в нарративе являются ремами предложений, носителями основного смысла.

В семантическом отношении темпоральная характеристика глагола как центра высказывания реализует концепт времени. В значении глагола как части речи заложена потенциальная темпоральная характеристика. Эта характеристика реализуется в высказывании, в глагольной референции. Вне высказывания глагол представляет собой (как и всякое другое слово вне контекста) языковую единицу, значение которой сводится к ее денотативным, сигнификативным и коннотативным характеристикам. Темпоральный признак глагольного значения представляет собой специфический компонент глагольной семантики, а именно – конкретизацию процессуального признака как главного частеречного признака глагола. Время по определению есть референтная характеристика процесса. В значении глагола время выражено денотативно, т. е. как возможность референции, в категориальном комплексе признаков, выделяемых в содержании слова. Например, значение глагола “*to run*” может быть представлено как комбинация признаков “процесс”, “движение”, “движение определенного типа”. Компоненты “движение” и “движение определенного типа” представляют собой тематическую характеристику и конкретизацию тематической характеристики данного глагола, описывают его лексическое значение. Компонент “процесс” есть частеречная, грамматическая характеристика данного глагола. Разновидности процессуальной характеристики глагольного действия являются в своей совокупности парадигматическим контекстом глагола. Эти разновидности сводятся к следующим типам: 1) действие – состояние, 2) возможность – процесс – результат, 3) фазовая характеристика процесса (начало – продолжение – окончание), 4) степень интенсивности процесса (сильная – нейтральная – слабая), 5) способ реализации процесса

(аспектуальные и акциональные характеристики). Разновидности процессуальной характеристики применительно к конкретному глагольному значению прежде всего связаны с лексической семантикой соответствующего глагола. Темпоральный признак процесса реализуется через категориальный кластер глагольного значения. Такой категориальный кластер находит выражение в неоднословных образованиях типа *take a rest, have a smoke, get on, give up*.

На 8160 словоупотреблений в выборке исследования приходится 1354 глагола. Из них 796 являются глаголами физического действия. Как видно из таблицы 2, в процентном отношении глаголы физического действия и изменения состояния, положения составили более 60 %, а оставшиеся пришлись на глаголы речемыслительный действия (33 %), модальные глаголы (4 %), прочих глаголов выявлено 3 %. Глаголы физического действия, как правило, входят в состав перечислительных конструкций, выступая в роли однородных членов предложений и выражают значение следования.

Таблица 2

Представленность семантики глаголов в нарративе

№ диск. Гла- голы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	V 9 Дис- курсах
Всего глаголов	131	141	158	155	18	210	143	155	143	1354
Глаголов физического действия	85 65 %	87 62 %	91 58 %	82 53 %	96 80 %	99 47 %	71 50 %	94 60 %	91 64 %	796 60 %
Речемысли- тельных глаголов	39 30 %	49 35 %	46 29 %	45 29 %	16 13 %	93 44 %	62 43 %	54 34 %	45 31 %	449 33 %
Модальных глаголов	3 2 %	4 3 %	8 5 %	7 4,5 %	8 7 %	5 2,4 %	3 2 %	10 5,5 %	8 5,6 %	57 4 %
Прочих	4 3 %	1 0,3 %	13 8 %	21 13 %	0	13 6,6 %	7 5 %	2 0,5 %	1 0,6 %	52 3 %

В качестве иллюстрации приведем два предложения, в которых перечисление глаголов физического действия способствует созданию поступательного движения действия, реализации значения последовательности:

I got the keys, unlocked it, went into to search the room, but there was nothing there...

They headed them all into these trucks, shut them up and drove them off.

Здесь следует отметить, что при пересказе диалога поступательное движение действия обеспечивается также перечислением речемыслительных глаголов, которые в таком случае приобретают статус темпорально-окрашенных семем. Примером может служить фраза из дискурса № 6 (в котором количество речемыслительных глаголов практически равно количеству глаголов физического действия):

So I thought "I'll go to the butcher shop and I'll get a carrier-bag", so I ran across the road, went into the butcher shop and I said "Give me a carrier-bag."

Грамматической формой глаголов физического действия является форма Простого Прошедшего Времени (*Past Indefinite*), зафиксированная в 81 % словоупотреблений, и реже (14 % словоупотреблений) используется форма Прошедшего Длительного Времени (*Past Continuous*). В отдельных случаях (5 %) значение последовательности реализуется формами Простого Настоящего проспективного, Простого Будущего или Настоящего Длительного намерения.

Исследование просодических характеристик глаголов физического действия и изменения состояния проходило в 2 этапа. Прежде всего, был проведен аудиторский анализ, в ходе которого 5 аудиторов – преподавателей фонетики английского языка решали следующие задачи:

- Аудиторам предлагалось охарактеризовать тональный уровень ударных слогов исследуемых глаголов как высокий, средний, низкий;
- Аудиторы определяли диапазон произнесения глаголов как узкий, широкий либо средний;
- Аудиторы характеризовали темп произнесения глаголов по следующей шкале: средний, быстрый, замедленный.

Аудиторы показали, что во всех рассмотренных предложениях глаголы физического действия отличались неизменно высоким тональным уровнем и замедленным темпом произнесения. Что касается диапазона произнесения данных лексем, то здесь мнения аудиторов разделились: он классифицировался как широкий либо средний.

Следующим этапом фонологического исследования был электроакустический анализ. Исследование синтагм с глаголами физического действия показало, что

1. Частота основного тона (ЧОТ) глаголов у дикторов-мужчин составила 168 Гц, что в 74 % случаев было максимальным показателем ЧОТ в синтагме. У женщин ЧОТ глаголов такого рода составила в среднем 232 Гц, что стало максимумом в 65 % синтагм. Таким образом, во всех исследованных нарративных дискурсах максимум ЧОТ в 70 % синтагм приходился именно на глаголы физического действия.

2. Пиковая интенсивность в синтагмах у мужчин составила 54 дБ и в 80 % она приходилась на глаголы физического действия. В среднем же у дикторов-мужчин интенсивность таких глаголов составила 53 дБ. У женщин пикивая интенсивность в синтагмах, содержащих глаголы физического действия, движения, изменения состояния, была равна 60 дБ и соответственно в 65 % синтагм она приходилась на данные глаголы. Таким образом, в среднем, глаголы физического действия образовали пикиевые значения интенсивности в 72,5 % употреблений.

3. При средней длительности слога в синтагме 226 мс у дикторов обоих полов длительность ударного слога глаголов физического действия составила, соответственно, 30,5 у мужчин и 29,3 у женщин, т. е. выше среднего показателя. Таким образом, можно говорить об определенном замедлении темпа речи при произнесении глаголов физического действия.

Аудиторский и электроакустический анализ фактического материала показал, что глаголы физического действия и изменения состояния являются существенным средством реализации микрополя последовательности в устном нарративном дискурсе и именно в том проявлении, когда путем накладывания просодических средств на синтагмы говорящий рельефно выделяет рематическую структуру в целом и особо рему, представленную глаголом физического действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. – М.: Аспект-пресс, 2000. – 288 с.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. – М.: Наука, 1987. – 369 с.

3. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: МГУ, 2000.
4. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
5. Падучева Е. В. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 464 с.
6. Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – М.: Радио и связь, 1997. – 528 с.
7. Соколова М. А., Гинтворт К. П., Тихонова И. С., Тихонова Р. М. Теоретическая фонетика английского языка. – М.: Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 286 с.
8. Шмелев Д. Н. Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. – М., 1989. – 284 с.
9. Dickinson, Connie and Givon, Talmy. Memory and conversation. Toward an experimental paradigm // Conversation: cognitive, communicative and social perspectives. – Philadelphia, 1997. – Vol. 34. - P. 91-119.
10. Labov, William, Waletzky, Joshua. Narrative analysis: oral versus of personal experience // Essays on the visual and verbal arts. – Seattle: University of Washington Press, 1967. – P.12-44.
11. Longacre, R. E. Narrative versus other discourse genre // Brend, M. Advances in tagmatics. – 1974. - P. 357-376.
12. Robinson, John A. Personal narratives reconsidered. – Journal of American folklore. – 1981. - Vol. 94. - № 371. - P. 59-86.

Т. Д. Вербицкая, Н. А. Джуреева

НЕКОТОРЫЕ КОАРТИКУЛЯТОРНЫЕ МОДИФИКАЦИИ НЕМЕЦКИХ СОГЛАСНЫХ В НОРМЕ И РЕЧЕВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Языковая норма, её лингвистический статус, взаимодействие нормы с системой языка давно изучается лингвистами. „Проблема нормы возникает в тех случаях, когда в системе имеются варианты обозначения одной и той же языковой сущности“ [1, 141]. Подробно описал норму языка и её взаимодействие с системой языка Э. Косериу.

По Косериу, система того или иного языка – это „система функциональных противопоставлений“, совокупность языковых явлений, выполняющих в языке определённые функции, обычно функции различения. Норма – это „система обязательных реализаций“, она соответствует тому, что уже говорится по традиции, норма „соответствует фиксации языка в традиционных формах“ [6, 175], т. е. языковая норма – это совокупность наиболее устойчивых, традиционных элементов системы.

Что касается произносительной нормы, то её изучение „представляет наибольшие трудности по сравнению с изучением лексических, морфологических, синтаксических и других норм, впервые, в связи с быстрым изменением произношения, которое можно считать эталонным, во-вторых, из-за сложности методики исследования этих изменений“ [1, 141].

Употребление стандартного немецкого языка принято считать надрегиональным, относительно единым и актуальным в употреблении [11, 34]. Но вопреки установленным нормам, язык в целом, его отдельные аспекты, в частности, со временем развиваются. И звуковая сторона языка также подвергается изменениям. Каждый человек наделён своим собственным речевым аппаратом, который в малой или большей степени отличается от произносительных органов другого человека. Разными людьми одни и те же звуки произносятся по-разному, и на характер произношения влияет ряд других особенностей – территориальных, социальных, ситуативных и т. д., поэтому определить норму произношения намного сложнее, чем, например, норму правописания (орфографию). Потребность в ко-

дификации нормы произношения возникла давно, но попытки её установления не приводили к чётким результатам.

Произносительная норма немецкого языка впервые была разработана и принята в 1898 году Теодором Зибсом совместно с германистами и театральными деятелями, получив название „сценическое произношение“ („*Bühnenaussprache*“), так как была ориентирована на речь актёров театра. Форма данного произношения была сильно идеализирована, максимально приближена к письму („*Schriftsprache*“) и отдалена от речевой действительности [16, 25]. На протяжении долгого времени „сценическое произношение“ являлось нормативным, единым и много раз перерабатывалось.

В 1922 году выходит 13 издание Т. Зибса под названием „Немецкое сценическое произношение – литературный язык“ (*Deutsche Bühnenaussprache – Hochsprache*), в 1957 году – 16 издание „Немецкий литературный язык Зибса“ (*Siebs Deutsche Hochsprache*) с подзаголовком „*Bühnenaussprache*“. Слишком артикулированное *Bühnenaussprache* давно не соответствовало речевой действительности, поэтому в 19-ом издании Зибса (1969) помимо „чистого“ (*reine*) произношения вводится определение „умеренного“ (*gemäßigte*), которое является менее чётким и чаще употребляемым [18, 43]. Данное издание вышло под названием „Зибс – немецкое произношение“ с подзаголовком „Чистое и умеренное литературное произношение со словарём“ (*Reine und gemäßigte Hochlautung mit Aussprachewörterbuch*), где впервые отказываются от обозначения *Bühnenaussprache* и заменяют его на *Hochlautung* [18].

Однако о таких важных и характерных для немецкого произношения явлениях, как ассимиляция, элизия или редукция, ярко выраженных в речевой действительности, либо вообще не упоминалось, либо говорилось как о чуждых норме формах.

Появление радио и телевидения вызвало необходимость заново подвергнуть исследованию немецкое произношение, т. к. потенциальными носителями произносительной нормы являлись уже дикторы и „сценическое произношение“ было вытеснено новой нормой, которая была определена как *Standardaussprache* („стандартное произношение“) [19, 29].

В 1964 году появляется первое издание Словаря немецкого произношения „*Wörterbuch der deutschen Aussprache*“ (*WdA*), где термин *Hochlautung* употребляется наряду с термином *Standardaussprache*. Во втором издании словаря произношения Ду-

ден („*Der Große Duden. Aussprachewörterbuch*“ Bd. 6, 1974) оно было зафиксировано как общее, передаваемое прежде всего дикторами радио и названное *Standardlautung (Standardaussprache)* [9, 34]. По мнению Майнгольда, оно является употребимой нормой, которая приближена к речевой действительности, однако не отображает многообразие оттенков произносимой речи и исключает фонемное варьирование [15, 290].

В словаре „*Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache*“ (*GwdA*, 1982) определение *Hochlautung* больше не употребляется, вместо этого нормированное произношение обозначается как стандартное *Standardaussprache* [13, 11].

Под стандартным произношением понимают при этом „совокупность отобранных общественной языковой практикой традиционных и стабильных форм ... которые оцениваются как правильные и удовлетворяют с точки зрения эстетических критериев“ [13, 10]. В данном словаре произношения впервые вводятся стилистические варианты произношения в зависимости от ситуации употребления: декламация и произнесение праздничных докладов, чтение документов и художественной литературы по радио и спокойный деловой разговор или доклад с низкой степенью напряжённости [13, 73].

В последних словарях немецкого произношения (*GwdA, Duden*) стандартное произношение определяется как форма „нейтральная“, употребимая повсеместно и в любой речевой ситуации и не окрашенная диалектально [10; 11; 13].

Помимо стандартного произношения различают два вида не-нормативного (*Ungenormte Lautung*): разговорное повседневное произношение (*Umgangslautung*), менее чёткое и в меньшей степени отталкивающееся от орфографии, чем стандартное и преувеличенное (*Überlautung*), отличающееся большей чёткостью и приближённостью к орфографии, чем стандартное. Для формы разговорного произношения характерен ряд территориальных, социальных и ситуативных особенностей, например, место разговора – дома, на улице или на работе. Им часто пользуются, когда обращаются к широкой публике, преимущественно на телевидении, в кино и на радио [10, 64]. Так как разговорное произношение в противоположность стандартному сильно окрашено многообразием индивидуальных, социальных и региональных оттенков и особенностей, то систематизировать его невозможно.

Однако при определении стандартного произношения нельзя исключать тот факт, что для большого числа звуковых комплексов характерно наличие нескольких фонетических форм – полных и редуцированных, что и отражено словарях немецкого произношения, например: [‘a: bðnt] – [‘a: bmt] [13].

С фонетической точки зрения, слово состоит не только из суммы изолированно произнесённых отдельных звуков, точно так же как фонетическая форма предложения представлена совокупностью неизолированных звуковых артикуляций составляющих его слов. Это обстоятельство проявляется в модификациях, которые испытывают звуки в потоке речи.

Влияние звуков друг на друга вызывает комбинаторные (лат. *combinare* – „соединять“, „сочетать“) изменения, которые и осуществляются в фонетических процессах аккомодации, ассимиляции, диссимиляции. А влияние общих условий произношения вызывает позиционные изменения, например, такие как редукция [3, 75].

Именно эти фонетические явления (ассимиляция по месту образования и ассимиляция по глухости, редуцированный гласный [ð], а также произношение дрожащего согласного [r] и гласных низкого подъёма) до настоящего времени претерпевали наибольшие изменения с момента становления немецкой произносительной нормы.

В частности, выпадение редуцированного гласного [ð] в окончаниях [ðm] [ðn] [ðl], а также наличие прогрессивной ассимиляции, т. е. воздействие предыдущего согласного на последующий, уже давно является типичным и нормативным для немецкого стандартного произношения.

Лишь некоторые отечественные фонетисты (Агапитова Т. Г., Вербицкая Т. Д. и Новиков Д. М.) уделяют внимание в учебной литературе наличию ассимиляции по месту образования в немецкой системе консонантизма: „Если в результате выпадения [ð] в окончании –en рядом с [n] оказывается губной или заднеязычный смычной согласный, то он уподобляет себе носовой, заменяя его на губной или соответственно на заднеязычный носовой согласные, напр.: *tippen* [tipðn – tipm]; *sagen* [za: gðn – za: gn]. Такое уподобление называется ассимиляцией по месту образования“ [4, 25].

Сравнительный анализ различных изданий словарей немецкого произношения показал, что на протяжении долгого времениявление ассимиляции по месту образования отображается в них непо-

следовательно (см. табл. 1). Лишь в 1982 году в *GwdA* говорится уже о выпадении редуцированного [ð] и, вследствие этого об ассимиляции конечных согласных по месту образования, напр. *haben* [‘ha: bm] [13].

Таблица 1

Правописание	Abend	sagen
T. Зибс	‘a: bðnt	‘za: gðn
Duden 1962	‘a: bðnt	‘za: gðn
L 1964	‘a: bðnt	‘za: gðn
L 1969 / 74	‘a: bðnt	‘za: gðn
Duden 1974	‘a: bpt	‘za: gn
GwdA 1982	‘a: bmt / ‘a: bðnt	‘za: gn / ‘za: gðn
Duden 1990	‘a: bpt / ‘a: bðnt	‘za: gn / ‘za: gðn
Duden 2000	‘a: bpt / ‘a: bðnt	‘za: gn / ‘za: gðn

Последние два издания словаря произношения немецкого языка „Der Große Duden. Aussprachewörterbuch. Bd. 6“ (1990/2000) [10, 22], [11, 23] упоминают о наличии ассимиляции по месту образования лишь во вводной статье в разделе о произношении конечного слога /ðn/, где говорится, что „/ðn/ произносится как [n] (однослоговой n) в конце слова или перед согласной, если предыдущий слог не содержит [n], а именно после взрывных (смычных) согласных [p b t d k g]:

knappen [‘knapp] *Balken* [‘balkn]

halben [‘halbn] *röntgen* [‘roentgn], а в случаях [pn], [fn], [kp], [gn] чаще всего произносится [pm] [bm] [kp] [gn]:

knappen [‘knapt] *Balken* [‘balkn]

halben [‘halbm] *röntgen* [‘roentgn].

Сам же словарь даёт только одну форму произношения:

knappen [‘knapn] *Balken* [‘balkn]

halben [‘halbn] *röntgen* [‘roentgn] [11, 23].

Однако с таким явлением как ассимиляция по месту образования мы сталкиваемся в речевой действительности: оно чётко отображено в речи дикторов немецкого телевидения и радио, которые представляют собой носителей произносительной нормы.

Вернер Кёниг в своей работе „Atlas zur Aussprache des Schriftdeutschen in der Bundesrepublik Deutschland“ [14, 93] приводит данные относительно ассимиляции по месту образования, где из 100 % рассмотренных им случаев – *en* в конце слова (слога) в 60 % присутствует данная ассимиляция, причём не только после смычных, но и щелевых согласных: *fünf* ['fymf], *Hafen* ['ha:fən].

Нами был проведён перцептивный анализ речи дикторов немецкого государственного радио и телевидения „Deutsche Welle“ (всего 60 минут звучания). Было обнаружено 782 слова с конечным слогом – *en*, из них 131 после согласных *b*, *p*, *g*, *k*. Было установлено, что лишь 9 слов из 131 (7 %) были произнесены с редуцированным гласным в конечном слоге, ['ha:bən]. В остальных случаях присутствует ассимиляция по месту образования, например ['ha:bm]. Это свидетельствует, на наш взгляд, о сближении языковой нормы и речевой действительности, однако в словарях произношения (см. последние издания Duden), ориентированных не только на дикторов радио и телевидения, но и на людей, изучающих немецкий язык как иностранный, данный факт, к сожалению, не нашёл отражения. В связи с тем, что для немецкой артикуляционной базы характерна прогрессивная ассимиляция,ложенная в системе, нам представляется, что после губного [b] легче произнести также губной согласный [m], чем переднеязычный альвеолярный [n]. Поэтому форма произношения ['ha:bñ] в звучащей речи дикторов немецкого государственного радио и телевидения обнаружена не была, несмотря на то, что она зафиксирована в словарях произношения.

Рассмотренные нами вопросы коартикуляторных модификаций немецких согласных, связанные с взаимодействием системы, нормы и узуса, представляют собой не только теоретический интерес, но и чрезвычайно важны для обучения немецкой звучащей речи. Это относится не только к формированию произносительных навыков, приближённых к речи носителей языка, но, прежде всего, к умению понимать аутентичную немецкую речь, где ассимиляция по месту образования носит весьма частотный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики: Учеб. Пособие. – СПб.: Изд-во С. – Петербургского ун-та, 1991. – 152 с.
2. Бондарко Л. В., Зиндер П. Р. Исследование фонетики // Основы теории речевой деятельности / Отв. ред. А. А. Леонтьев. – М., 1974. – 368 с.
3. Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. – Л., 1976. – 124 с.
4. Вербицкая Т. Д. Немецкий – без акцента. Коммуникативно-ориентированный вводный фонетический курс немецкого языка. – М.: „Сириус“, 1995. – 150 с.
5. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. – М.: Высшая школа, 1979. – 312 с.
6. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике, вып. 3. – М., 1963. – 225 с.
7. Новиков Д. М., Агапитова Т. Г. Фонетика немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 239 с.
8. Der Große Duden. Aussprachewörterbuch. Bd. 6. (1. Aufl.) – Mannheim/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1962. – 790 S.
9. Der Große Duden. Aussprachewörterbuch. Bd. 6. (2. Aufl.) – Mannheim/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1974. – 790 S.
10. Der Große Duden. Aussprachewörterbuch. Bd. 6. (3. Aufl.) – Mannheim/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1990. – 798 S.
11. Der Große Duden. Aussprachewörterbuch. Bd. 6. (4. Aufl.) – Mannheim/Wien/Zürich: Dudenverlag, 2000. – 798 S.
12. Götze L. Normen – Sprachnormen – Normtoleranz / Deutsch als Fremdsprache. – München-Berlin: Langenscheid. – Heft 3. – 2001. – 193 S.
13. Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache / Krech E. M. u. a. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 600 S.
14. König W. Atlas zur Aussprache des Schriftdeutschen in der Bundesrepublik Deutschland / Werner König. – Ismaning: Hueber / Bd. 2. Tabellen und Karten. – 1. Aufl. – 1989. – 250 S.
15. Meinhold G. Phonostilistische Ebenen in der deutschen Standardaussprache // DaF. – 1986. – N. 5. – S. 288-294.
16. Siebs Th. Deutsche Bühnenaussprache. Hochsprache. 14. Aufl. – Köln, 1927. – 900 S.
17. Siebs Th. Deutsche Hochsprache. Bühnenaussprache. 18. Aufl. – Berlin: Walter de Gruyter, 1961. – 878 S.
18. Siebs Th. Deutsche Aussprache: Reine und gemäßigte Hochlautung mit Aussprachewörterbuch. 19. Aufl. – Berlin/New York: Walter de Gruyter, 1969. – 890 S.

1474211

Наукова бібліотека
Одеського університету
Ім. І. І. Мечникова

19. Wörterbuch der deutschen Aussprache / Bibliographisches Inst., Leipzig, 1964. – 455 S.
20. Wörterbuch der deutschen Aussprache / Kreh E. M. u. a. – Leipzig, 1974. – 700 S.

КОМПОЗИЦИОННО-ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ В НЕСОБСТВЕННО-АВТОРСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ (на материале новеллистики Фланери О'Коннор)

Как известно, направленность авторской оценки в пределах произведения зависит от двух факторов – от мировоззрения писателя, а также от свойств оцениваемых явлений [24, 159]. Зависимость эта обнаруживается тем полнее и отчетливее, чем больше оценка обоснована данными свойствами, чем она ближе к действительности. В силу этого типологическое сходство изображаемых конфликтных ситуаций и соответствующих форм человеческого поведения часто приводит к известной повторяемости идеино-эмоциональной оценки в произведениях художника [19, 125], позволяющей говорить о тональности его творчества в целом. Творчеству выдающейся представительницы американской “южной школы”, мастера психологической новеллы О'Коннор такую тональность придает ирония.

Не видя в современном ей обществе положительного идеала и беспощадно высмеивая его безнравственность и внутреннюю опущенность, О'Коннор воссоздает в своих произведениях “полный спектр пороков большого общества” [29, 12], определяющих колорит ее произведений. О'Коннор отмечала: “Писателю, делающему упор на духовные ценности, вполне пристало видеть то, что окружает его в этой стране сегодня в наиболее мрачном свете” [28, 102].

Исходя из принципов трагической иронии, с одной стороны, и романтической иронии, с другой, О'Коннор по-новому реализует их возможности. Как известно, в основе романтической иронии лежит диалектика комического и трагического. Используя в качестве источника комического такие традиционно южные темы, как убийство, увечья, физическое уродство, сумасшествие, опьянение, О'Коннор пытается воздействовать на читателя методом “шокотерапии”. Юмор писательницы “жуткий, леденящий, он резко обрывается, почти сразу же утрачивая свою смеховую стихию” [15, 171], что позволило некоторым критикам отнести ее творчество к современной готике [27, 7]. Сама писательница категорически возражала против такого причисления, подчеркивая: “Мое искусство – коми-

ческое, но это не мешает ему быть серьезным” [28, 253]. Гротескный юмор О’Коннор является важным средством сатирической критики уродливого в общественной жизни и уже поэтому утверждает положительные эстетические идеалы. Как справедливо отмечает литературовед В. И. Оленева, О’Коннор “чужда позиция “тотального пессимизма”, присущего модернистской художественной практике”. Своим творчеством она отстаивает “гуманистические идеалы и принципы, защищая нравственные и духовные ценности человека” [15, 179]. Эта же мысль высказывается и американским критиком И. Хассаном: “Смеясь и потешаясь, держать курс к сокровенной истине – в этом сходились взгляды столь разных писателей как Бергер, Беллоу, Хоукс, Берроуз, Хеллер, Парди и Ф. О’Коннор; возводя иронию в универсальный принцип, они стремились вернуть миру утраченную им душу” [11, 563].

Ирония, как форма идеино-эстетического отношения к действительности, лежит в основе художественного метода писательницы, проявляясь на всех уровнях организации ее произведений – идеино-содержательном, сюжетно-композиционном и собственно языковом и таким образом обеспечивая внутреннее единство и целостность как отдельных произведений О’Коннор, так и всего ее творчества в целом.

На идеино-содержательном уровне, понимаемом как макроконтекст всего творчества, приемы создания иронии не зависят от конкретного сюжета: это трагическая ирония (о трагической иронии или “иронии судьбы”, которую нередко называют объективной иронией, а применительно к самой реальности – “иронией истории” см. 9, 180; 2, 448). В ее основе – постоянно разворачивающаяся в тексте дилемма: несоответствие между субъективной самооценкой персонажа и его объективной значимостью.

Основополагающее для иронии противоречие между содержанием явления и способом его внешнего выражения раскрывается здесь через систему образов и их взаимодействие (сюжет). Практически во всех произведениях писательницы сюжетная линия развивается по правилам трагической иронии: герой уверен в себе и не предполагает, что именно его поступки подготавливают трагическое для него разрешение конфликта; при этом позиция автора косвенно обнаруживается в логике событий, в том, “как складываются человеческие судьбы, к каким итогам приходят персонажи, как

формируются их отношения и к каким результатам эти взаимоотношения приводят” [22, 20], т. е. имеет место “интерпретация человека через его деятельность посредством событий” [20, 10].

Несоответствие представлений героев о себе как о личности характеру их действий находит конкретно-чувственное выражение в двунаправленности образов, ситуаций, сюжета в целом, в результате чего герои предстают перед читателем в двойном обличье.

В качестве основного средства выявления двунаправленности выступает дистанто реализующаяся, или постponированная, ирония, рассматриваемая как материальное воплощение трагической иронии в ходе линейного развертывания текста. Находясь в диалектическом единстве с идеальным аспектом произведения, постponированная ирония представляет собой наивысший уровень актуализации речевых единиц – актуализацию на уровне текста – и осуществляется в результате ретроспективного переосмысливания положительно-оценочных лексем, эксплицитно представляющих точку зрения персонажа. В отличие от стилистического приема иронии в его традиционном понимании [13, 179–182], постponированная ирония не предполагает одновременной реализации двух взаимоисключающих значений слова – предметно-логического и контекстуального. Подобный стилистический эффект в несколько ином плане освещался в работах: [7; 18; 21; 26]. А. А. Щербина рассматривает данную разновидность иронии как “косвенную”. Н. К. Салихова квалифицирует ее как “скрытую”, в отличие от “явной”. Вводимый нами рабочий термин “постponированная” ирония (букв. “отложенная на потом” от англ. *to postpone* – откладывать) представляется в данном случае более подходящим, поскольку он полнее раскрывает суть описываемого явления. Механизм иронии срабатывает не сразу в связи с запаздыванием коннотаций, кумулирующихся в тексте по мере накопления информации экстралингвистического порядка, которая, в свою очередь, также имеет языковое выражение. Поэтому на начальном этапе оценочные единицы воспринимаются в их прямом лексическом значении, не обнаруживая скрытой авторской модальности. При восполнении недостающих для реализации приема логических звеньев, вступающих в противоречие с инициальной, т. е. персонажной точкой зрения, двойственность логически несвязанного обнаруживается, в результате чего происходит полное изменение направленности оценки. Проиллю-

стрируем это на примере одного из лучших произведений писательницы – “Все, что поднимается ввысь, должно сойтись воедино” (*“Everything that Rises Must Converge”*). Герой новеллы Джулиан, считая себя человеком передовых взглядов, убежден в своей исключительности. Пребывая в постоянном душевном напряжении, связанном, как выясняется, с невозможностью удовлетворения главным образом материальных запросов, Джулиан подвергает бессистемной и непоследовательной критике все – начиная от социальных проблем до собственных семейных отношений. Психическое напряжение героя находит разрядку в форме самоутверждения на фоне оскорбительной критики матери, воспитавшей его без отца и ценой больших усилий давшей ему образование. Примечателен в этом плане внутренний монолог Джулиана из экспозиции рассказа:

Behind the newspaper Julian was withdrawing into the inner compartment of his mind where he spent most of his time. (...) What she meant when she said she had won was that she had brought him up successfully and had sent him to college and that he had turned out so well – good-looking (her teeth had gone unfilled so that his could be straightened), intelligent (he realized he was too intelligent to be a success), and with a future ahead of him (there was of course no future ahead of him). She excused his gloominess on the grounds that he was still growing up and his radical ideas on his lack of practical experience. She said he didn't yet know a thing about "life", that he hadn't even entered the real world – when already he was as disenchanted with it as a man of fifty.

The further irony of all this was that in spite of her, he had turned out so well. In spite of going only to a third-rate college, he had, on his own initiative, come out with a first-rate education; in spite of growing up dominated by a small mind, he had ended up with a large one; in spite of all her foolish views, he was free of prejudice and unafraid to face facts. Most miraculous of all, instead of being blinded by love for her as she was for him, he had cut himself emotionally free of her and could see her with complete objectivity. He was not dominated by his mother.

The bus stopped with a sudden jerk and shook him from his meditation (411-412).

Уже здесь прослеживается раздвоение между тем, что свойственно персонажу, и тем, что хочет сказать автор-сатирик. При этом автор никак не комментирует происходящее, сообщая о нем лишь с позиций непосредственных участников событий. Вводя во внутренний монолог Джулиана лексику, отражающую точку зрения матери, и усиливая таким образом полифоничность изложения в целом, автор представляет читателю возможность собственных оценок и выводов. Расхождение в осмыслении одного и того же персонажем и читателем в данном случае возникает за счет широкого использования положительно-оценочных квазитативных лексем, на которые накладывается ограничение “вряд ли корректно” [3, 282], а также применением синсемантической лексики – наречий *still, yet, even, already, only*, обеспечивающих взаимодействие двух противоположных точек зрения, ни одна из которых не является авторской. Столкновение разного восприятия происходящего героем и читателем углубляется повтором *in spite of*, усиливающим эмоциональность, а следовательно, и субъективность изложения, опровергая точку зрения героя (*he could see her with complete objectivity*). В дальнейшем контексте представления героя о себе все менее соответствует действительности. Однако полная реализация иронического эффекта происходит лишь на уровне текста – после того, как состоится разоблачение персонажа по каждому из пунктов его самохарактеристики (*intelligent, free of prejudice, unafraid to face facts* и т. д.). Завершающим штрихом в характеристике героя является неожиданная развязка – смерть матери, происшедшая по воле нелепого случая, которая обнажает истинную природу Джулиана: на деле он оказывается беспомощным и жалким, не только материально, но и духовно зависимым от матери.

Этапом на пути выявления иронического противоречия в характере героев является контраст. Антитетичность присуща мышлению вообще, и всякое сопоставление, а следовательно, и анализ явлений предполагает выяснение схожего и различного. Поэтому контраст, направленный на “... обнаружение истинного за показным, видимым, сущностного за кажущимся, реального за декларируемым” [25, 243-244], как и иронию, обнаружению которой он служит, можно рассматривать как один из способов познания, основанный на целенаправленном выделении несоответствия между полноценным содержанием и его претендующей на значимость

формой. Упомянутое несоответствие обращено прежде всего к эмоциональной, чувственной стороне деятельности реципиента, позволяя глубже разобраться в сущности характеризуемого явления. Значение эмоциональной стороны в процессе познания общепринято и имеет психологическое объяснение [8, 101-106; 1, 300]. Исторически именно эмоциональный аспект формировал и стимулировал развитие рационального. Поэтому не удивительно, что контраст находит широкое применение в постижении наиболее сложных явлений, которые не всегда поддаются логическому анализу, – и прежде всего в познании человека и общества.

Образы героев О'Коннор строятся на противоречиях, призванных оказать определенное психологическое воздействие на читателя. Проникая в строй раздумий своих персонажей и заставляя их таким образом самохарактеризовать себя, автор с помощью нагнетания контраста осуществляет разоблачение их претензий на роль людей умных, образованных, передовых.

Наблюдения над техникой создания контраста при воспроизведении повествовательной точки зрения героев позволили выделить наиболее типичные случаи его функционирования. Это, прежде всего, местоименная оппозиция *he, she, they vs. other people*, отражающая контрастное восприятие действительности персонажем, его неоправданное противопоставление себя обществу. Ср.: *he felt free of the general idiocy of his fellows* (411).

Исследователями неоднократно отмечалась способность местоимений к приобретению адгерентной экспрессивности [5; 12]. В частности, Л. Н. Лихачева пишет, что личное местоимение *we* может употребляться для обозначения группировки людей, в которую говорящий включает себя, при этом у местоимения ощущается коннотация сочувствия [12, 55], которая, на наш взгляд, соотносится с понятийным содержанием единства квалифицируемых объектов в их оппозиции к другим. В творчестве О'Коннор местоимение *we* в прямой речи, а в повествовании от третьего лица – соответственно *they*, как правило, обозначает союз двух людей, в который включает себя один из участников речевой ситуации, отводя себе более высокое положение в нем. Такое перераспределение социальных ролей сказывается в нарушении принципа семантической соотнесенности денотатов, вследствие чего у местоимения обнаруживаются отрицательно-оценочные коннотации. Так, например, Джюлиан, желая про-

демонстрировать свои передовые взгляды, подсаживается к негру в автобусе, безуспешно пытаясь завязать разговор с ним:

... *He would have liked to get in conversation with the Negro and talk with him about art or politics or any other subject that would be above the comprehension of those around them*, but the man remained entrenched behind his paper. He was either ignoring the change of seating or had never noticed it. There was no way for Julian to convey his sympathy (412-413).

В данном случае неискренность и высокомерие героя, сообщающие определенные коннотации местоименной оппозиции *those: them*, обнаруживаются благодаря эмфатическому употреблению наречия *never*. Заключительная фраза, подытоживающая результаты бесплодной деятельности героя, содержит в себе элемент авторской иронической интонации, указывающей на скрытый смысл, которого нет в словах, но который играет важную роль в раскрытии идейного содержания новеллы. Попытки Джюлиана обречены на неудачу, ибо негры не нуждаются в его сочувствии, подобно тому, как не нуждаются в оскорбительных подачках его матери, с ненавистью и презрением относящейся к неграм, но демонстрирующей великолудшие по отношению к их детям. Как выясняется из контекста, стремление Джюлиана к общению с неграми связано главным образом с желанием позлить мать, отомстить ей за собственную нерешительность и инертность:

He began to imagine various unlikely ways by which he could teach her a lesson. He might make friends with some distinguished Negro professor or lawyer and bring him home to spend the evening. He would be entirely justified but her blood pressure would rise to 300. He could not push her to the extent of making her have a stroke, and moreover, he had never been successful at making any Negro friends (414).

На примере данного отрывка можно проиллюстрировать вторую разновидность проявления контраста – “обратное приращение” или “антиградацию”, суть которого состоит в смысловой неожиданности заключительной части предложения, резко снижающей его первоначальный тон [14, 8], – т. е. в создании эффекта “обманутого ожидания”. Особенно эффективны случаи антиградации, в которых обманутое ожидание усиленно предшествующим нарастанием (градацией):

He imagined (...) he brought home a suspiciously Negroid woman. Prepare yourself, he said. There is nothing you can do about it. This is a woman I've chosen. She's intelligent, dignified, even good... (414).

В цитируемом примере стилистический эффект основан на семантическом контрасте, который возникает в результате нарушения внутренней смысловой гомогенности предложения за счет противопоставления входящих в него слов, создаваемого наречием *even*, которое, нисколько внешне не нарушая логической последовательности, полностью изменят общий модально-оценочный аспект высказывания.

Семантическая противопоставленность составных частей предложения может создаваться контекстуальными антонимами:

...He never spoke of it without contempt or thought longing (408).

Антонимичность составных частей высказывания в большинстве случаев преследует цели акцентуации противоестественности эмоциональной реакции персонажей на то или иное высказывание, событие: выражение удовольствия вместо огорчения, презрения вместо сочувствия и т. д., подчеркивающих индивидуалистическую разобщенность людей в обществе, разрушение и деградацию эмоциональных связей даже между близкими людьми. Например:

It gave him a certain satisfaction to see injustice in daily operation (412) или:

He imagined his mother lying desperately ill and his being able to secure only a Negro doctor for her. He toyed with that idea... (414).

Психологической основой создания контраста в таких случаях является несовместимость психического состояния персонажа с переживаниями, входящими в опыт читателя. Не располагая оценочными единицами в своем составе, такие высказывания по своему значению расходятся с общепринятыми ценностными критериями, в силу чего получают оценочное значение. Наиболее яркий пример в плане несоответствия высказывания принципам и этическим нормам человеческого общества находим в рассказе "Озноб" /"The Enduring Chill"/: *He was pleased she could see death in his face... (357).*

Один из главных мотивов творчества О'Коннор, который заключается в том, что представление людей о себе не всегда соответствует представлениям о них других людей [16, 12], находит

выражение в двунаправленности ситуации. Как и вышеописанные случаи проявления контраста, надлинейно, т. е. опосредованно выражющие авторскую точку зрения, двунаправленные ситуации строятся на информативной непредсказуемости заключительной части сообщения.

Как правило, двуплановость ситуации создается контрастом контекста и составляющих его лексических единиц, что приводит к реализации иронического эффекта, в основе которого лежит противоречие между узуальным и контекстуальным значениями слова. Например: герой рассказа "Озноб" писатель-неудачник Эшбери Фокс попадает в нелепые ситуации, собирая материал для своей новой пьесы о неграх. Пытаясь проникнуть в психологию негров-работников на ферме матери, Эшбери то устраивает с ними перекуры во время работы в коровнике, то пытается убедить негров пить парное молоко, рассматривая их совместные действия, как символ единения. При этом один и тот же факт характеризуется двояко:

1) путем передачи несобственно прямой речи героя

... It was one of those moments of communion when the difference between black and white is absorbed into nothing (368);

2) с помощью диалога негров

"How come you let him drink all that milk every day?"

"What he do is him", Randall said. "What I do is me."

"How come he talks so ugly about his ma?"

"She ain't whup him enough when he was little", Randall said (370).

Прямое содержание несобственно прямой речи, накладываясь на реальный план событий, сообщает всей ситуации новое содержание: отсутствие взаимопонимания между персонажами, обозначенное иронически переосмыслимой лексемой *communion*. В дальнейшем контексте на фоне нейтрального окружения слово *communion* воспринимаются с наслоением предшествующих коннотаций, т. е. имеет место одновременная ретро- и проспективная иррадиация его значения, что еще более усиливает его экспрессивно-стилистический потенциал и увеличивает общую напряженность повествования. Повторяясь уже аксиологически переосмысленной, рассматриваемая лексическая единица создает лейтмотив и таким образом приобретает элемент авторской оценки:

Suddenly he thought of that experience of communion that he had had in the dairy with the Negroes when they had smoked together and at once he began to tremble with excitement. They would smoke together one last time (378).

Ситуативная двунаправленность подчинена задаче раскрытия двунаправленности сюжета. Так, в finale рассказа выясняется, что неизлечимая болезнь Эшбери, играющего в трагическую разочарованность в жизни, – не что иное, как бруцеллез, которым он заболел, когда пил, несмотря на запрет матери, непастеризованное молоко.

Представляя собой типично южный прием двух описаний одного и того же события, двунаправленные ситуации являются одним из важнейших средств создания гротеско-комического и расчитаны на определенную эмоционально-эстетическую реакцию читателя.

В творчестве О'Коннор, комическое, как говорилось выше, служит цели сатирического разоблачения моральных устоев обывателей, пустоты и бессмыслинности их существования. Один из наиболее часто высмеиваемых пороков – самодовольное невежество, которое, по мнению писательницы, не зависит от уровня образования. Так, кичащийся своей образованностью Эшбери Фокс, не находя среди окружающих его людей достойных собеседников, просит мать пригласить в дом иезуита, способного, по его предположению, понять его: *the priest appealed to him as a man of the world... who... understood the unique tragedy of his death, a death whose meaning had been far beyond the twittering group around them... He would talk to a man of culture – even in this desert* (371). Однако надежды Эшбери не сбываются. Церковнослужитель, образ которого создается серией гротескных деталей и речевой партией, оказывается невежественным и не в состоянии понять героя, более того, он обвиняет растерянного Эшбери в невежестве:

"You are a very ignorant boy" (...)

"Are you so ignorant you've never heard of the Holy Ghost?" the priest asked. (...) "The Holy Ghost will not come until you see yourself as you are – a lazy ignorant conceited youth!" he said, pounding his fist on the little beadside table. (...) The last thing Asbury heard him say was, "He's a good lad at heart but very ignorant." (376-377).

Повтор лексических единиц в двунаправленных ситуациях, как в данном случае, приводит к реконструкции оценки в обратном порядке – к поиску, а процессе которого осуществляется припомнение высказываний, деталей, которые в ретроспективном сопоставлении получают ироническое освещение.

Размеры контекста, в котором осуществляется приращение смысла, варьируют от нескольких страниц до двух контекстно-связанных реплик или гиперфраз. Под термином “гиперфраза”, мы понимаем пару фраз, “одна из которых выступает как интерпретируемая (адьюнкт), а другая – как интерпретирующая (ядро)” [23, 6]. Зависимость гиперфраз от контекста проявляется в том, что вторая реплика допускает более одной интерпретации первой, имплицируя иное, ретроспективно каузированное содержание. Имея одинаковый смысловой стержень, т. е. тему, интерпретируемая и интре-претирующая реплики значительно отличаются по интонированию смысла, вследствие различного понимания персонажами одного и того же явления. Используя недоразумения, появляющиеся при этом, О'Коннор создает двусмысленные микроситуации. Например:

"I wouldn't milk a cow to save your soul from hell".

"I know you wouldn't", she said in a brittle voice (321).

В первой реплике чрезвычайно экспрессивно говорится о нежелании сына заниматься сельскохозяйственным трудом, во втором – имплицируется мысль о материнском одиночестве, которая строится на сознательной асимметричности повторяемой лексической единицы *wouldn't*, имеющей специфическую просодию. В таких случаях можно говорить о контрапунктивности информации, т. е. о способности одновременной реализации двух сообщений, идущих параллельно [4, 28].

Рассмотрим еще пример:

After a moment turning his head on the pillow, he said, "Mother, I went to tell the Negroes good-bye". (...)

"Good-bye?" she said in a flat voice. "Where are you going?" (379).

Как и в предыдущем случае, в цитируемом примере двуплановость гиперфразы вытекает из функциональной двойственности повторяющейся единицы (ср.: *to tell good-bye before dying u to tell good-bye before leaving*); т. е. рассматриваемая единица реализует

свой семантический потенциал одновременно в двух направлениях без изменения семантики словосочетания в целом.

Целью ответных реплик описываемых структур является импликация негативного эмоционально-оценочного отношения отправителя сообщения к содержанию предыдущего высказывания, которое, как правило, эксплицируется ремаркой. В. А. Кузнецова пишет, что в гиперфразах данного типа обязательным формальным признаком является повтор некоторых лексем ядра в адъюнкте [10, 79]. Данное замечание справедливо для подавляющего большинства гиперфраз. Однако, как выяснилось, повтор компонентов первой реплики во второй не обязателен. Например:

She had been once to the terrible place he lived in New York. They had gone up five flights of dark stone steps, past open garbage cans on every landing to arrive finally at two damp rooms and a closet with a toilet in it. "You wouldn't live like this at home", she had muttered.

"No!" he'd said with an ecstatic look, "it wouldn't be possible!" (362).

Двуплановость рассматриваемой гиперфразы обусловлена контексто-прагматическим употреблением словосочетания *to live like this* двумя персонажами – его произнесением вслух в первой реплике и импликацией во второй. При этом имплицируемое оценочное содержание ретроспективно опирается на контекст, в котором шла речь об отрицательном отношении героя к жизни в родительском доме. “Субъективная растяжимость” [17, 87] семантики местоименной формы, входящей в состав сравнительного оборота, разрешает две интерпретации гиперфразы, ибо “сам принцип употребления основан именно на возможности соотнесения их с контекстом” [6, 42].

Таким образом, в творчестве О'Коннор двунаправленность прослеживается на уровне сюжета, ситуаций, слов и словосочетаний и подчинена задаче раскрытия двунаправленности образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богословский В. В., Ковалева А. Г., Степанова А. А. Общая психология. 3-е изд. – М.: Просвещение, 1981. – 383 с.
2. Большая советская энциклопедия в 30-ти томах. 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – Т. 10. – С. 447-448.
3. Вольф Е. М. Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. – М., 1979. – С. 273-294
4. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. – М.: Высшая школа, 1974. – 174 с.
5. Гомберг Е. И. Стилистические функции местоимений в современной английской и американской прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: – Л., 1976. – 25 с.
6. Гомберг Е. И. Экспрессивно-оценочная функция местоимений // Иностранные языки в высшей школе. Лингвистика, психология и методика обучения иностранным языкам. – Рига: Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1973, вып. 1. – С. 42-58.
7. Казанская К. П. Некоторые стилистические приемы создания эффекта иронии в портретных характеристиках романа С. Ричардсона “Кларисса Гарлоу” // Вопросы стилистики английского языка. – МГПИИ им. М. Тореза, 1980. - Вып. 155. – С. 22-28.
8. Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. – М.: Политиздат, 1979. – 216 с.
9. Краткая литературная энциклопедия в 8-ми томах. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – Т. 3. – С. 179-181.
10. Кузнецова В. А. Гиперфразы с отрицательно-оценочной экспрессией в современном английском языке // Экспрессивные средства английского языка. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976. – С. 78-84.
11. Литературная история Соединенных Штатов Америки. Под. ред. Р. Спиллера, У. Торпа, Т. Н. Джонсона, Г. С. Кэнби. – М.: Прогресс, 1979. – 643 с.
12. Лихачева Л. Н. Опыт лингво-стилистической интерпретации повествовательной точки зрения в рассказе К. Мэнс菲尔д “Солнце и Луна” // XXVIII Герценовские чтения. Иностранные языки. – ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975. – С.42-59
13. Мороховский А. Н., Воробьев О. П., Лихошерст Н. И., Тимошенко З. В. Стилистика английского языка. – Киев: Вища школа, 1984. – 247 с.
14. Новицкая З. В. Традиции американского юмора XIX ст. и речевые средства комического у М. Твена: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1962. – 27 с.
15. Оленева В. И. Социальные мотивы в американской новеллистике. – Киев: Наукова думка, 1978. – 207 с.

16. Петрухина М. Рассказы Фланнери О'Коннор // O'Connor, Flannery. Short Stories. – М.: Международные отношения, 1980. – С.3-13.
17. Пиоторовский Р. Г. Очерки по стилистике французского языка. – Л.: Учпедгиз, 1960. – 224 с.
18. Полоцкая Э. А. Внутренняя ирония в рассказах и повестях А. П. Чехова // Мастерство русских классиков. – М.: Советский писатель, 1969. – С. 438-493.
19. Руднева Е. К. К вопросу о типологии художественного содержания //Методологические проблемы истории и теории литературы. – Вильнюс, 1978. – С. 122-126.
20. Рымарь Н. Т. Современный западный роман: Проблемы эпической и лирической формы. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. – 128 с.
21. Салихова Н. К. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема иронии (на материале английской и американской литературы VIII-XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1976. – 23 с.
21. Скobelев В. П. Поэтика рассказов. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1982. – 155 с.
22. Сыроваткин Н. С. Контекстно-связанные фразы: ряд способов описания // Некоторые вопросы английской филологии. – Челябинск, 1972, вып. 3. – С. 3-29.
23. Успенский Б. А. Поэтика композиции. – М.: Искусство, 1970. – 225 с.
24. Хованская З. И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии. – М.: Высшая школа, 1980. – 303 с.
25. Щербина А. А. Заметки о природе и технике иронии // Вопросы русской литературы. – Львов, 1971. - Вып. 1 (16). – С.40-47.
26. Carter, M. W. The true country. Themes in the fiction of Flannery O'Connor. – Nashville (Tenn.): Vanderbilt univ. press, 1969. – 253 p.
27. O'Connor, Flannery. Mystery and manners. Occasional prose. Selected and ed. by Sally and Robert Fitzgerald. – N. Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1969. – 237 p.
28. Stephens, M. The question of Flannery O'Connor. – Baton Rouge: Louisiana state univ. press, 1973. – 205 p.
- Художественные тексты*
29. O'Connor, Flannery. The Complete Stories. – N. Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1971. – 555 p.

К. А. Горшкова, Н. Г. Шевченко

ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

Концепт представляет собой диахотическую психическую и языковую систему, каждая из составляющих которой организована в иерархически структурированный континуум. По мнению И. Б. Штерна, концепт, воплощающий культурно-обусловленные представления носителя языка о мире, является прообразом производных понятий и имеет в языке определенное имя, т. к. реальность отражается не опосредованно, а через язык [5, 169].

Представляется плодотворной идея И. А. Стернина о полевой структуре концепта [4, 14], которая позволяет рассматривать компоненты структуры в их иерархической последовательности. Исследователь, изучающий концепт, продвигается от его ядра к единицам, находящимся на разной степени удаленности от него. Последний этап анализа содержательной структуры концепта представляет собой возвращение к ядру, т. е. ретроспективное и более глубокое его осмысливание.

Продуктом номинативной репрезентации концепта является текст, одновременно обобщающий данные о картине мира и являющийся отправной точкой для дальнейшего ее изучения и обобщения.

Этот процесс начинается с концептуального анализа текста, который предполагает определение его концептуальной сущности, воплощающей представление адресанта об описываемом им отрезке действительности. При этом, концепт понимается как сформулированная идея произведения [1, 75]. Исследователь расчленяет текстовую целостность, “высвечивая” концептуальное ядро, репрезентированное языковой единицей, главным образом, словом – носителем основной концептуальной информации. Затем исследуется периферия концепта, маркированная разноуровневыми языковыми единицами.

Публичное выступление дает благодатный лингвистический материал для исследования категории концептуальности, поскольку в нём точка зрения автора максимально эксплицитна. Задача

оратора состоит в убеждении слушателей с целью побудить их к дальнейшим действиям.

Текст публичного выступления представляет собой одну из форм существования культуры и опыта нации в определенный период ее исторического развития. Изучение истории и культуры нации возможно на основе исследования концептуальной структуры текстов – носителей знания об объекте изучения.

Основной задачей анализа публичного выступления является вычленение его идеологической сущности (т. е. концептуального ядра) с целью формирования в когнитивной системе адресата концептуальной картины участка действительности, соотносимой с той, которая представлена адресантом в тексте. Абсолютно адекватного совпадения объемов достичь невозможно, во-первых, в связи с невозможностью совпадения соответствующих концептуальных структур в сознании адресанта и адресата (что обусловлено их разными тезаурусами) и, во-вторых, в связи с невозможностью адекватной репрезентации концепта средствами языка (что обусловлено, главным образом, полисемией лексических единиц, формирующих концепт).

С дополнительными препятствиями сталкивается исследователь, анализирующий текст чужой культуры. Являясь единицей познания мира, концепт представляет собой и единицу межкультурной коммуникации [2, 90-92].

Исследование концептуального содержания иноязычного и “инокультурного” текста опирается не только на знание языка, но и на глубокие фоновые знания. Потери концептуального характера, к сожалению, при этом неизбежны.

Моделирование концепта публичного выступления осуществляется на базе разработанных лингвистической наукой методов анализа текста. Основными, используемыми в данной работе, являются ассоциативный и контекстологический. Ассоциативный метод используется для обработки культурологической информации, требующей адекватных фоновых знаний. Контекстологический метод используется для выделения лексических маркеров, репрезентирующих концептуальное ядро текста, и установления внутритекстовых и семантических связей, обеспечивающих идеологический континуум текста.

Конечной целью концептуального анализа является выявление многоуровневой иерархической содержательной структуры текста, соотносящейся с иерархически организованной структурой концепта. Достижение цели возможно при а) обязательном членении текста на смысловые блоки, б) выявлении ядерных и периферийных языковых (в основном лексических) маркеров идеологического концепта в каждом, в) установлении семантических связей между ними и г) синтезировании полученных данных в единое содержательное целое – идеологический концепт текста.

Яркий образец публичного выступления представляет речь Авраама Линкольна, произнесенная при освящении кладбища в Геттисберге в 1863 [6]. С целью выявления концепта публичного выступления в данном тексте выделены иерархически структурированные семантические блоки, представляющие три типа континуума: временной, пространственный и идеологический.

Основой членения содержательной структуры текста является наличие отчетливо прослеживаемой иерархии в организации временного континуума. Три временных плана представлены совокупностью лексических и грамматических средств.

План прошлого, связанный с появлением в мире в 1776 году новой американской нации, реализуется сочетанием лексических темпоральных маркеров: *four score and seven years ago; our father; the dead; the last* и вида-временных форм глагола: *brought; fought; gave; did* (прошедшее простое).

План симвултального настоящего, т. е. 1863 год, явившийся переломным в ходе гражданской войны между Севером и Югом, представлен сочетанием лексического маркера в форме временного дейкса *now; substantivированного причастия the living*, в интенсионale которого заложена сема настоящего; вида-временных форм глагола *are engaged, say* (настоящее простое); *have come* (настоящее совершенное).

План будущего в речи А. Линкольна связан с формулированием им задач по сплочению и возрождению американской нации. Лингвистическими средствами реализации плана будущего служат словосочетания: *great task remaining before us; unfinished work; модальные глаголы* со значением различных оттенков долженствования: *It is for us the living to be here; it is rather for us to be; this nation... shall have a new birth of freedom; this government... shall not*

perish from the earth и формы будущего простого: *will little note; will long remember; will never forget.*

Эти три временных плана представлены как последовательно разворачивающаяся темпоральная цепочка, реализующаяся в едином пространственном континууме, средствами презентации которого в тексте служит как автосемантическая, так и синсемантическая лексика. Одним из таких пространственных маркеров, косвенно указывающих на континент, является ситуативно обусловленный дейксис *this: this continent = America*. Прямыми указанием на место действия служит словосочетание *a great battlefield*, каждый компонент которого концептуально значим: прилагательное *great* ассоциируется в сознании слушателей с исторически важным событием, определившим судьбу страны. Само предполагаемое кладбище обозначено словосочетанием *a final resting place* – автор намеренно избегает использования прозаического слова “кладбище” *cemetery*, заменяя его эвфемистическим “последнее место упокоения” и таким образом подчеркивая своё уважение к подвигу павших.

Рассмотренные формы континуума формируют культурно-исторический фон для реализации идеологического континуума, являющегося концептуальной доминантой текста. С точки зрения оратора главным консолидирующим понятием для страны в судьбоносный период ее развития является понятие “нация”, представленное в речи словами *nation* и *people*. Об этом свидетельствует пятикратный повтор существительного *nation* и троекратный повтор синонимичного ему существительного *people*. При этом происходит расширение контекстуальной семантической структуры существительного *nation*, соотносимого в тексте с различными пространственно-временными планами. Инициальное использование *new nation* восходит к 1776 году – году принятия Декларации Независимости, провозгласившей образование американской нации, основополагающими принципами которой были свобода (*liberty*) и равенство (*all men are created equal*).

Генерализированное значение реализуется в словосочетании *any nation*, имплицирующем способность любой нации, основанной на таких принципах, выстоять, сохранить свои идеалы в братоубийственной гражданской войне.

Заключительные строки Обращения содержат призыв к нации, которой предстоит вородиться и завершить великое дело консолидации. Благодаря контекстному окружению (*this nation under God shall have a new birth of freedom*) словосочетание *this nation* реализует концептуальную доминанту текста: необходимость отстоять идеалы свободы.

Линкольн демонстрирует своё единство с народом, частью которого себя ощущает, посредством актантных, темпоральных и пространственных дейктических маркеров *we, our, this, here, now*, таким образом “высвечивая” концепт: настоящее и будущее нации невозможно без прошлого, без идеалов, сформулированных в ходе исторического развития, главными из которых являются идеи свободы и равенства – соответственно в речи используются лексемы *freedom, liberty, equal*. Олицетворением этих идеалов является исторически сложившаяся в стране система правления: *this government of the people, for the people, by the people*. Синонимичное существительному *nation* слово *people* намеренно отсылает слушателя (читателя) к первым строкам основополагающего документа истории страны Конституции США: *We, the People*, подчеркивая приверженность автора идеалам, сформулированным в этом документе.

Лейтмотив речи Линкольна – преданность делу праотцов и необходимость завершить начатое ими дело (*the unfinished work, the great task*) находит отражение в многократном повторе синонимов *dedicate, devote, consecrate, hallow* и их дериватов.

Таким образом, в интенсионале содержательной структуры концепта “американская нация” (*nation*), с точки зрения А. Линкольна, присутствуют компоненты “равенство” (*all men are created equal*) и “свобода” (*liberty, freedom*), что и позволяет отнести эти понятия и называющие их лексемы к концептуальному ядру исследуемого текста.

Периферия концепта реализуется за счёт разноуровневых маркеров как пространственно-временного, так и идеологического континуума, обнаруживающих тесные семантические связи с ядром и обеспечивающих понимание концепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988.
2. Межкультурная коммуникация. Учеб. пособ. – Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2001.
3. Селиванова Е. А. Когнитивная ономасиология. – Киев: Фитосоциоцентр, 2000.
4. Стернин И. А. Может лингвист моделировать структуру концепта? // Когнитивная семантика. – Ч. 2. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – С. 13-17.
5. Штерн І. Б. Вибрани топіки та лексикон сучасної лінгвістики. – К.: AptEk, 1998.
6. Lincoln, Abraham The Gettysburg Address // Holidays in the USA. – Washington D. C.: United States Information Agency, 1993. – P. 24-25.

РЕФЕРЕНТНАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП ВЫДЕЛЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

В последнее время рассмотрение лингвистических проблем связано с обращением к соотношению языковых и предъязыковых (мыслительных) процессов. Ввиду того, что проблема модальности выходит за пределы рассмотрения языка "изнутри", она стала предметом изучения новых лингвистических дисциплин, таких как лингвистика текста и когнитология [см. 11].

Предметом данного исследования является гипотетическая модальность – особый вид модальности, который обеспечивает расширение референтной отнесенности высказывания.

Нам представляется, что высказывания гипотетической модальности (эта языковая категория распространяется именно на высказывания как на элементы речевого акта) отражают соотношение плана возможных и плана действительных событий.

Кроме того, подход к языку как к первичной моделирующей системе [9, 16; 12, 4] позволяет наделить большей значимостью такой компонент акта коммуникации как "референт" (в речи, или денотат – в языке; в данном случае рассматривается речевой уровень). Действительно, язык как моделирующая система предлагает (в соответствии с пониманием модели в логике, кибернетике и математическом моделировании) рассматривать элементы языка и речи как модели, а, соответственно, денотат и референт – как оригиналы модели. Принимая во внимание невозможность осуществления речевого акта без учета референтной отнесенности речевого сообщения, становится необходимым использовать этот параметр при рассмотрении высказываний гипотетической модальности.

Таким образом, соединив эти два подхода, проанализируем выделение в высказывании двух планов – плана возможных и плана действительных событий – с точки зрения референтной отнесенности высказывания.

Такое свойство высказываний как "двуплановость" широко отмечается в лингвистической литературе. У Ш. Балли – это наличие в предложении двух частей: одна из них коррелятивна собы-

тию, образующему содержание высказывания (*диктум*); другая коррелятивна операции, производимой мыслящим субъектом (*модус*) [1, 43]. В русской языковой традиции наиболее распространены понятия “*субъективная и объективная модальности*” [4, 605; 13, 238; 8, 12]. Рассматривая гипотетическую модальность как особое наклонение во французском языке, П. Имбс указывает на *двойную ориентацию* (*entre-deux*) кондиционала: к будущему и к прошедшему [15, 61]. С позиций функциональной грамматики Е. Г. Гуцу говорит о *ФСП действительности / недействительности* [5, 12]. Р. А. Будагов выделяет в гипотетических высказываниях “*двуплановость*” – линию фактических событий и оценочную линию размышлений над этими событиями, сферу констатирующей модальности и гипотетической [3, 152].

Необходимость различать высказывания в историческом плане (где точкой отсчета будет *момент события*) и в речевом плане (где за точку отсчета принимается *момент речи*) отмечает Э. Бенвенист [2, 279].

При анализе семантики высказываний, относящихся к гипотетической модальности, обнаружена возможность приложения к ним принципов концепции семантики возможных миров. Тем более, что такой подход к модальным высказываниям уже существует, о чем свидетельствует следующее определение А. В. Зеленщикова: основным значением модальности является характеристика содержания предложения с точки зрения принадлежности описываемой ситуации действительному миру, который выступает в роли точки отсчета при модальной характеристике представленного в предложении положения дел [6, 82].

С точки зрения концепции семантики возможных миров, мир в целом понимается как совокупность возможных миров [7, 13], эпистемологических альтернатив [см. 14]. А. Вежбицка проводит семантическое сопоставление мира, которому принадлежит субъект действия (формально выраженный подлежащий в активном залоге), и мира субъекта речи. При этом в метаязыковых целях исследовательница использует языковые средства, позволяющие определить локализацию этих миров относительно друг друга [16, 188].

Множественность возможных миров определяется двумя принципами:

1) альтернативность (принципиальная достижимость возможного мира из действительного мира);

2) действительность (истинность) одного из миров, включающего одну из референциальных ситуаций. В концепции возможных миров, понятия возможной и необходимой истинности интерпретируются как истинность во всех или в одном из возможных миров [10, 16].

Основной идеей нашего понимания гипотетической модальности является идея о моделировании референциальной ситуации как одной из возможных, как принадлежащей одному из возможных миров, не совпадающему с действительным миром с точки зрения говорящего.

Такой подход основывается на выделении в высказывании двух референциальных ситуаций: действительно имеющей место и возможной относительно действительной с точки зрения субъекта речи. Таким образом, критерием определения действительности / недействительности высказывания является позиция субъекта речи.

Проведенные исследования подтвердили предположения о существовании совокупности высказываний, имеющих референтами две экстралингвистические ситуации, не совпадающие, и даже противоположные. При этом, языковые средства означивания этих ситуаций заключены в одном и том же высказывании; более того, они выражены одними и теми же средствами, включенными в одну синтаксическую конструкцию, являющуюся структурной основой высказывания.

Отправной точкой для такого выделения референциальных ситуаций послужило положение о рассмотрении модальности как категории, которая отражает “сложные взаимодействия всех основных компонентов коммуникации” [12, 46].

Исходя из понимания акта коммуникации как процесса согласования моделей внешнего мира его участников, говорящего и воспринимающего (мира, внешнего по отношению к высказыванию, которое моделирует этот мир; мира материального и идеального), необходимо выделить понятие “пространственно-временной локализации компонентов акта коммуникации” (или просто “локализации”). Под локализацией мы будем понимать определенное расположение компонентов речевого акта во множестве возможных миров, смоделированном в высказывании. В данной работе предлага-

ется различать локализацию события как пропозиционального содержания высказывания и локализацию субъекта речи.

В данном исследовании делается попытка рассмотрения семантической универсалии с позиций порождающей семантики; последняя предполагает для исследования конкретного языкового текста построение системы семантической записи [7, 5]. Используя метод трансформационных семантических порождений, выделим в высказывании набор ядерных предложений, несущих единичное коммуникативное значение. Получим ядерные предложения со следующими значениями:

1) событийный план высказывания. Здесь базовым значением является описание событийного уровня вне учета реальности / иреальности содержания высказывания. Рабочее название этого типа ядерных предложений – “момент события” (“МС”). Термин заимствован у Э. Бенвениста, но в данном употреблении выступает как отдельное понятие.

2) локализационный план высказывания. Базовое значение – позиция субъекта речи относительно содержания высказывания, выделенного в “МС”. Рабочее название этого типа предложений – “момент высказывания” (“МВ”).

“Момент события” – это пространственно-временная локализация содержания высказывания как факта, действительно имеющего место. За базовое значение “МС” принимается логическая модель событий составляющих содержание высказывания, построенная субъектом речи, без учета модальной квалификации. “МС” не отражает отношение к нему субъекта речи. “МС” сам по себе не относится с речевым актом. Для конструирования моделей “МС” используются глагольные формы, обозначающие действие/состояние; причинно-следственная связь между главным и придаточным предложениями может быть нарушена. “МС” всегда отражает только возможную ситуацию.

При “МС” происходит локализация событий в пределах определенного возможного мира. На данном этапе не имеет значения, совпадает ли он с действительным или нет. Главное, что событие определяется как действительное в одном из множества возможных миров.

“Момент высказывания”, второй тип ядерных предложений, выделенных в высказывании, соотносит локализацию субъекта ре-

чи и локализацию событийного плана высказывания, представленного в “МС”. “МВ” – это пространственно-временная локализация содержания высказывания относительно лица, осуществляющего высказывание. “МВ”, в отличие от “МС”, аккумулирует все параметры, являющиеся характерными для акта речи. “МВ” отражает ситуацию, действительно имеющую место с точки зрения говорящего. Приведем примеры:

(1) Brusquement, tous ensemble, les réverbères s'allumèrent

MC : Brusquement, tous ensemble, les réverbères s'allumèrent

MB : Brusquement, tous ensemble, les réverbères s'allumèrent

(2) Серед вулиці котився віз, наладнований всячиною

MC : Серед вулиці котився віз, наладнований всячиною

MB : Серед вулиці котився віз, наладнований всячиною

В данных примерах при “МС”, ситуация имеет место в одном из возможных миров с точки зрения субъекта речи. При “МВ”, субъект речи локализован в том же мире, что и ситуация, являющаяся референтом “МС”.

Локализации “МС” и “МВ” совмещены, ограничены рамками одного мира, действительного для субъекта речи. Если при “МВ” событие, являющееся содержанием высказывания и отраженное в “МС”, определяется как принадлежащее действительному миру, то можно заключить, что “МС” и “МВ”, и, соответственно, возможный мир W и действительный мир W_0 совпадают. Мы видим, что высказывания констатирующей модальности, каковыми являются (1) и (2), не различают значений “МС” и “МВ”.

Приведем пример иного рода:

(3) Si nous étions différents, tout changerait

MC: Nous sommes différents, tout change

MB: Nous ne sommes pas différents, rien ne change

(4) ...якби комісія... тес викрила, то мені би легше було

MC: комісія тес викрила, мені легше

MB: комісія тес не викрила, мені не легше

При “МС” в примерах (3) и (4) представлена событийная модель высказывания; при этом, его основное значение “если бы” было превращено в “есть”. Тем самым референциальная ситуация, со-

ставляющая содержание высказывания, помещается как истинная в возможном мире W .

Основное назначение предложений “МВ” – это проверка соответствия возможного мира W действительному миру W_0 , которому принадлежит субъект речи.

Если при “МВ” событие, составляющее содержание высказывания и зафиксированное в “МС”, определяется как возможное, не действительное в действительном мире W_0 , напрашивается вывод о несовпадении “МС” и “МВ”. Следовательно, субъект речи и событие в данном случае будут принадлежать разным мирам: субъект речи – действительному миру W_0 и событие – возможному миру W . Возможный мир и действительный мир не будут совпадать: $W \neq W_0$.

Как показывают приведенные примеры (3) и (4), “МС” и “МВ” отражают ситуации совершенно противоположные. Высказывания, ядерные модели “МС” и “МВ” которых не совпадают, мы будем относить к гипотетическим высказываниям.

Значение элементарной модели “момент высказывания” (“МВ”) следует отделять от “момента речи” (“МР”). Приведем пример:

...вчера шел дождь

МС: Идет дождь “вчера”

Ситуация “Идет дождь” имеет место в возможном мире W . Локализация события: в прошлом относительно момента речи.

МВ: Вчера шел дождь

Ситуация “Идет дождь” имела место в действительном мире W_0 , предшествующем моменту речи и действительном для говорящего. Говорящий принадлежал миру, где “идет дождь”, миру, предшествовавшему моменту речи. Локализация события: в прошлом относительно момента речи.

*МР: “сейчас” дождь не идет. (Ситуация “идет дождь” не имеет места в настоящем для субъекта речи “здесь” и “сейчас”).

Можно допустить логическую ошибку, если посчитать, что “МВ” и “МР” – модели с одинаковым значением, и от их противоположности прийти к выводу о гипотетичности высказываний, относящихся к прошлому по отношению к моменту речи. Для того, чтобы сохранить правильность вывода, необходимо сопоставлять с “моментом события” не “момент речи”, но “момент высказывания”.

Конечно, “МР” и “МВ” объединяет наличие общего базового значения: точка зрения говорящего. Но отметим, что “МР” выражает абсолютное настоящее время и относится к тому говорящему, которого уже нет в высказывании, отражающем ситуацию вне (до или после) момента речи (я, здесь, теперь). “МВ” постольку связан с моментом речи, поскольку он отражает позицию говорящего; для “МВ” важно определить истинное положение дел с точки зрения говорящего.

Подводя итоги, заметим, что подход к проблеме гипотетической модальности с позиций семантики возможных миров, теории референции, а также при использовании методов порождающей грамматики, приводит нас к возможности четкого разграничения констатирующих высказываний и высказываний гипотетических.

Так как “МС” и “МВ” по сути дела обозначают референты (материальные или идеальные явления внешнего мира), можно заключить, что гипотетическим является высказывание, содержащее в себе эксплицитное указание более чем на один референт: гипотетическое высказывание – “Момент события” совмещенный с “Моментом высказывания”, при условии, что модель “МС” не соответствует модели “МВ”.

Таким образом, высказывание является гипотетическим, если в нем содержатся эксплицитные указания на две референциальные ситуации, одна из которых определяет содержание высказывания как действительного в возможном мире W , другая – определяет ситуацию, которая принадлежит действительному миру W_0 с точки зрения говорящего. Наличие в одном высказывании средств, моделирующих две противоположные и взаимно исключающие ситуации, приводит к расширению плана его референтной отнесенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Будагов Р. А. Проблема гипотетической модальности в романских языках // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. VI. – Вып. 2, 1947. – С. 149–156.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.

КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ И НARRATIVНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ПРОЗЕ

Данная статья посвящена изучению и описанию сложносочиненных предложений с придаточными временем, исследованию их структуры и функций в создании темпоральной и информационной специфики композиционно-речевой формы (КРФ) "повествование" в англоязычной детективной прозе.

При всем разнообразии трактовок предложения как единицы языка, существует все же ряд признаков, которые не вызывают дискуссий среди лингвистов. Такими признаками выступают целостность, непрерывность синтаксических связей, законченность реализации обязательных структурных отношений, определенная содержательная автономность [2; 14]. Сложноподчиненное предложение с придаточным времени представляет собой синтаксическую структуру, в которой второстепенный член предложения – обстоятельство времени выражен субъектно-предикатной конструкцией, присоединенной коннектором "*when*". Придаточное времени реализует семантику темпоральной соотнесенности действий главного и придаточного клаузов. По мнению К. Хамман придаточные времена создают временной фрейм для действия главного [11]. Выполняя функцию обстоятельств, придаточные предложения времени появляются в повествовании тогда, когда для развития сюжета необходима информация о времени описываемого события и, как полагают Д. Ф. Белоусова и Я. М. Вовшин, "действуют скорее по принципу лексических, а не грамматических средств" [11, 132].

Содержательно близкой к выше упомянутому положению представляется возможность трактовки высказывания, выраженного придаточным предложением времени, в качестве пресуппозиции. Понятие пресуппозиции означает адекватное ситуации использование предложения и относится к его прагматическому аспекту. Для анализа повествования понятие пресуппозиции важно с точки зрения формализации механизмов выявления имплицитной информации [6, 232-243].

Многоаспектная трактовка понятия пресуппозиции предложена В. Г. Гаком. Информация не выводится из одного только сообще-

5. Гуцу Е. Г. Функционально-семантическое микрополе предположительно-вероятностной модальности и ее средства выражения в современном французском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1975. – 28 с.
6. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность. – СПб.: СПГУ, 1997. – 244 с.
7. Иванов Вяч. Вс. Семантика возможных миров и филология // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1980. – С.5-19.
8. Корди Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. – Л.: Наука, 1988. – 168 с.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 382 с.
10. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 271 с.
11. Селіванова О. О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики (аналітичний огляд). – К.: Вид. Українського філософіологічного центру, 1999. – 148 с.
12. Смущинська І. В. Суб'єктивна модальність французької прози: Монографія. – К.: Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет", 2001. – 255 с.
13. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). – М.: Наука, 1981. – 360 с.
14. Хинник Я. Теоретико-игровая семантика//Логико-эпистемологические исследования: Сб. избр. статей. – М.: Прогресс, 1980. – С. 245-310.
15. Imbs P. L'emploi des temps verbaux en français moderne. Paris: Librairie de C. Klincksieck, 1960. – 274 p.
16. Wierzbicka A. Lingua Mentalis. The semantic of natural language. Sydney, Academic Press, 1980. – 360 c.

ния, она есть результат его соотношения с контекстом, с уже известными фактами, совокупность предварительных (фоновых) знаний, делающих возможным понимание данного сообщения, называют его пресуппозицией. Пресуппозиция предопределяет различие между собственной семантикой предложения, вытекающей из составляющих его слов и конструкций, и дополнительным смыслом, который предложение приобретает в данном контексте (лингвистическом окружении языковых единиц). Пресуппозиция может обосновывать высказывание, реализующее двойное содержание: предполагаемое (*presupposed*) и реально сообщаемое (*posed*), а также определять воздействие на адресата, то есть иметь дополнительное значение, которое называется прагматическим [4, 16-17].

Сходная трактовка понятия пресуппозиции позволяет Т. ван Дейку охарактеризовать его по отношению к сложноподчиненному предложению следующим образом. Иерархическая структура сложноподчиненного предложения предоставляет возможность выражать суждение опираясь на другое суждение, которое к этому моменту может считаться уже известным; терминологически оно обозначается как пресуппозиция, позиция его в предложении подчиненная. Следовательно, обычно в сложноподчиненных предложениях в качестве выразителей пресуппозиции используются придаточные, при этом показательным фактором для пресуппозитивного статуса придаточного является помещение его препозицию к главному [5, 273]. Это утверждение вполне справедливо применительно к традиционным придаточным временем, поскольку подразумевает известность (автору и читателю) представляемой информации о совершении событий придаточного, от момента которого исчисляется время события главного предложения.

В связи с изучаемой проблемой следует уточнить вопрос о синтаксических средствах выражения подчинительных отношений, т. е. о подчинительных союзах. По отношению к указанным единицам ученые единодушно высказывают следующую точку зрения, которой мы и будем придерживаться впоследствии. Подчинительные союзы рассматриваются как служебные единицы, которые выполняют не только структурную функцию подчинения, но и, благодаря своему лексическому значению, выражают семантико-синтаксические отношения между главным и придаточным предложениями. Лексическое значение различных подчинительных

союзов варьируется, однако ряд союзов, имеющих сходные значения, объединяются общей гиперсемой, образуя своего рода семантические поля. Так, общим гиперонимическим значением темпоральности объединены союзы семантического поля времени. Многочисленные союзы, входящие в данное поле, отличаются друг от друга частными гипонимическими значениями и особенностями употребления. Универсальность, гиперонимичность лексического значения союза “*when*” и способность синтаксических структур с этим союзом „репрезентировать все существующие виды и подвиды темпоральных отношений” [8, 71] позволило ограничить область нашего исследования анализом сложноподчиненных конструкций, объединенных коннектором “*when*”.

Объектом нашего изучения в данном случае служит минимальная единица КРФ “повествование” – композиционно-речевое звено (КРЗ). Термин введен Г. Россихиной и определяется ею как “любой сегмент связного текста, содержащий два глагола-предиката, связанные определенными функциональными отношениями” [7, 113].

Мы понимаем под “композиционно-речевым звеном” такую минимальную единицу КРФ “повествование”, которая представляет собой речевое высказывание, выраженное сложноподчиненным предложением с придаточным времени, вводимым союзом *when*, в которых действия главного и придаточного предложений связаны хронологическими отношениями таксиса “предшествование – следование – одновременность”.

Говоря о важности выбора данных синтаксических структур объектом изучения, Р. Деклерх отмечает, что “они представляют собой редкий пример текстовых образований, в которых в большей или меньшей степени проявляется специфика жанра” [9, 85].

Анализ повествовательной структуры англоязычных текстов детективного жанра позволил выделить среди придаточных предложений, вводимых союзом *when*, отдельный, специфический тип – нарративные придаточные с *when*.

Термин “нарративные” придаточные впервые был предложен У. Лабовым в 1972 г. для обозначения предложений, в которых “порядок изложения происходящих событий строго соответствует порядку следования действий, выраженных глаголами главного и придаточного предложений” [12, 359]. Другими словами, в основе определения нарративных придаточных лежит понятие строгой

иконической последовательности повествовательного отражения событий. Рассмотрим следующие примеры (иллюстративный материал взят из художественных детективных произведения английских и американских авторов, список условных обозначений приводится ниже. Общий объем выборки равен 2000 сложноподчиненных предложений с придаточными временем):

1. *I had gone about two hundred yards, when I heard a bicycle bell behind me, then a scrunching of brakes, and then Megan Hunter more or less fell off her machine at my feet (Chr. MF., 21).*
2. *Starinov had been in the kitchen when the shooting started and, realizing what was happening, realizing that his home was under attack, he plunged into his bedroom to get his personal firearm from his dresser drawer (Cl. P., 357)*

Предложения с нарративными придаточными (см. примеры 1 и 2, в которых они выделены жирным шрифтом) характеризуются жесткой временной последовательностью изложения в речи. Порядок событий в них нельзя изменить. Сперва упоминается событие главного предложения, потом событие придаточного. Действие нарративного придаточного не может предшествовать действию главного предложения. Доказательством служит то, что союз *when* в таких предложениях можно заменить союзом *and then*. При изменении гипотаксиса на паратаксис (сложноподчиненное предложение становится сложносочиненным) значение высказывания все же сохраняется. Традиционные придаточные подобной трансформации не допускают. В примерах 3, 4, 5 (традиционные придаточные выделены подчеркиванием) подобная операция невозможна, так как такая замена лишает смысла все высказывание. При этом вполне возможно изменение порядка упоминания о событии главного и о событии придаточного клаузов.

3. *I first met Miss Debenham when she and I shared the railway convoy car from Kirbuk to Nissibin (Chr. M. 92).*
4. *John's education began when he was four years old. (B-D, LK, 12).*
5. *He found his new friend waiting for him in the hall when he came down for dinner, and the doctor suggested that they should dine together at the same table. (Chr. SS, 78)*

Традиционные придаточные времена, отвечают на вопрос “когда произошло действие главного предложения?”, в то время как нарративные придаточные, будучи по форме придаточными временем, по сути содержащейся в них информации предлагают ответ на вопрос „что случилось потом?“. Таким образом, различие между традиционными и нарративными придаточными времени заключается в следующем. Первые из них (традиционные) выполняют традиционную фреймовую функцию: они темпорально локализуют действия главного предложения. Иную картину наблюдаем в предложениях с нарративными придаточными: здесь функцию создания временного фрейма выполняет главное предложение, именно оно темпорально организует действие придаточного. Внешняя синтаксическая структура предложения приходит в противоречие с глубинной функцией составных частей сложноподчиненного синтаксического целого. Условно говоря, союз *“when”* в таких предложениях реализует свое темпоральное значение не в правостороннем, последующем контексте, но в левостороннем, предшествующем. То, что стоит слева от него (а в рассматриваемом случае это всегда главное предложение), имеет темпорально локализующую семантику по отношению к тому, о чем говорится в последующем за *“when”* контексте. Этот последний (нарративное придаточное) вместо темпоральной локализации, о которой обманчиво сигнализирует союз *“when”*, на самом деле содержит некую новую информацию о развитии сюжета. Следовательно, основной функцией нарративных придаточных является продвижение, проталкивание событий вперед (*propelling the events ahead, pushing the actions forward*), указание на новое действие в цепи последовательных событий, составляющих скелет сюжета, главную нить повествования. Подобную мысль высказывает Р. Деклерх, говоря о том, что “сюжетодвигающая функция заложена в самой конструкции с нарративным придаточным” [9, 213].

По мнению У. Фолей, нарративные придаточные вводят “более значительное, с точки зрения сюжетной линии, событие” [10, 1682]. В плане глубинного синтаксиса, т. е. тема-рематического членения нарративные и традиционные придаточные предложения противоположны друг другу. Традиционное придаточное времени содержит фоновую информацию (*background*) т. е. является темой высказывания. Тогда как нарративное придаточное сообщает о но-

вой, актуализированной (*foregrounded*) информации, а следовательно выступает ремой высказывания.

По мнению В. Рамсей, “выдвинутые” порции материала содержат самую важную (*main, significant, important, prominent, highlighted, central*) для понимания текста информацию, составляющую суть, основу (*the back-bone*) повествования [13, 43 5-436]. Таким образом, нарративные придаточные выполняют две функции – следования и значимости (“*sequentiality and prominence*”) [там же].

Для определения жанровой специфики композиционно-речевого звена с нарративным придаточным рассмотрим особенности следования (“*sequentiality*”) как вида таксисных отношений внутри указанных структур в повествовании англоязычной детективной прозы.

Формульная запись любого сложноподчиненного предложения с придаточным времени может быть следующей: *A when B*.

Символом *A* обозначаем действие, ситуацию, о которой речь идет в главном предложении, символом *B* – действие, ситуацию придаточного. Как упоминалось выше, дифференцирующим признаком нарративного придаточного служит тот факт, что действие *B* всегда темпорально следует за действием *A*. В связи с этим формула “*A when B*” корректно трансформируется в семантически эквивалентную формулу “*A and then B*”, или описательно “*B posterior to A*”.

Следует уточнить, что таксисные отношения следования событий *A* и *B* могут проявляться в двух основных разновидностях: примыкания и вклинивания.

1. **Примыкание.** Сперва происходит и заканчивается событие *A*, затем (через больший или меньший промежуток времени) происходит событие *B*. Интервал может быть обозначенным или подразумеваемым. Отсутствие фиксированного интервала создает эффект относительно равномерной последовательности событий.

6. *The police theory was that Suzy made an appointment (A) to see Mr. Kipper when a man giving that name came (B) into the estate agent's office. (B-D, LK, 71).*

Если действие *B* наступает сразу же после события *A* с минимальным разрывом временной оси, скорость развития сюжета возрастает.

7. *The guy looked (A) at him another moment when suddenly rounded on him and spat (B) in his face, his hand coming out of his pocket, something metallic flashing in his fist – a knife (Cl. P, 42).*

Увеличение интервала между событиями *A* и *B* замедляет темп повествования.

8. *They had not been completed (A) when, seven weeks after that statement, Mr. Shaw earnestly asked for my account of events; nor, indeed, three month after that in March 1987, when Mr. Shaw came (B) to see me again to discuss the Hayshed tapes (St., 231).*

Таким образом, реализуется техника “переключения скоростей” (ускорения и замедления развития событий), способствующая созданию динамики и напряженности повествования. Речевая реализация модели “*B posterior to A*” в виде таксисной разновидности “примыкание” зарегистрирована в 14 % выборки.

2. **Вклинивание.** Начинается событие *A* и прежде, чем оно завершится, происходит событие *B*. На определенном временном участке они протекают одновременно. Временная линия едина, она перекрывается, а не разрывается. В зависимости от длительности “перекрывания” одного действия другим, вслед за О. Хайнамаки [цит. по 11, 46-47], различаем наложение (*overlap*) и включение (*inclusion*).

Наложение подразумевает достаточно длительное совпадение временных интервалов действий *A* и *B*. Полное совпадение, когда начало и конец обоих действий одновременны, так называемые “отношения параллельности” [3], в композиционно-речевом звене с нарративным придаточным невозможны по определению нарративного придаточного, так как действие, описываемое им, должно начинаться позже действия главного предложения. Действие *B* “запаздывает” по отношению к действию *A*, но по длительности не превосходит его.

9. *I was (A) at Mirotin's at six o'clock when the establishment was officially closing (B).*

Реализация модели “наложение” крайне редко встречается в анализируемом материале (2 %).

При реализации таксисной модели “включение” протяженность действия *B* определяется как точка на оси времени, поглощенная более широким временным промежутком, занимаемым действием *A*.

10. *Todshivalin was dozing off (A) to the sound of the television when the crash of breaking glass startled (B) him into full awareness (Cl. P., 86)*

11. *M. Bouc and Dr. Constantine were talking (A) together when Poirot entered (B) the dining-car. (Chr., M., 148)*

Данные количественного анализа повествования свидетельствуют о существенном преобладании в нем композиционно-речевого звуна с временными отношениями “включение” (*inclusion*) КРЗ*i*. Они составляют – 84 %.

Объяснение этого факта требует более углубленного изучения специфики данного подвида таксисных отношений. Их характерной особенностью является внезапность наступления нового действия. Развитие событий в КРЗ*i* всегда неожиданно:

– действия придаточного (*B*) происходят быстрее, чем предполагалось, и/или действия главного предложения (*A*) прерываются раньше, чем ожидалось:

12. *It was (A) already on the wardrobe shelf when he moved (B) into the room (B-D, LK, 52)*

13. *I was just going off (A) when, at that very moment, Mr. Spenlow came (B) round the corner of the house (Chr. SS, 110).*

14. *He was just dropping off (A) when something again woke (B) him (Chr. MF, 31).*

Импликация “скорее, чем ожидалось” подтверждается частым использованием наречий *just*, *hardly*, *only* в главном предложении и *already* в нарративном придаточном.

В некоторых случаях ход событий неожидан в том смысле, что продолжительность действия *A* оказывается большей, чем ожидалось. В этих случаях в главных предложениях типично использование наречия *still*:

15. *I was still asleep (A) you see, when the attendant came and told me (B). (Chr. M. 113)*

16. *The young couple had been embracing (A) when the bomb exploded (B) (Cl. P. 128)*

17. *His fingers were still fumbling (A) for it when the seizures (B) came on (Cl. P., 4)*

Действие придаточного (*B*) может прерывать ожидаемый или предполагаемый ход событий:

18. *This was (A), of course, the very act I was intending to perform in May 1986 when I was removed (B) from the enquiry (St., 274).*

Для повествования особенно характерно наличие нарративных придаточных, описывающих неожиданные, непредвиденные события, которые резко меняют развитие сюжета:

19. *He was sitting on the couch, holding Patsy's hand – the one with the ring now on it – when he saw the people with guns (Cl. P., 85)*

20. *I was in Corfu when they kidnapped me (Hg. PD., 108)*

21. *He was near Churston at Forquay when the last murder happened (Chr. ABC, 127)*

Часто действия в нарративном придаточном детективного повествования неожиданы в смысле того, что они происходят без всякой преамбулы или прелюдии:

22. *The account first given by the police officers stated that they had been on routine patrol when one of them had seen a man with a gun move from near the cottage into the Hayshed (St., 63).*

23. *They were rigging a launch canister of four more missiles when the white wall exploded out the entrance to the valley (Cl. P., 895)*

Чтобы подчеркнуть неожиданность возникновения действия в нарративном придаточном, нередко в них используются наречия *suddenly* или *all of a sudden*:

24. *Julius watched her with growing confusion when suddenly he felt something hard and cold push against the back of his head (Cl. P., 78).*

Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что в композиционно-речевой форме “повествование” в англоязычных текстах детективного жанра широко используется композиционно-речевое звено с нарративными придаточными, которые, в отличие от традиционных придаточных, характеризуются строгой иконической последовательностью излагаемых событий и не могут на-

ходится в препозиции к главному предложению. Кроме того, по отношению к главному предложению нарративные придаточные выполняют функцию “выдвижения” (*foreground*), а традиционные предложения являются фоном (*background*) для него.

Основная функция нарративного придаточного заключается в “проталкивании” сюжетной линии (*propelling the action ahead, pushing the events forward*), в то время как традиционные придаточные прежде всего служат средством темпоральной локализации, создавая временной фрейм для действий главного предложения.

Наиболее распространенным видом временных отношений внутри композиционно-речевого звена с нарративным придаточным являются таксисные отношения включения с обязательной реализацией (имплицитной или эксплицитной) семы внезапности. Различные способы выражения значения неожиданности делают возможным реализацию техники “переключения скоростей”, способствующей динамизму и напряженности детективного повествования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова Д. Ф., Вовшин Я. М. Связный текст как уровень лингвистического исследования. – Минск, 1990. – С. 78-82.
2. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1994. – 382 с.
3. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского у-та, 1996. – 220 с.
4. Гак В. Г. Теоретическая грамматика английского языка. Синтаксис. – М.: Высш. школа, 1986. – 220 с.
5. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
6. Падучева Е. В. Семантические исследования (семантика нарратива). – М.: Школа „Языки русской культуры”, 1996. – 446 с.
7. Россихина Г. Н. Таксисный анализ композиционно-речевых звеньев текста (на материале немецкого языка) // Актуальные проблемы лингвистики текста. – Брянск: Брянск. гос. пед. ун-т, 1996. – С. 38-46.
8. Салькова М. А. Темпоральная репрезентация английского дискурса (на материале структур с придаточными времени): Дис.... канд. филол. наук (10. 02. 04). – МГУ. – М., 1999. – 250 с.

9. Declerch, R. When-clauses and temporal structure. – London, 1997. – 283 p.
10. Foley, W. Information structure / Encyclopaedia of Language and Linguistics. – Vol. 3. – Oxford, etc., 1994. – P. 1678-1685.
11. Hamman, C. English temporal clauses in a reference frame model // Essays on Tensing in English. – Ed. by A. Schopf. – Tubinger: Niemeyers, 1989. – Vol. 2. – P. 31-155.
12. Labov, W. Language in the inner city. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1972. – 405 p.
13. Ramsey, V. The functional distribution of preposed and postposed “if” and “when” clauses in written discourse // Coherence and Grounding in Discourse. – Philadelphia, 1984. – P. 383-408.
14. Swan, M. Practical English usage. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. – 658 p.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- B-D, LK – Berry, Dee Ch. and Odell, R. Lady Killer. – Lnd., Virgin Publishing Ltd., 1992. – 291 p.
Chr. M. – Christie, A. Murder on the Orient Express. – Lnd., Fontana Books, 1934. – 192 p.
Chr. SS. – Christie, A. Short Stories. – Lnd., Fontana Books, 1934. – 192 p.
Chr. MF. – Christie, A. The Moving Finger. – Lnd., Fontana Books, 1964. – 217 p.
Cl. P. – Clancy, T. Power plays Politika. – N. Y., Berkley Ed., 1997. – 373 p.
H. PD. – Higgins, J. The President's Daughter. – Lnd., Pinguin Books Ltd., 1997. – 125 p.
St. – Stalker, J. The Stalker's Affair. – Lnd., Pinguin Books Ltd., 1988. – 284 p.

АСИММЕТРИЯ ПОЗИЦИЙ КОММУНИКАНТОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВОЙ МОДАЛЬНОСТИ (на материале новеллы Джойса Кэри *"Period Piece"*)

Исследователи эволюции лингвистических идей конца XX в. и рубежа XX и XXI веков констатируют, что одной из принципиальных установок, которой следует современная наука о языке, является экспансионизм [11, 208]. По мнению Т. Г. Винокур, многообразие идей и свобода методологического выбора позволяют лингвистике последних десятилетий обратиться к еще не тронутым темам, “вернее даже, увидеть темы скрытые ранее границами, пролегающими между смежными областями знаний” [3, 3]. В результате процесс лингвистической “экспансии” “распространяется на такие языковые феномены, которые раньше считались недостаточно формальными либо рассматривались как предмет анализа смежных дисциплин” [9, 51]. К таким языковым феноменам относятся, в частности, речевые стратегии и тактики.

Если понимать стратегию как общую организацию некоторой последовательности действий, включающую цель или цели взаимодействия [4, 272], то речевая стратегия может быть определена как комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [9, 54], и инструментом реализации определенной стратегии являются коммуникативные тактики.

Понятийный аппарат прагмасемантики высказывания, а также теории речевых стратегий создавался применительно к речевым произведениям, референциально соотнесенным с реальным миром. В связи с этим необходимо упомянуть о некоторых специфических чертах речевых произведений иного типа, то есть о художественном тексте, об особенностях его референции. “Референтным пространством, подлежащим описанию в художественном тексте, служит не фрагмент объективной реальности, ... но квазиреальность, определенным образом осмысленная через сетку денотатной структуры и лингвистически означенная через текст” [10, 33]. Художественный текст, как и любой другой, характеризуется некоторой прагматической направленностью, т. е. рассчитан на перлокутив-

ный эффект. В художественном тексте он выражается в побуждении читателя, в результате эмоционально-образного воздействия на него [15, 196], к ответной эмоциональной реакции.

Названные факторы обуславливают приобретение художественным целым и его элементами функций, связанных со спецификой текстовых категорий литературного произведения. Одной из таких категорий является текстовая модальность. Категория текстовой модальности предполагает наличие оценочного отношения автора к изображаемому и распространяется на те текстовые фрагменты, в которых обнаруживается присутствие автора [8, 14]. Оценочное отношение может проявляться, в частности, в изображении описываемого с незаинтересованных позиций или с позиций сопереживания и в плане функционально-ориентированном, когда “фабульно-содержательная информация, предполагающая в большей степени поиск авторской концепции, противопоставляется собственно концептуально-содержательной информации произведения” [8, 15].

Задача настоящей статьи – показать, что структурирование асимметричных позиций коммуникантов в демонстрационных фрагментах текста (имеется в виду демонстрационный композиционно-смысловый тип речи, связанный с “пошаговым” изображением действительности [8, 19]) является эффективным стилистическим средством выражения текстовой модальности. При этом мы отдаляем себе отчет в определенной, но неизбежной приблизительности своей интерпретации, поскольку “порождение художественного текста имеет принципиально иной характер, нежели теоретическая работа исследователя” [13, 152] по осмыслинию этого текста.

Объектом нашего анализа стали диалоги и фрагменты, содержащие описание ситуаций коммуникативного взаимодействия, в новелле Джойса Кэри *“Period Piece”*. *“Period Piece”* в полной мере обладает признаками, приписываемыми новелле как жанру [18, 510]: строгой и при этом свернутой композицией (отсутствие в новелле *“Period Piece”* экспозиции), отчетливо выраженным композиционным центром – переломным моментом в сюжете (разговор миссис Бир с зятем, когда впервые прозвучала фраза ‘*But there's not going to be a divorce*’), простым и динамичным сюжетом с преобладанием одной сюжетной линии (линия взаимоотношений супругов Тутин) и с присутствием момента психологической неожиданности (прекрасно игравшая роль влюбленной девушки секретарша, спро-

воцированная миссис Бир, не сдерживается и грубо оскорбляет Фрэнка Тутина, обнаружив свои истинные чувства).

При описании структуры коммуникации персонажей нами используются термины, применяемые в лингвистических интерпретациях речевой деятельности: речевой шаг – минимальная единица речевой деятельности, состоящая из речевого акта (в письменном тексте оформленная как самостоятельное высказывание, реплика персонажа), речевой (коммуникативный) ход – речевой шаг или речевые шаги коммуниканта от момента вступления в общение до смены говорящего [7, 37]; диалогическое событие – диалог, характеризующийся, кроме признаков наличия двух собеседников, попеременной адресации речи и т. д., тематической целостностью [5, 107].

Оценка позиций коммуникантов – одна из составляющих описание речевых тактик в диалоге. Эти позиции оцениваются по критерию “симметрична / асимметрична” (то есть характеризующаяся совпадением / несовпадением социального и психологического уровня общения), а в последнем случае конкретизируется как сильная (речь идет об обладании коммуникативными преимуществами и полномочиями, обусловленными объективными факторами либо приписываемыми себе коммуникантом) или слабая (характеризующаяся отсутствием или представлением об отсутствии названных признаков) [9, 128, 146].

Такая психологически ориентированная трактовка сильной / слабой позиций принципиально отличает их понимание в коммуникатологии от текстологической интерпретации, в которой сильная позиция – это действительно позиция, место которой закреплено в тексте (например, заглавие, эпиграф) [13, 86].

Новелла “*Period Piece*” лишена, как отмечалось ранее, экспозиционной части, и первый речевой ход героини – Клэр, – построен как реакция на требование её мужа, Фрэнка, увлеченного своей юной секретаршой Филлис, о разводе. Существенно, что само требование не оформлено в виде реплики персонажа. Такой прием (неоднократно используемый в новелле) помогает сразу же сосредоточить внимание на фигуре Клэр, реплика которой, полная достоинства, тем не менее характеризует ее позицию в коммуникации как слабую.

“*Tutin, married sixteen years, with three children, had an affair with his secretary, Phyllis, aged eighteen, and wanted a divorce.*”

His wife, Clare, with her usual good sense, was resigned. ‘If you feel you must make a break,’ she said, sadly but without bitterness, ‘there’s no more to be said. It would be stupid to try to hold you against your will. You’d only hate me and that wouldn’t help either of us’ [17, 79].

Клэр, используя глагол to hate, отдает закономерную для обиженной женщины дань гиперболизации предположительного негативного отношения мужа, тем самым реализуя типичный для осознавшего слабость своей позиции коммуниканта прием “игры на понижение” имиджа партнера [9, 128] (способность мужа возненавидеть жену заслуживает порицания). Гипотетическая модальность высказываний Клэр семантически доминирует, получая различное формальное воплощение (соответствующие глагольные формы со слагательного наклонения, конструкция с подчинительным условным союзом).

Психологически оправданным в контексте приведенной интерпретации является употребление в авторской речи лексемы sadly. А. Вежбицка, рассуждая о типичных когнитивных сценариях, пользуясь которыми носители английского языка вычленяют определенный вид чувств, закодированный в словах sad и sadly, представляет значение лексемы sadness следующим образом:

- (a) X нечто чувствует
- (b) иногда человек думает нечто вроде этого
- (c) случилось нечто плохое
- (d) если бы я не знал, что это произошло, я бы сказал: “Я это не хочу”
- (e) сейчас я не говорю этого
- (f) потому что я ничего не могу сделать
- (g) из-за этого этот человек чувствует нечто плохое
- (h) X чувствует нечто вроде этого [2, 22].

Таким образом, психологически слабая позиция Клэр в коммуникации обусловливается ее готовностью, несмотря на сохранившуюся привязанность к мужу, смириться с предстоящим разводом как с неизбежностью.

Первое диалогическое событие, оформленное как обмен репликами персонажей, в новелле – это разговор Фрэнка Тутина с матерью жены, старой миссис Бир, которая не могла не приехать, понимая, что дочь готова согласиться на предложение мужа о разводе.

"... She demanded, 'What's this nonsense about a divorce?' [17, 80].
"All the same Tutin was not anxious to have his most private affairs discussed in front of her. He opened his mouth to tell her to go but Mrs. Beer had now come between. She planted her umbrella on the desk, and shouted at him. 'But there's not going to be a divorce' [17, 80].

'My dear Mamma, all this has been discussed between Clare and me and we are completely agreed that it's impossible to go on.'

'Of course you can go on – if you had to go on you'd go on very well' [17, 80].

Диалог начинается не с оформляющего речевого акта, а сразу с топикального. Топикальные речевые акты являются носителями главной прагмасемантической информации в дискурсе, функционируют в качестве обозначения границ речевых взаимодействий, употребляются с целью обеспечения предварительной информацией, привлечения внимания и т. д. [6, 90-92]. Таким образом реализуется тактика захвата контроля над инициативой, чем маркируется сильная позиция коммуниканта. Примененная женщиной тактика повлекла за собой внутреннее побуждение Тутина блокировать контакт ("He opened his mouth"). Но собеседница последовательно реализует тактику контроля над темой, и категоричность её заявления ("But there is not going to be a divorce"), подтверждающая сильную позицию, заставляет Тутина продолжить коммуникацию в рамках признания слабой позиции: он отказывается от тактики блокирования контакта.

С появлением миссис Бир в новеллу вводится тема медиации (посредничества), механизм которого заключается в том, что наличие третьего, внешнего участника позволяет перенести на него часть эмоциональной нагрузки конфликта [14, 253]. В отличие от канонического случая медиации "посредник" в новелле "Period Piece" не является лицом нейтральным и пытается добиться не соглашения сторон, а пересмотра соглашения. В следующем фрагменте текста ретроспективно описывается ход обсуждения супругами трудной для обоих проблемы развода. Постепенно авторское повествование переходит в несобственно-прямую речь Тутина, и читатель узнает, что в итоге главным аргументом Фрэнка являются чувства его юной секретарши. "Заключение о внутренних переживаниях другого человека конструируются, главным образом, путем приписывания мотивов" [12, 219]. Тутин приписывает Филлис

пылкую бескорыстную влюбленность, и нежелание обмануть чувства девушки в большей степени, чем собственная увлеченность, подталкивает Фрэнка к разводу.

Самые значительные по протяженности в тексте диалогические события – это беседа Тутина с Клер после приезда миссис Бир.

"She looked at him with mild surprise, blushed and asked, 'Is anything wrong? Do you want me for anything?'

'No, my dear', Tutin caught his breath and gathered his nerve. 'It's nothing – by the way, your mother is in town. She turned up just now in the office.'

'Yes, she's been here too.'

'Oh, I suppose she's been telling you that I'm a selfish brute'. Clare was silent and Tutin's irritation rose.

'Selfish – spoiled – a mummy's boy'.

'Of course, Mamma is always rather –'

'Do you think I'm a selfish brute?'

'Of course not, Frank, you know I don't. You've been most considerate from the beginning. You've done your best to be fair to everyone.'

'Yes, but especially to myself, the mummy's boy'.

'What do you mean – I never said –'

'But you didn't contradict.'

'Mamma is so upset' [17, 83].

Речевое взаимодействие начинается как кооперативное общение с симметричных позиций, но иллюзия симметрии, и позиция раздраженного мужчины маркируется как слабая: ему не удается добиться утраты женой контроля над избранной линией речевого поведения, а провокация "игры на понижение" правильно декодирована собеседницей: Клер обезоруживает мужа использованием (в качестве ответной) тактики "игры на повышение" статуса партнера по коммуникации. Тем самым Тутин лишается возможности чувствовать себя обиженным (т. е. лишается основания для самооправдания). И сигналом поражения в коммуникации (коммуникативной девиацией [1, 17]) является неприкрыта попытка Фрэнка обидеть жену, то есть обнаружить немотивированное (ходом развития диалога) изменение речевой тактики и регистра общения [1, 135]: "And he exclaimed to Clare, in a furious, even threatening voice, 'She's got round you, in fact, but I don't care what you think of me' [17, 83].

Кульминационным в рассказе является диалог Тутина с Филлис после визита к девушке его тещи миссис Бир. Как и в первом из рассмотренных нами случаев, непосредственное речевое взаимодействие персонажей начинается с речевого шага – реакции (что подчеркивается в реплике Фрэнка использованием в инициальной позиции противительного союза). Такой прием структурирования диалога, начиная с “ответной” реплики, в определенной степени связан с жанровой спецификой новеллы, произведения, одним из признаков которого является, кроме перечисленных ранее, сконденсированность действия [18, 510].

‘But Phyll, I didn’t even know she was coming to London’.

‘Where did she get my address?’

‘Well, the office perhaps -’

‘It’s never you, is it – what are you gaping at? I tell you you’d better do something. She called me a common little tart. She said I’d put my hooks on you because you were meat for a floozy’.

‘But you needn’t mind her – she’s only a silly old -’

‘Not mind her’, shouted Phyllis; she advanced on him with curled fingers. ‘Why, you fat old fool -’ [17, 84].

Диалог начинается с несимметричных позиций: Тутин вынужден оправдываться, речевой акт “оправдание” маркирует его позицию как слабую. Он пытается “выровнять” ситуацию, применяя тактику просьбы-совета в форме косвенного речевого акта (‘*But you needn’t mind her...*’) (что в подобной ситуации предпочтительно [16]). Но миссис Бир, побывав у Филлис, своим речевым поведением уже “запrogramмировала” необходимый перлокутивный эффект: на Фрэнка направлено раздражение Филлис, спровоцированное миссис Бир, то есть девушка ведет себя как человек, осознающий, что обнаружил в предшествующей коммуникации слабость позиции. Полагаясь на свой житейский опыт и не приемля “современных взглядов”, пожилая женщина применила стратегию опосредованного воздействия на своего зятя, оказавшуюся вполне успешной.

В итоге развития событий супруги идут на примирение, и читатель в конце новеллы видит ту же семью через 7 лет спокойной и счастливой.

Таким образом, только позиции миссис Бир в качестве участника коммуникации прямо или косвенно характеризуются как сильные. Позиция Клэр меняется – от слабой к сильной, позиция Фрэнка

Тутина тоже меняется – от сильной к слабой (особенно это заметно в диалоге с Филлис, в котором отсутствует реакция Фрэнка на прямое оскорбление в грубой форме). Авторскую расстановку позиций коммуникантов в речевом взаимодействии можно квалифицировать как одно из средств передачи содержательно-концептуальной информации. Эта расстановка в новелле “Period Piece” говорит в пользу миссис Бир. Тем самым корректируется содержательно-фактуальная информация начала новеллы (миссис Бир описывается в тексте “от автора” – “*She was a short, stout woman with a red face and a heavy jaw – a pugnacious and indomitable face*” [17, 79] – с использованием коннотативно окрашенных лексем *short, stout, heavy*, в которых отрицательно характеризующая сема наводится контекстом – *a red face*), и обнаруживается “заинтересованная” позиция автора.

Мы проследили лишь один из путей формирования текстовой модальности в художественном произведении, связанный с ресурсами речевых стратегий. Как показали наблюдения, осознание позиций коммуникантов в речевом общении персонажей помогает читателю приблизиться к пониманию авторского замысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф. Основи комунікативної девіатології. – Львів: Львівськ. нац. унів. ім. І. Франка, 2000. – 236 с.
2. Вежбицка А. “Грусть” и “гнев” в русском языке: неуниверсальность так называемых “базовых человеческих эмоций” // Сопоставление культур через посредство лексики и pragmatики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 15-43.
3. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
4. Дейк ван Т. А. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 268-304.
5. Жалагина Т. А. Коммуникативный фокус в диалогическом событии // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Межвуз. сб. науч. трудов. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1987. – С. 107-115.
6. Зернецкий В. П. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение: Единицы и регулятивы.

- Межвуз. сб. научн. трудов. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1987. – С. 89-95.
7. Зернецкий В. П. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности // Языковое общение: Процессы и единицы. Межвуз. сб. научн. трудов. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1988. – С. 36-41.
 8. Ильенко С. Г. Текстовая реализация и текстообразующая функции синтаксических единиц // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц. Межвуз. сб. научн. трудов. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. – С. 7-22.
 9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 285с.
 10. Колегаева И. М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. – Одесса: РИО обл. упр. по печати, 1991. – 121 с.
 11. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века: Сб. статей. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 145-238.
 12. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. – СПб: Питер, 2001. – 544 с.
 13. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М.: Изд-во Ось-89, 1999. – 192 с.
 14. Рогов Е. И. Психология общения. – М.: Владос, 2001. – 336 с.
 15. Солганик Г. Я. Стилистика текста. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 256 с.
 16. Gibbs, R. W. Ir. What makes some indirect acts conventional? // Journal of Memory and Language. – 1986. – № 25. – P. 181-186.
 17. Cary, Joyce. Period Piece // Making It All Right. Modern English Short Stories. – M.: Progress Publishers, 1978. – P. 79-88.
 18. Літературознавчий словник-довідник. – К.: Академія, 1997. – 752 с.

СЕМАНТИКА СЛОВА *BLAU* ‘синий, голубой’ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ имеющихся в отечественном и зарубежном языкоизучении работ, посвященных проблеме изучения цветообозначения (Арнольд Г. И., Бахилина Н. Б., Венкель Т. В., Кантемир С. А., Кушнерик В. И., Фрумкина Р. М., Berlin B., Kay P., Findeis R., König J., Schwenter E. и др.) показывает, что в них представлены, как правило, те или иные формы и значения слов, обозначающих цвет, предприняты попытки психолингвистического изучения семантических отношений в группе цветообозначений, рассматривается возможность системного описания семантики слов-цветообозначений, их классификации, но относительно редко изучаются вопросы происхождения и развития лексем, отсутствует глубокая реконструкция и соответственно первоначальная мотивировка.

В данной статье представлена попытка изучить семантическое наполнение слова *blau* и его изменение в ходе развития немецкого языка, а также предложить древнейшую реконструкцию этого слова.

Символически у различных народов синий цвет – это цвет небесной мести, он указывает якобы на связь с божественным началом, символизирует союз небесного и земного миров. “Синий цвет в древности символизировал тот мир, где обитают только боги и души умерших; этот мир служил как бы перегородкой между смертными людьми и божествами” [3, 135].

Наименование для синего цвета возникло в более позднее время, имеет менее четкую мотивацию, что, в свою очередь, определяет узость его символических значений.

В простонародном языковом употреблении вследствие ограниченной символики синий цвет имел различные значения.

Когда человек всматривается в даль, то перед ним расстилается голубой горизонт. Поэтому синий цвет воспринимается как цвет безграничной дали и простора [20, 135]. Эта ассоциация цвета с чем-то удаленным и неопределенным привела к появлению таких выражений как: *eine Fahrt ins Blaue machen* ‘совершить поездку куда-либо незапланированно, без цели’; *blaue Schlösser bauen* ‘стро-

ить воздушные замки' (мечтать о том, чему вряд ли удастся осуществиться) и др.

Бинарность символических значений этого цвета проявляется в том, что, с одной стороны, это цвет безоблачного неба, несбывшихся мечтаний, иллюзорности, верности и преданности, а, с другой стороны, он часто выступает как символ притворства, обмана, лжи, разочарования.

На картинах старых фламандских и голландских художников центральной фигурой часто изображался стареющий мужчина, на которого молодая жена надевает синий плащ. 'Синий плащ' был аллегорией обмана и неверности. Голландское выражение *de blauwe Huik* 'синий плащ' позднее стало употребляться не только в отношении супружеской неверности, но и касательно обмана, притворства, жульничества вообще [20, 136].

В середине 16 века возникают новые выражения, где сохраняется вышеназванная символическая значимость синего цвета: *das Blaue vom Himmel herunterlügen* 'врать так, что небу жарко; нагло врать'; *das Blaue vom Himmel versprechen* (*j-m anlügen, dass er blau wird*) 'наобещать с три короба, наврать'; *blauen Dunst reden* (*einem Blaues vormachen*) 'обмануть кого-либо'; *Na, so blau!* 'ты меня держишь за дурака!' и др. [20, 136].

В Эльзасе говорили: "Enn blönn is nit z trönn", что означало 'синему цвету нельзя доверять' [20, 136].

Уже в древневерхненемецком языке 'ложивые истории' называли *blaue Enten* (досл. 'синие утки'), а голландцы в отношении таких рассказов употребляли выражение: "Dat zijn maar blauwe bloempjes" 'это все чепуха' (досл. 'синие цветочки') [10, 73].

В приведенных выше примерах синий цвет выступает в значениях 'ложивый', 'неверный', 'притворный'. Но, в тоже время, этот цвет символизирует преданность и безоблачную даль. Эти символы взаимосвязаны, так как преданность проявляется именно на расстоянии. С этим цветом связано и чувство тоски, которая часто охватывает человека, находящегося вдали от дома, родных и близких.

Экскурс в символику синего цвета подвел нас к моменту рассмотрения развития семантики прилагательного *blau* в немецком языке.

В словаре Р. Шютцхеля даны основные значения прилагательного *blä*, *plä* (*bläo*) в древневерхненемецкий период – 'синий',

'темный' [22, 77], а Г. Кёблер, помимо вышеперечисленных, указывает еще такие значения, как 'серый' и 'цвета свинца' (= 'такого цвета как свинец') [15, 37]. В древних текстах этого периода встречаем мало примеров, в которых представлено это прилагательное.

В средневерхненемецкий период *blä* имеет значение 'синий', а также *liehtblä* 'голубой', 'светло-синий'; *satblä* 'темно-синий'; *wolkenblä* 'небесно-синий' [17, 22; 9, 114].

В текстах этого периода удалось найти следующие примеры.

1) *si kaufst im tuoç daz was blä...* (1, 15).

'Она купила ему синий платок'. *

Прилагательное *blä*, встречающееся в отрывке, определяет цвет платка, то есть, употреблено в прямом цветовом значении.

2) *sîn buosem was al umbe*

bestreut mit knöpfelinen

diu sach man verre schînen

gel blä grüne brûn und rôt

swartz wîz als er gebôt (1, 16).

'Его грудь была усеяна маленькими пуговицами, которые были видны издали, так как светились: желтые, синие, зеленые, коричневые и красные, черные, белые – все как он заказывал'.

Использованные прилагательные, среди которых и *blä* 'синий', обозначают цвет – имеют прямое цветовое значение. Они не согласуются с существительными, употреблены в краткой форме.

3) *sûs kan si mir wol daz herze verkêren.*

deich in der werlt bezzer wîp iender funde,

séht dêst mîn wân. dâ für sô wil ichz hân,

und dienen nochdan mit triuwen der guoten,

iu mich dâ bliuwet vil sêre âne ruoten (2, 34).

'Разве она не знает, что сердце мое полностью разбито, что во всем мире кроме нее мне никто не нравится. Посмотрите на мои страдания (иллюзии)! Решено – сделано! Отныне буду с усердием служить на благо добра, и это отрезвит (подсунит) меня лучше розг'.

Сердце влюбленного разбито, а его возлюбленная не обращает на него никакого внимания. Это очень огорчает героя, и он решает забыться, посвятить себя благому делу, чтобы отвлечься от

* Здесь и далее перевод сделан автором

любовных переживаний. Лишь деятельность, действенность способна отрезвить, вразумить, дословно ‘сделать синим, оставить синяки’, высечь без розг. Глагол *bliuwet* (*bläuen*) ‘синить, подсинить’ употреблен не в прямом цветовом, а в переносном значении.

4) *Wize, röte rosen, bläwe bluomen, grüene gras, brüne, gel und aber röt, dar zuo des klēwes blat...* (3, 336).

‘Белые, красные розы, голубые цветы, зеленая трава, коричневый, желтый и снова красный, а к этому еще листочек клевера’...

Главный герой влюблен и счастлив, а кругом великолепная летняя природа, которая изобилует многообразием красок и расцветок, она созвучна настроению юноши. Все использованные прилагательные *wize*, *röte*, *bläwe*, *brüne*, *gel*, *röt* имеют прямое цветовое значение.

5) *Diu welt was gelf, röt unde blä, grün in dem walde und anderswā: kleine vogele sungen dā.*

nū schriet aber diu nebelkrā.

pfligt si iht ander varwe? jā: sist worden bleich und übergrā.

des rimpfet sich vil manic brā.

Ich saz üf eime grünen lē,

da ensprungen bluomen unde klē... (4, 62).

‘Прежде мир вокруг был желтым, красным и синим, а в лесу и другом месте – зеленым. Тогда пели птицы.

Сейчас же лишь каркает ворон. Что, мир изменил свой цвет? Да: он бесцветный (поблекший) и совсем серый, доставляет нам много огорчений. Когда-то я сидел на зеленом холме, там росли цветы и клевер...’

Главный герой стихотворения тяжело переживает приход зимы, которая изменила до неузнаваемости окружающий мир. Автор использует игру цвета, чтобы показать контраст между радостным летним настроением и серостью, рутиной зимних дней. Мир вокруг был цветным: красным, синим, зеленым; все вокруг цвело, зелено и пело. И вдруг все стало беспросветно серым и унылым. Герой мечтает лишь об одном, чтобы быстрей опять пришло лето, преобразило все вокруг, излечило его раны, развеяло грусть и “мрачное” настроение.

Использованные в отрывке прилагательные *rot*, *bla*, *grün* имеют прямое значение цвета, не согласуются с существительными, употреблены в краткой форме.

Анализ словарного материала и отрывков из древних текстов показал, что прилагательное *blau* в древне- и средневерхненемецком языке употреблялось преимущественно в значении цвета.

В современном немецком языке прилагательное *blau* имеет следующие значения [12, 86; 11, 266-267; 18, 128-129; 14, 116-117]:

Обозначает цвет идентичный цвету безоблачного неба в ясную погоду, либо цвет, получаемый при применении красителей, содержащих синий пигмент (синька, индиго): *blaues Kleid* ‘синее платье’; *blauer Himmel* ‘синее, голубое небо’.

Определяет субъективное восприятие человеком окружающей действительности. При этом необязательно, чтобы описываемые предметы, объекты непременно были синего цвета: *Das Meer schimmerete blau* (*Das blau schimmernde Meer*) ‘Море отливало, искарилось синим цветом’.

Процесс окраски, покраски (*blau färben*, *bemalen*, *streichen*), в результате чего вещи, предметы становятся синими, а также технические названия самого процесса и используемых материалов: *blauen* ‘синить, подсинивать’; *die Bläue* ‘синева, лазурь, синька’; *das Blaufärben* ‘подсинивание, окраска в синий цвет’; *die Blausäure* ‘сирильная кислота’; *das Blauschwarz* ‘синевато-черная краска’.

Прилагательное *blau* может использоваться в выражениях, обозначающих, как правило, негативное физическое либо духовное состояние человека (*Blau ist keine Farbe, blau ist ein Zustand*): *blau sein*, *blau wie eine Strandhaabitze oder blau wie ein (März)-Veilchen sein* ‘быть вдребезги пьяным’, вероятно, синева носа в подобном состоянии отразилась на значении выражения в целом; *es wird mir blau und grün vor den Augen* ‘у меня помутилось в глазах’; *j-n grün und blau schlagen* ‘сильно избить кого-либо’; *sich blau (schwarz) ärgern* ‘сильно рассердиться’; *blauer Fleck* ‘синяк’; *blau gefroren sein* ‘промерзнуть насеквоздь’; *blaue Lippen* ‘синий от холода губы’; *der Blausucht* (мед.) ‘синюха’.

Выражение *blau sein* ‘быть пьяным’ интересно сравнить с аналогичными выражениями в других языках. Например, во французском языке в подобном примере, когда речь идет о легком алкогольном опьянении, тоже используется цветообозначение, но не

blau, a *grau* = *gris* ‘серый’: *Il est gris* ‘Он слегка пьян либо он выпил’ [7, 75].

Прилагательное *blau* ‘синий’ может употребляться в выражениях для обозначения чего-либо неопределенного, несбывшегося, подчеркивает не цвет сам по себе, а светлость, ясность того или иного явления: *blaue Ferne* ‘голубая, безоблачная даль’; *blaue Schlösser bauen* ‘строить воздушные замки’; *blaue Nacht* ‘ясная ночь’; *blauer Herbsttag* ‘погожий осенний день’. Эти значения делаются рассматриваемое прилагательное поэтичным, и оно активно используется авторами в поэзии и прозе.

Blau выступает во временных и пространственных значениях: *blaue Stunde (Dämerungsstunde)* ‘сумерки’; *blau machen* (син. *die Schule schwänzen*) ‘прогуливать работу, учебу’. *Blauer Montag* – небольшой понедельник. Имеются разные интерпретации этого выражения. Считается, что этот день был связан в прошлом с процессом окрашивания тканей при помощи синьки: в понедельник ткань сохла, а люди отдыхали. Второе объяснение восходит к событию, получившему название *blaue Messe* ‘синяя месса’ (люди, принимавшие в ней участие, были облачены в синие одежды). Эта лингвистическая месса была посвящена памяти погибших в одном из ремесленных цехов. После этого события ремесленникам добавили еще один выходной день – понедельник. В отличие от выражения *blau machen* выражение *Blauer Montag* сегодня все более и более устаревает и уходит в прошлое.

Рассматриваемое прилагательное используется и при обозначении географических, биологических названий: *Blaue Berge* – название гор в Америке, Австралии, на острове Ямайка; *Blaue Grotte* пещера на острове Кипр; *Blauer Planet* определение земли, земного шара (такой она видится из космоса, так как большая поверхность занята водой); *der Blaukohl (der Rotkohl)* ‘капуста кольраби’; *die Blaubeere* ‘голубика’; *die Blaumeise* ‘синица-лазоревка’.

Это прилагательное (субстантивированное) встречается во фразеологических оборотах и выражениях: “*Mancher schießt ins Blaue und trifft ins Schwarze*” ‘интуитивно, наугад попасть в цель, прийти к нужному результату’. Выражение имеет удвоенную цветовую символику: *blau* выступает в значении неясности, неопределенности, отсутствия цели, а *schwarz* – в значении достижения результата.

Выражение *blaublutig* ‘голубых кровей (благородного происхождения)’ известно примерно с 1810 года. Оно пришло из Испании (перевод с исп. *sangre azul*), где представителями ‘голубых кровей’ были лучшие семьи испанского дворянства, как правило, нордической расы. Их вены просвечивались через бледную, светлую кожу (в противоположность маврам с темным цветом кожи) [12, 86].

Прилагательное *blau* употреблялось в значениях ‘лживость, мошенничество’, ‘неверность’, ‘обман’ (некоторые примеры приведены выше): *einen blau anlaufen lassen* ‘обманывать, жульничать’; *j-m blauen Dunst vormachen* ‘обманывать кого-либо’; *einen blau machen (ihm etwas weismachen)* ‘заставить верить небылице, врать кому-либо’.

В различное время у служащих определенных отраслей и ведомств была униформа синего цвета. В связи с этим образовалось много слов, в которых синий цвет служебной формы закрепился за названием человека определенной профессии: *der Blaumann* ‘почтовый служащий’; *die Blaujacke, die Blaujungs* ‘матросы, моряки; береговая охрана’; *der Blaukopf (Blaukopp)* ‘полицейский’; *der Blaurock* ‘пожарник’; *das Blauhemd (FDJ-Mitglieder)* ‘член союза Свободной Немецкой Молодежи’; *der Blaumann* ‘ремонтник’ (рабочая униформа, как правило, техников, монтеров раньше окрашивалась индиго) [16, 417-418].

В результате рассмотрения семантики прилагательного *blau* можно сделать вывод, что его употребление связано с восприятием, мироощущением человека; с понятиями пространства и времени, человеческого тела, психики; с восприятием общества и реальной, материальной действительности.

Слово *blau* является общегерманским и представлено в других языках в виде: данgl. *blew, bleu*; англ. *blue*; шв. *blå*; дат. *bla*; дисл. *blār*; дсакс. *blāw* [23, 65; 12, 86; 21, 74]. Считается, что *blau* заимствовано в романские языки, сравним: ит. *biavo*; фран. *bleu* с тем же значением ‘синий’ [12, 86].

На основе германских форм реконструируется праформа герм. **bléwoz* [23, 65] или герм. **bléwaz* [8, 114] со значением ‘синий, голубой’. Этимологически отмеченные выше родственные формы возвращаются к индоевропейскому корню **bhel-/bhle-* ‘сиять, блестеть, мерцать’, однако они не показывают пути развития древнейшей праформы в отдельных языках и не объясняют наличие

большого разнообразия цветовой гаммы с данным корнем в древних языках.

Германский материал свидетельствует о наличии в древних текстах двух типов словоформ с корнем *blau* – с – *w*- и без – *w*- [см. также: 2, 88]. Во всех косвенных падежах в древних немецких текстах имеют место формы с – *w*- (напр., *blāwēr* ‘синий’), которые восходят к словам с основой на – *wa-*. Наличие в словоформах подобного грамматического форманта свидетельствует о большой древности исходной основы. Неударная конечная часть в рассматриваемой германской лексеме привела к большому фонетическому варьированию в отдельных языках, вызванному в общем действием известной тенденции в виде “закона конца слова”. В итоге, во многих германских языках в древних текстах представлены формы без словообразующего – *w*- (ср.: дvn. *blā*, *plā* и т. п.) [22, 77; 12, 86; 21, 74]. Очевидно, что более древней является германская праформа в виде **blāwaz*.

Считаем, что данная лексема структурно распадается на две части: **blā-waz*, в которой начало, как уже говорилось выше, восходит к ие. **bhel-/bhle-*. Конечная часть **-waz*, предположительно, может быть возведена к более древней германской форме **-hwaz* (< герм. **hwar*), которая согласно закону Гrimма вышла из ие. **-k^wer*. Об этом свидетельствуют также родственная готская форма в виде глагола *bliggvan* [13, 81]. В древнем языковом материале встречаются формы, свидетельствующие о происхождении срединного – *w*- в германских языках из германского **hw > hw > w* (напр., дvn. *kneo* ‘колено’ с основой на – *wa-* имеет формы: дат. п. ед. ч. *knieve* и дат. пад. мн. ч. *knehom*) [6, 254; 5, 79-83]. В целом реконструкция рассматриваемой лексемы *blau* принимает вид ие. **bhelek^wer*. Очевидно, что в семантическом отношении данная праформа представляет собой сложное понятие, реализованное в двух корнях. Смысловое наполнение каждого из составляющих требует снова обратиться к языковым фактам.

В древних германских языках анализируемая праформа имеет обширное и неоднородное семантическое поле реализаций. Так, в древневерхненемецком языке *blā* имеет значения ‘синий, темный’ [22, 77], древнеисландский глагол *blána* переводится как ‘синеть, темнеть’, а его исходная основа в виде адъектива *blár* передает цвета ‘синий, темный, черный’ [4, 225]. Как отмечают братья Гrimм, в различных письменных источниках представлены как

единое целое сочетания “*braun und blau*”, то есть ‘коричневый и синий’, иногда в виде синонимов *blaukohl* и *braunkohl* [13, 81].

Очевидно, что рассматриваемая древняя семантика *blau* была довольно неоднородной в своем цветовом проявлении и передавала гамму от светлого до темного. Такое употребление позволяло слову дсакс. *bleoh*, *bleo* передавать все цвета в целом, обозначая их ‘цвет, краска’. Подобная значимость сохранилась в композитах в современном немецком языке, например, *schwarzblau*, *dunkelblau*, *schmutzigblau*, *nachtblau*, *himmlblau*, *blaßblau*, *hellblau* [19, 977].

Возвращаясь к германской праформе **blā-waz* и далее к реконструированной нами ие. **bhelek^wer*, можно заключить, что отмеченное выше разнообразие цветового обозначения в своем смысловом противопоставлении ‘светлый – темный’ нашло прямое выражение в соответствующих составляющих слова: **bhele-* ‘светлый’ и **-k^wer* ‘темный’. Дальнейшее развитие германских языков, в том числе и немецкого, привело к закреплению указанной формы за светлой гаммой цвета и предстало в виде ‘синий, голубой’ [см. также: 1]. Потеря древнего смыслового наполнения в виде ‘темный’ послужила причиной постепенной фонетической редукции конечной части словоформы, что и предстало в различных реализациях в современных языках. Однако вторая часть праформы со значимостью ‘светлый/темный’ не исчезла в смысловом отношении, а получила новое развитие в виде *brown* ‘коричневый’.

В целом анализ древнего и современного материала немецкого языка показал во всех случаях расширение семантики прилагательного *blau*, наряду с увеличением частоты реализации соответствующей лексемы в текстах [1]. Отсюда следует вывод о существовании прямокорреляционной связи между полисемией слова и ее функционированием в речи. С другой стороны, изменение частоты встречаемости той или иной лексемы объясняется также теми перемещениями в системе семантических отношений, которые происходят в ходе развития языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венкель Т. В. Про номінацію “синьої” ділянки кольорового спектра в українській, російській та англійській мовах // Науковий вісник Чернівецького університету. Германська філологія. – Вип. 71. – Чернівці: “Рута”, 2000. – С. 75-79.

2. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая морфология немецкого языка. – Л.: Ленингр. отд., 1968. – 263 с.
3. Маковский М. М. Рецензия на работу В. В. Левицкого “Этимологический словарь германских языков: В 3-х томах” (2000) // Вопросы языкоznания. – 2001. – № 5. – С. 124-137.
4. Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. – М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1955. – 208 с.
5. Таранец В. Г. Рефлекси іndoєвропейського *k*- в слов'янських мовах // Слов'янський зб. – Вип. 1. – Одеса: Вид-во ОДУ, 1996. – С. 79-83.
6. Чемоданов Н. С. Хрестоматия по истории немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1978. – 288 с.
7. Grießhammer T. Blau. Grundprobleme der semasiologischen Darstellung der Adjektiv-Bedeutung, dargestellt am Beispiel eines Farbadjektivs. Hausarbeit zur Erlangung des Magistergrades der philosophischen Fakultät der Westfälischen Wilhelms-Universität zu Münster (Westf.). – Münster, 1994. – 134 S.

Список лексикографических источников

8. Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков: В 3-х т. – Черновцы: Рута, 2000. – Т. 1. – 263 с., Т. 2. – 260 с., Т. 3. – 237 с.
9. Benecke-Müller-Zarncke. Mittelhochdeutsches Wörterbuch: In 3 Bänden / Hrsg. von Müller. – Hildesheim: Olms, 1963. – Bd. I. – 1061 S. – Bd. II/1. – 825 S. – Bd. II/2. – 815 S. – Bd. III. – 963 S.
10. Borchardt-Wustmann-Schoppe. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung. – Leipzig: Brockhaus Verlag, 1955. – 539 S.
11. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – 2. Aufl. – Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. – 1816 S.
12. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – 2. Aufl. / Bearb. von Günter Drosdowski. – Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1989. – Bd. 7. – 843 S.
13. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: In 33 Bänden. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1860. – Nachdr. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999. – Bd. 2. – 1776 S.
14. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1995. – 921 S.

15. Köbler G. Taschenwörterbuch des althochdeutschen Sprachschatzes. – Paderborn-München-Wien-Zürich: Ferdinand Schningh, 1994. – 399 S.
16. Küpper H. Illustriertes Lexikon der deutschen Umgangssprache: In 8 Bänden. – Stuttgart: Klett. – 1983. – Bd. 2. – S. 400-800; 1984. – Bd. 6. – S. 2009-2400.
17. Lexer M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. – Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1974. – 504 S.
18. Mackensen L. Ursprung der Wörter. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – München: Südwest Verlag, 1985. – 446 S.
19. Muthmann G. Rückläufiges deutsches Wörterbuch. Handbuch der Wortaus- gänge im Deutschen, mit Beachtung der Wort- und Lautstruktur. – 2. Aufl. – Tübungen: Max Niemeyer Verlag, 1991. – 998 S.
20. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten: In 2 Bänden. – 4. Aufl. – Freiburg-Basel-Wien: Verlag Herder KG, 1978. – Bd. 1. – 623 S. – Bd. 2. – S. 629-1255.
21. Schade O. Althochdeutsches Wörberbuch: In 2 Bänden. – Halle: Verlag der Buchhandlung des Wiesenhäuses, 1969. – Bd. 1. – 671 S.
22. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. – 3. Aufl. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1989. – 309 S.
23. Skeat W. An Etymological Dictionary of the English Language. – Oxford, 1983. – 70 p.

Список использованных древних текстов

1. Gartenaere W. Hilmbrecht. Mittelhochdeutscher Text und Übertragung / Hrsg. und übers. von H. Brackert u. a. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1972. – 155 S.
2. Hausen F. Minnenot // Deutscher Minnesang (1150-1300) / Auswahl und Ausgabe der mittelhochdeutschen Texte von F. Neumann. – Stuttgart: Philipp Reclam Jun., 1978. – S. 34.
3. Johansdorf A. // Die Mittelhochdeutsche Minnelyrik. Die frühe Minnelyrik. Texte und Übertragungen. Einführung und Kommentar/ Hrsg. von G. Schweikle. – Darmstadt, 1977. – S. 326-351.
4. Vogelweide W. Gedichte. Mittelhochdeutscher Text und Übertragung / Ausgewählt und übersetzt von Peter Wapnewski. – Frankfurt am Main und Hamburg: Fischer Bücherei, 1962. – 293 S.

ФРАНЦУЗЬКІ ВІДДІЄСЛІВНІ ПРИКМЕТНИКИ ЗІ ЗНАЧЕННЯМ ПАСИВНОСТІ ТА ОСОБЛИВОСТІ ЇХ ПЕРЕКЛАДУ УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ

Існування багатьох способів вираження значення пасивності зумовлено недостатньою кількістю спеціальних морфологічних засобів для цих цілей у французькій мові [1; 3; 10]. Оскільки конструкція, що складається з дієслова *être* й дієприкметника минулого часу, та *ε*, за своєю суттю, результатом пасивної трансформації активного речення, не може бути єдиним способом вираження семантичної категорії пасивності, то, приймаючи до уваги мовну різноманітність, система французької мови пропонує мову інші можливості передачі думки про те, що суб'єкт підлягає дії, а не виконує її [1; 3; 10].

Одним зі способів вираження семантичної категорії пасивності у французькій мові є віддієслівні прикметники з суфіксами *-able*, *-ible*, *-uble*. У більшості випадків вони утворюються від перехідних дієслів, що мають потенційні можливості пасивізації. *Cette machine n'est plus utilisable* – *On ne peut plus utiliser cette machine*. Фердинанд Брюно у своїй праці “*La pensée et la langue*” робить ряд висновків стосовно віддієслівних прикметників:

1. Велика кількість прикметників, які утворено таким способом, втрачає своє пасивне значення або зовсім ніколи його не мала: *agréable*, *nuisible*, *aimable*, *charitable*.

2. Багато прикметників мають водночас активне та пасивне значення: *Une misère pitoyable*, *c'est une misère qui mérite d'être prise en pitié*, *mais un homme pitoyable*, *c'est celui qui la prend en pitié*.

3. Значення віддієслівних прикметників, у більшості випадків, потенційне: *Une maison vendable ne signifie pas: qui est vendu, mais qui peut l'être*.

4. Деякі віддієслівні прикметники не можуть бути віднесені до пасивних, оскільки вони є похідними від неперехідних дієслів: *Une rue carrossable*, *une piste cyclable*. *L'enfant était né viable* [10, 364].

Вивченням проблеми функціонування віддієслівних прикметників у французькій мові займалося багато лінгвістів [3; 4; 7; 10; 11; 12]. А. Д. Жаловський, зокрема, здійснив фундаментальне

лексикографічне дослідження суфіксального словотвору віддієслівних прикметників. Він приділив багато уваги питанню про частотність вживання та продуктивність утворення прикметників з суфіксами *-able*, *-ible*, *-uble* [4].

Ціллю даної роботи є дослідження функціонування у французькій мові віддієслівних прикметників зі значенням пасивності та виявлення особливостей їх перекладу українською мовою. Під “особливостями” маються на увазі інваріанти перекладу, аналіз вибору яких дозволить зробити попередні висновки про вплив відмінності мовних структур на сприйняття інформації іншомовним реципієнтом. В якості фактичного мовного матеріалу були обрані твори Ф. Саган. Цей вибір зумовлено наявністю у кожному романі психологічних портретів персонажів, неспроможних на активні дії, у депресивному стані, ретельно змальованих за допомогою застосування різноманітних образних мовних засобів та використання складних морфо-сintаксических конструкцій. З погляду аналізу перекладу українською мовою французьких віддієслівних прикметників зі значенням пасивності, що мають місце в цих творах, привертає увагу можливість дослідження як адекватних замін, що пояснюються високим ступенем метафоричності романів при описі психологічного стану персонажів, й, відповідно, інколи, неможливістю підбору абсолютних еквівалентів, тобто таких, що повністю відтворюють зміст на граматичному, семантичному та синтаксичному рівнях водночас, або “варіативних відповідників” [8], так і еквівалентних відповідників, отриманих внаслідок тотожності граматичних структур.

Аналіз таких романів, як “*Aimez-vous Brahms?*”, “*Bonjour, tristesse*” “*Un peu de soleil dans l'eau froide*” й, відповідно, їх перекладів українською мовою, дозволив виділити деякі особливості використання французьких віддієслівних прикметників Франсуазою Саган в її творах та основні засоби перекладу українською мовою явища, що вивчається.

В досліджених творах віддієслівні прикметники з суфіксами *-able*, *-ible*, *-uble* використовуються досить часто, але не всі вони можуть висловлювати значення пасивності, оскільки багато з них утворено від основ неперехідних дієслів, або іменників: *semblable* (13, 61) – *сходжий* (18, 53).

В творах, на матеріалі яких було проведено дослідження особливостей перекладу, мають місце випадки лексичних повто-

рювань віддієслівних прикметників: *insupportable*, *indestructible*, *inevitable* (в романі “Aimez-vous Brahms?”); *lamentable*, *insupportable*, *interminable* (“Bonjour, tristesse”); *insupportable*, *irréprochable*, *inevitable*, *irresistible*, *interminable*, *intarissable* (“Un peu de soleil dans l’eau froide”).

Перевага прикметників з префіксами *irr-*, *in-*, що мають досить часто пейоративне значення, над прикметниками з нульовим префіксом в усіх досліджених творах може бути розглянута як мовний засіб для створення лексичного поля “неможливості” підлягати будь-яким діям, що виконуються у відношенні персонажів. Так, в романі “Un peu de soleil dans l’eau froide” протогност, Жіль, представлений як особистість, абсолютно байдужа до всього, що відбувається навколо: *Cela lui semblait une épreuve insurmontable* (15, 28) – Йому було понад силу (17, 118). Головна геройня роману “Aimez-vous Brahms?”, Поль, у більшості випадків, неспроможна самостійно прийняти тверде рішення: *L'idée qu'un petit freluquet de ce genre pourrait te plaire m'est insupportable* (13, 53) – Для мене нестерпна сама думка про те, що тобі може сподобатись якийсь нікчемний вітрогон (18, 46). Персонажі роману “Bonjour, tristesse”, що на перший погляд відаються задоволеними життям людьми, насправді відчувають глибокий душевний дискомфорт, й не завжди здатні адекватно відреагувати на те, що відбувається: *Il était d'une impolitesse inconcevable* (14, 53) – Він був страшенно невихованій (16, 268).

Окрім цього, у всіх трьох романах частотним є прикметник *insupportable*, що також свідчить про ті негаразди, що спіткають персонажів Ф. Саган.

В якості українських перекладацьких відповідників французьких віддієслівних прикметників виступають пасивні дієприкметники, віддієслівні прикметники та перифрази, що свідчить про наявність у мові перекладу структури, подібної до структури мови-оригінала, ѹ, як наслідок, можливість еквівалентного перекладу в ряді випадків: *Car la nuit serait interminable sans lui* (14, 125) – *Бо ніч буде нескінченою без нього* (16, 305).

Вивчення перекладацьких відповідників віддієслівних прикметників показало, що один прикметник може мати різні перекладацькі відповідники, залежно від контексту, тобто його переклад здійснюється згідно з принципами ситуативної моделі перекладу [2]. Напр.: *irrésistible* – непереборна, непереможна, неймо-

вірна в “Un peu de soleil dans l'eau froide”. *Insupportable* в “Aimez-vous Brahms?” перекладено як *нестерпний*, *жахливий*, *жорсткий*. Очевидно, що його еквівалентом є *нестерпний*, в той час коли другий та третій варіанти перекладу, з позиції теорії перекладу, розглядаються як “адекватні заміни”, вибір яких зумовлено контекстом. Таким чином, *un beau crime bien insupportable* (13, 21) перекладається як *який-небудь жахливий злочин* (18, 18). Напевне, приймаючи до уваги наявність прислівника *bien*, що посилює семантичну категорію ознаки, перекладач, насамперед, відштовхується від сполучуваності слова *злочин* в українській мові, й шляхом фільтрації, знаходить відповідний варіант.

Цікавим уявляється той факт, що однаковий переклад *нестерпний* мають прикметники *insupportable* та *désagréable* в романі “Bonjour, tristesse!”. Якщо у першому випадку йдеться про еквівалент *l'air insupportable* (14, 85) – *нестерпна задуха* (16, 285), то у другому випадку має місце аналог *j'étais désagréable* (14, 122) – *я була нестерпна* (16, 303), тому що з ряду можливих варіантів перекладу слова *désagréable* був обраний контекстуально зумовлений прикметник *нестерпна*. Та ж ситуація має місце й при перекладі прикметників *malleable* (14, 120) та *modulable* (14, 74), для яких перекладацьким відповідником є *піддатлива*. Уявляється можливим припустити, що за допомогою саме цих перекладацьких відповідників, перекладач намагався відтворити досить частотні лексичні повтори віддієслівних прикметників в оригіналі, які було використано для створення ефекту повторення подій, неодноразового переживання одних й тих самих почуттів.

Велике комунікативне навантаження в досліджених текстах має пара прикметників *imaginaire/ imaginable*. *De liens imaginaires, mais si parfaitement imaginables* (14, 163) – *свої уявні, але дуже добре зіграні почуття* (16, 323). Цікавим уявляється проаналізувати, яким чином перекладач передає гру слів *imaginaire/ imaginable*, однокореневих віддієслівних прикметників, один з яких має активне значення, а другий – пасивне. Перекладач відштовхується від семантики об’єкта *lien*, який перекладено як *зв’язок*, а у сполученні з ознакою *imaginaire*, враховуючи необхідність обіграти співвідношення *imaginaire/ imaginable*, отримує відповідник *увяні почуття*. Далі перекладач утворює контрастивну пару *увяні / добре зіграні*, намагаючись таким чи-

ном компенсувати протиставлення актив/пасив, що мають місце в оригіналі.

В романі “*Bonjour, tristesse!*” присутня фраза *c'était une lourde américaine décapotable* (14, 135), яка перекладається як *велика американська модель з відкидним верхом* (16, 309). У даному випадку йдеться про лексико-семантичне перифразування, оскільки в українській мові немає спеціального слова для позначення відкидного верха легкової машини. Аналізуючи цей окремий випадок, можливо також, згідно з концепцією В. Г. Гака [2], виділити семантичний процес поширення: *une lourde américaine /американська модель*. Слід також відзначити випадок лексичної трансформації в перекладі віддієслівного прикметника: *Cela me paraît inévitable* (14, 70) – *Мені здається, що лиха не уникнути* (16, 277). Ознака отримує поширення й передається за допомогою словосполучення *унікнити лиха* в заперечній формі. При цьому зберігається синтаксична структура неозначено-особистого речення. Примітно те, що *лиха не уникнути*, як перекладацький еквівалент віддієслівного прикметника *inévitable*, має більш сильну пежоративну конотацію за рахунок слова *лихо*, аніж оригінал, когнітивною функцією якого є донесення до реципієнта ідеї немінучості без прямої вказівки на негативні наслідки.

Якісно-кількісний аналіз функціонування французьких віддієслівних прикметників та їх перекладу українською мовою, згідно з основними принципами теорії закономірних відповідників Я. И. Рецкера [5], дозволив нам отримати наступні результати: з 24 віддієслівних прикметників, які було вжито в романі “*Aimez-vous Brahms?*”, 10 перекладено за допомогою еквівалентів, 9 – через аналоги та 5 отримало адекватні заміни; 43 віддієслівних прикметника зі значенням пасивності, що мають місце в романі “*Bonjour, tristesse!*” отримали наступні варіанти перекладу: 21 прикметник – еквіваленти, 13 – аналоги, 9 – адекватні заміни; переклад 42 віддієслівних прикметників, що зустрічаються в романі “*Un peu de soleil dans l'eau froide*” було здійснено у 24 випадках шляхом знаходження еквівалентів, у 12 – аналогів, у 6 – адекватних замін. Таким чином, у половині випадків переклад українською мовою французьких віддієслівних прикметників зі значенням пасивності був здійснений через використання перекладацьких еквівалентів, що зумовлено наявністю у мові перекладу прямого граматичного еквівалента одиниці мови-оригінала,

що досліджується. Другу половину прикметників було перекладено за допомогою граматичних та лексико-синтаксичних трансформацій, у випадках, потребуючих використання додаткових мовних змін без порушення когнітивної функції. Виходячи з цього, можна говорити про цілісність перекладу, у відповідності до критеріїв його здійснення для художньої прози, що висуваються лінгвістами, тобто про передачу змісту оригінала засобами іншої мови, зберігаючи при цьому стилістику та експресивність твору [2; 5; 6; 8; 9].

ЛІТЕРАТУРА

1. Васильева Н. М., Пицкова Л. П. Грамматические категории французского глагола. – М.: Моск. обл. пед. инт. им. Н. К. Крупской, 1972. – 108 с.
2. Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. – М.: Высшая школа, 1965. – 378 с.
3. Илия Л. И. Очерки по грамматике современного французского языка. – М.: Высшая школа, 1970. – 175 с.
4. Жаловский А. Д. Суффиксальное словоиздание отглагольных прилагательных в современном русском языке. – К.: Киевский гос. пед. ин-т иностр. языков, 1961. – 74 с.
5. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – 215 с.
6. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
7. Чинчлей Г. С. Отрицательно-привативные префиксы при глаголе в современном французском языке: Автoref. дис.... канд. филол. Наук, – М., 1964. – 16 с.
8. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
9. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988 – 215 с.
10. Brunot F. La pensée et la langue. – Paris: Masson, 1926. – 982 р.
11. Dubois J. Etude sur la dérivation suffixale en français moderne et contemporaine. – P.: Larousse, 1962. – 234 р.
12. Gavelko M. Evolution des suffixes adjectivaux en français. Wroclaw: Zaklad Narodowy im. Ossolinskich, 1977. – 142 р.

ХУДОЖНІ ТЕКСТИ

13. Sagan F. Aimez-vous Brahms? – M.: Цитадель, 2000. – 109 с.
14. Sagan F. Bonjour, tristesse!, – Paris: Juillard, 1954. – 163 р.
15. Sagan F. Un peu de soleil dans l'eau froide. – Paris: Juillard, 1969. – 179 р.
16. Саган Ф. Здрастуй, печаль! / Пер. Кравець Я. К. // Чи любите ви Брамса? – К.: Молодь, 1989. – С. 243-332.
17. Саган Ф. Крапля сонця у холодній воді. / Пер. Омельченка // Чи любите ви Брамса? – К.: Молодь, 1989. – С.99-242.
18. Саган Ф. Чи любите ви Брамса? / Пер. Омельченка В. // Саган Ф. Чи любите ви Брамса? – К.: Молодь, 1989. – С.3-98.

НАРИС ПРО КОМУНІКАТИВНУ ВТОРИННІСТЬ

Що таке комунікативна вторинність повідомлення? Чим вона відрізняється від комунікативної первинності? Чи не означає вона другорядності, зменшеної інформативної вартості повідомлення? Такі питання виникають вряди-годи під час лекцій з теорії комунікації, під час наукових дебатів на аспірантських семінарах, а іноді і в розважальній бесіді фахівців-науковців. Вважаю за доцільне роз'яснити своє розуміння комунікативної первинності/вторинності повідомлення.

Нижче переважно йтиметься про вербальну комунікацію, але не тільки про неї, оскільки в основі обговорюваного феномену лежить універсальна властивість будь-якої комунікації, а саме кодування змісту повідомлення, або іншими словами, відбиття знаковими засобами чогось, що лежить поза матеріальною втіленістю знакового цілого. Знакові засоби, або ж знакова система, за словами Ю. Степанова, як ядро інформаційної системи є предметом семіотики, яка знаходить свої об'єкти повсюди – в математиці, художній літературі, архітектурі [15, 5]. То ж знакові цілі, про які йтиметься нижче, можуть бути як вербальними, так і невербальними повідомленнями (це побутова розмова, анекдот, літературний твір, живописна картина чи малюнок, кінофільм чи телевізйна програма).

Кожне із таких повідомлень як знаковий феномен являє собою єдність означуючого і означуваного, форми і змісту. О. Кібрік слушно зауважує, що „зміст (тобто означуване – І. К.) відбиває ситуацію зовнішню по відношенню до ситуації акту мовлення” [6, 22] або, скажемо ширше, до ситуації акту означування. Звернімо увагу на засновок про зовнішній, відсторонений характер змісту, оскільки це дає нам право роздільно аналізувати виряжальний та змістовий аспект повідомлення, під цим останнім розуміємо зовнішню ситуацію, що означується, і називаємо її референтним простором повідомлення [7, 30-34].

„Явище референції є безумовно найважливішою властивістю мови. Референція полягає у співвіднесеності знакових засобів мови із предметами, їх властивостями і стосунками” [13, 121]. Залежно від характеру референтів, що означуються повідомленням,

ми й розрізняємо комунікативно первинні та комунікативно вторинні повідомлення. Якщо референт (означуване) не є знаковим утвором, то відповідне повідомлення (означуюче) називаємо **комунікативно первинним**. Тут дoreчно згадати тезу Ч. Морпіса про так звані *thing sentences*, тобто речення про речі, або речові речення (рос. „вещные предложения“). Цей термін він перейняв у Р. Карнапа (детальніше про це див. [15, 9]). Ми однаке виокремлюємо його із логіко-позитивістської парадигми, надаючи йому трактування, що випливає із пропозиції Ч. Морпіса „використовувати термін „речення про речі“, *thing sentences* для позначення будь-якого речення, десигнат якого не містить знаки, таке речення висловлюється про речі і може вивчатися семіотикою“ [11, 58] (виділено нами – І. К.). Висловлення про речі (а не про знаки) – це найяскравіший, прототиповий у термінах Е. Рош представник комунікативно первинного повідомлення. Детальніше про прототипи див [16, 6]. Згідно з нашою концепцією, вперше сформульованою ще у 1991 р. [7, 100-108], його парним корелятом є комунікативно вторинне повідомлення.

Комунікативно вторинним повідомлення стає у тому разі, коли воно означує референт, який вже сам по собі є знаковим утвором. Найпростішим прикладом є побутовий переказ чогось, що вже було промовлено раніше. Уявімо собі наступне:

„І от викликає мене шеф і каже: „Чому це Ви не зробили звіт вчасно?“ А я йому: „Розумієте, Петре Петровичу, у мене нежить, голова болить“. А він так ехидно: „Покажіть лікарняний!“

У даному прикладі мовець-оповідач словесними засобами відтворює певний життєвий епізод, який складає зміст, або референтній простір цього повідомлення. Частину референтного простору складають часові координати (неозначене минуле), місце (пресупозиційно відоме як установа, де працює оповідач), актанти (керівник і його підлеглий), дії актантів (службова розмова). Іншу частину референтного простору складають репліки актантів. На відміну від перелічених референтів репліки є від початку комунікативними, а саме мовленнєвими утворами. Вони були промовлені актантами, а пізніше вдруге промовлені оповідачем. Таким чином репліки у даному повідомленні є феноменами подвійного (або повторного) комунікативного функціонування: спершу як

первинні комунікативні утвори (в устах актантів), потім як вторинні (в устах оповідача).

Всі види цитування у літературному творі будь-якого функціонального стилю є фактом комунікативної вторинності. Персонажне мовлення чи то усне (діалог), чи то письмове (листування, щоденники, тощо) також є проявом опосередкованого ословлення чогось, що було ословлено у зображеному світі. Зараз ми наїмисне відсторонюємося від того, чи було це першіне висловлення реальним, чи воно є вигадкою, плодом творчої уяви письменника. З точки зору семіотики ми в даному разі нехтуємо різницію між „актуальним, зовнішнім“ зображенням світом і „можливим світом, який створений засобами мови і складений із предметів, індивідів, сущностей, що відповідають інтенсіоналам певної мови“ [15, 21]. В даному разі ця різниця не є суттєвою, оскільки згідно з естетичними конвенціями читач художнього твору сприймає зображеній світ як такий, що існував. За словами Р. Барта „дискурс прикращається, начебто вірить в існування певного першородного референта, який він мусить зафіксувати, скопіювати, оголосити“ [1, 170]. А відтак репліки персонажів (не обов’язково людей, але і звірів, і роботів), нотатки у щоденнику, тексти оголошень і записки, знайдені у пляшці – все це має такий само статус попереднього існування, як і вислови реальних осіб, тексти документів, рядки поетичних, наукових, публіцистичних творів, з яких пізніше були зроблені витяги, цитати, дайджести.

Говорячи про комунікативну первинність і вторинність вербальних повідомлень, слід зазначити базову опозицію використання мови у двох режимах. „Спілкування в умовах повноцінної, або канонічної в термінах Лайонза, мовленнєвої ситуації – це мовленнєвий режим використання мови. Він протистоїть наративному режиму, коли текст інтерпретується поза співвіднесеністю із мовленнєвою ситуацією“ [12, 164]. Комунікативно вторинне повідомлення можливе виключно у наративному режимі використання мови, оскільки воно завжди є дискурсом, що містить інший, „чужий“ за Р. Бартом [1, 173], дискурс. Чужинність висловлення з точки зору М. Бахтіна є градуйованою величиною: „Слово, використане у лапках..., відчувається і використовується як чуже (і має) безкінечні градації в ступені чужинності (рос. „чужесті“), різні відстояння від мовця“ [2, 300].

Комунікативна вторинність – явище притаманне не тільки вербальним повідомленням, але й тим, що використовують інші знакові засоби кодування інформації. Як різновид комунікації правомірно розглядати і живопис. Зокрема Ч. Морріс, створюючи свою славнозвісну теорію знаків, трактував живопис разом із жестами, мовленням, письмом як сукупність знаків. Він зауважив, що „люди створили певні спеціальні органічні мови для більш успішного виконання певних цілей: зображене мистецтво для показу і збереження того, що їм любе” [11, 54-55]. Виходячи із цього, вважаємо, що живопис, малюнок є знаковим способом відтворення позазнакової реальності, адже зображення на площині полотна чи паперу є двомірним статичним знаковим цілім, що за допомогою комбінації кольорів і/або ліній повідомляє адресату певну інформацію, втягуючи глядача в уявну глибину тримірного динамічного світу, що зображеній на полотні. Зазначимо, побіжно, що в межах нашого дослідження ведемо мову передусім про живопис, який естетично орієнтований на ізоморфність зображеного і зображеного, хоча можливо, що явища, які ми тут обговорюємо, притаманні й іншим естетичним напрямкам живопису, наприклад, сюрреалізму, кубізму, абстракціонізму, тощо. В. Силантьєва, співставляючи живопис і літературу, розмірковує про сюжетоскладання, підтекст, контрапункт як явища не тільки літературного, але й живописного твору, аналізує активну роль реципієнта у сприйнятті „фрагменту життя, який представлений в картині або тексті” [14, 87-89].

Трактуючи живописне полотно або малюнок як повідомлення, приписуємо йому наявність референтного простору, або предмету зображення, яким є фрагмент тримірного динамічного світу, що іконічно закодований кольорами та/або лініями. Якщо серед зображуваних референтів трапляються картини, малюнки тощо, то глядачеві пропонується комунікативно вториннє повідомлення у вигляді картини, на якій зображена інша картина, що вона (начебто) була створена раніше, і у межах цього живописного повідомлення є іконічною цитатою.

Розглянемо явище комунікативної вторинності ще в одному типі іконічних повідомлень, а саме у кінофільмі, де знакове ціле (те, що сприймає глядач при перегляді) закодоване засобами візуального коду, до якого на відміну від живопису додається, по-перше, акустичний код і, по-друге, динамізм розгортання повід-

омлення у реальному часі. Комунікативну вторинність у кінематографічному повідомленні спостерігаємо у випадку включення у зображеній світ якогось іншого кінематографічного повідомлення, маркованого як таке. Масмо на увазі фільм, знятий раніше. Звертаємо увагу на те, що йдеться саме про цитування, а не аллюзію, пародію, стилізацію. У розглядуваному тут аспекті вважаємо недоцільним диференціювати кінематографічне і телевізійне повідомлення. У функції цитати і цитуючого повідомлення можуть виступати як одні, так і другі.

Цитуватись може повідомлення як реальне, так і вигадане, створене *ad hoc* в межах цитуючого твору. Комунікативні конвенції передбачають, що у будь-якому разі глядач сприймає цитованій твір як такий, що має власний статус і власну історію функціонування у комунікативному просторі. Що стосується цитування реальних кіно і ТВ повідомлень, то найчастіше для них обираються широко відомі, так би мовити прецедентні у термінах Ю. Карапулова [5, 216] повідомлення. Прикладом можуть слугувати ТВ програма „Время” часів Радянського Союзу, репортаж про висадку астронавтів на Місяць, кінофільми „Солом'яний капелюшок”, „Іронія долі”, „Паризьке танго” і багато інш.

Цитовані кіно і ТВ повідомлення можуть бути повністю вигаданими, створеними для потреб цитуючого твору. Згадаймо кадри із неіснуючого (самостійно) фільму про Жанну д'Арк, які включенні у фільм Г. Панфілова „Начало” з Інною Чуріковою у головній ролі. Численними є випадки цитування у художньому фільмі вигаданих чи змонтованих ТВ новин, що інформують про зображені сюжетні події та персонажів. Наприклад, широко відомий американський фільм „Форест Гамп”, в якому є численні цитати ТВ новин, що висвітлюють поворотні моменти історії США, у яких поруч із президентами, сенаторами США начебто бере участь і головний герой фільму.

Вторинні іконічні повідомлення можуть виконувати дуже різноманітні функції: від фонової деталі до невід'ємної конструктивної складової художнього цілого. Приклад останнього спостерігаємо у фільмі „Жінка французького лейтенанта”, де сплетені у вишукане мереживо два комунікативні плани: кіно за романом Джона Фаулза і кіно про екранизацію цього роману. Користуючись спостереженнями Р. Барта над прозою О. Бальзака і екстраполюючи їх з літературної сфери на образотворчу, скажемо, що

тут наявна інтерференція двох комунікативних ліній, яка створює „шум”, утруднює комунікацію, але адресат залишки споживає саме таку „контр-комунікацію” і стає співучасником дискурсу як такого [1, 141-142]. У цілому слід зазначити, що включення комунікативно вторинних компонентів у іконічне повідомлення поглиблює комунікативну перспективу твору, уможливлює вплетення „чужих голосів” у єдине поліфонічне художнє ціле.

В межах даного дослідження ми розглядаємо виключно комунікативну вторинність гомогенного різновиду. Пояснимо цю тезу. Гомогенну комунікативну вторинність спостерігаємо у разі, якщо обидва повідомлення (цитоване і цитуюче) є генетично спорідненими за видом комунікативного коду, який слугував застосованим знакової фіксації кожного з них, тобто вербалне повідомлення дублюється вербалними засобами, іконічне повідомлення відтворено із застосуванням іконічного коду. Міжвидове дублювання ми зараз не розглядаємо, хоча у майбутньому можливо додільно буде це зробити, дослідивши процедури міжвидового перекодування змісту, наприклад, при словесному описі живописного полотна.

Ю. Лотман, започатковуючи дослідження семіотики культури, висунув тезу про розмежування, навіть опозитивність двох семіотичних типів повідомлень (які він називав „текстами”), а саме дискретних і не дискретних, континуальних текстів. До перших він відносив вербалне повідомлення, до других – полотно картини, сцену, екран, сон, тощо [9, 9]. Він також наполягав на тому, що переклад між ними принципово неможливий, оскільки дискретній одиниці одного тексту відповідає у другому тексті певна смислова пляма з розмитими межами і поступовими переходами в область іншого смислу. Далі Ю. Лотман продовжує, що не зважаючи на семіотичну різнорідність таких текстів (ми це називаємо кодовою негомогенністю – І. К.), постійно відбуваються спроби їх взаємного перекладу, що приводить до найцінніших результатів. „У цьому разі виникає не точний переклад, а приблизна, зумовлена певним спільним культурно-психологічним і семіотичним контекстом еквівалентність” [там само, 10].

Видова гомогенність кодів не обов’язково передбачає їхню ідентичність у цитованому і цитуючому повідомленнях. Ймовірність, а можливо і обов’язковість адаптації коду вихідного (цитованого) повідомлення до комунікативних завдань і можливостей

цитуючого твору закладена у глибинному механізмі повторного відтворення повідомлення. У вербалній комунікації така адаптація найяскравіше проявляє себе у перекладі іншомовних вихідних висловлень, надписів тощо мовою цитуючого повідомлення. Читача не дивує те, що він легко розуміє, що саме каже персонаж-іноземець, який начебто спілкується своєю рідною мовою. „Дискурс ретельно замикається у певному колі „солідарностей”, у якому все взаємопов’язане” [1, 150] і все націлене на те, щоб задоволити комунікативні інтереси читача. Читач має зrozуміти стільки „іноземного” мовлення, скільки йому заплановано автором. Повне чи часткове представлення іншомовних реплік, надписів і т. ін. у перекладі входить до правил художньої комунікації і як таке вбудоване у комунікативну компетенцію читача, а відтак не потребує окремого авторського коментаря. Не художній, передусім науковий дискурс значно чутливіший до цього фактору, тому там нерідко зустрічаємо метатекстові фрагменти типу „переклад наш”, що коментують цитовані слова іншомовних авторів. Прагнення до скрупульозної точності представлення чужих висловів спричиняє паралельне наведення окремих висловів, термінів, тощо мовою оригіналу.

У іконічному повідомленні прикладом неідентичності кодів може слугувати чорно-біле відтворення багатокольорового живописного полотна, що зображене на графічному малюнку.

Загалом цитуюче повідомлення обмежує кодові потенції цитованого знакового утвору, трансформує і адаптує їх до своїх комунікативних потреб, згідно з якими читач, глядач має зрозуміти, про що йдеться у цитованому повідомленні. Частіше за все це робиться „потай”, не привертуючи уваги адресата до кодових трансформацій як таких.

Водночас сам факт цитації, відтворення раніше створеного обов’язково акцентується у вторинній комунікації. Надзвичайно важливою в зв’язку з цим є роль межі, що відокремлює „чуже” повідомлення („чужий” дискурс, „чуже” слово) від „свого”. У іконічних творах чужинність акцентується за рахунок зображення матеріального знакносія цитованого твору, наприклад полотна у рамі, що висить на стіні, або стойть на мольберті у зображеному приміщенні, або зображення кіноекрану, ТВ екрану чи монітору, на якому демонструється цитоване повідомлення. Функцію межі виконують включення у відеоряд службових кінозйомочних ат-

рибути (напр., хлопавка з назвою фільму і номером дублю) та технічних позначок (напр., рамка телевізійного кадру на ТВ моніторі). В зв'язку з цим слід зауважити, що знакова функція таких деталей передбачає певні знання з боку адресата, певний культурний досвід. Скажемо словами Ю. Лотмана: „Всі учасники комунікації повинні мати певні навички семіозису. Таким чином семіотичний досвід має парадоксально передувати будь-якому семіотичному акту” [8, 163].

Вербалне повідомлення для експліцитного маркування комунікативної вторинності користується лінгвістичними, паралінгвістичними і навіть іконічними засобами. Розмежування свого і чужого дискурсу відбувається за допомогою авторських ремарок типу „він сказав”, „вона прочитала”, бібліографічних посилань на цитоване джерело, графічних позначок у вигляді лапок, курсиву, абзацного членування. Іконічні засоби відчуження – це імітація рукописного, рунічного, піктографічного шрифту у друкованому тексті, зображення матеріального знакносія разом із цитованим текстом, що міститься на ньому (напр., малюнок обгорілого паперу з текстом заповіту, який хотіли знищити; зображення могильного пам'ятника з епітафією; фрагмент записки з напівстерими літерами, що була знайдена у пляшці тощо). В усному дискурсі цитування часто супроводжується створенням „голосової маски”: зміною тембру та інтонаційного малюнку мовлення, імітацією акценту. Зазвичай слухач, якому переказують попередню розмову, особливо дискусійного, конфліктного характеру, легко розуміє, на чиєму боці оповідач. Наши спостереження є підтвердженням умовиводу М. Бахтіна про те, що „всі персонажі і їх мовлення є об'єктами авторського ставлення; ... мова автора принципово іншого типу, вона не може лежати в одній площині з мовою персонажів” [2, 295].

Вважаємо, що комунікативна вторинність є різновидом мімесису на протиставлення дисегесису (зображення чогось, а не розповідь про щось). Чужинна (цитована) комунікація пред'являє себе адресату цитуючого твору у своїй (начебто) первинній формі. В зв'язку з цим доречно навести дуже тонку, хоча можливо і занадто категоричну думку Р. Барта про те, що в такому разі „предмета оповідання не має, оповідання говорить саме про себе – оповідання оповідається” [1, 193]. Читачеві ж надається ілюзорна можливість спостерігати цей процес наочно і робити свої

комунікативні висновки, таким чи іншим чином розуміючи цитоване, а згодом і цитуюче повідомлення і світ що зображеній у ньому. В такому разі комунікативні пізнання, як його тлумачить Є. Сидоров, тобто „пізнання світу через тексти, а не безпосереднє пізнання референтів і референтних ситуацій” [13, 128], виявляється ще більш опосередкованим і ускладненим, адже адресат комунікативно вторинного повідомлення пізнає світ через текст про текст. Погодимося з точкою зору О. Залевської про те, що розуміння тексту, а мабуть і не тільки верbalного текстового, але й будь-якого іншого повідомлення „здійснюється через зустрічне конструювання ситуації на основі знання про те, що, як, коли, чому і для чого... було, буває, може чи не може трапитись в реальному або вигаданому світі” [4, 65]. Знання про світ, які згідно з О. Залевською уможливлюють розуміння тексту (ширше будь-якого повідомлення), обов'язково включають у себе не тільки знання про те, „що, як, коли” трапляється у світі взагалі, але і у комунікативному світі зокрема, тобто „чому і для чого” люди спілкуються між собою, обмінюються повідомленнями.

Залучення „чужої” комунікації у зображеннях світу надає повідомленню поліфонічності, часо-просторової конкретності, динамізу та багатовимірності існування у комунікативному просторі.

Підсумовуючи все сказане, наголосимо на тому, що дана робота окреслює найбільш загальні аспекти вторинної комунікації як ми її розуміємо у контексті культурного семіозису. Рефлексуючи стосовно узагальнюючого підходу, що був використаний, наведемо слова А. Вежбицької, якими вона завершує один із розділів книги „Семантичні примітиви”: „Мені довелось у зв'язку із своїм дослідженням втрутатися у низку різноманітних галузей, занадто широких для того, щоб їх могла ефективно обробити одна людина. Те, що я намагалась тут накреслити у загальних рисах, являє собою підхід до певної наукової галузі, а не до конкретної теми” [3, 268]. Дозволимо собі перейняти ці слова і віднести їх до свого скромного доробку.

Попереду більш детальні дослідження семантичних, синтаксических та прагматических параметрів (у семіотичному розумінні цієї тріади) комунікативної вторинності; вивчення різноманітних трансформацій (напр., іконічного повідомлення у вербалне); аналіз реструктурації комунікативного ланцюжка (за рахунок по-

яви додаткових фігур адресанта і адресата); співвіднесення феноменів вторинності і мегатекстової структурованості цілого завершеного повідомлення; а також розмежування феноменів комунікативної вторинності і інтертекстульності. За словами Ю. Степанова „інтертекст і інфосфера – це два ключові терміни, що характеризують нове у семіотиці, тобто семіотику 2000 р.” [15, 6]. Таким чином сподіваємося, що напрямок наших пошуків є перспективним і потенційно плідним.

ЛІТЕРАТУРА

1. Барт Р. S/Z. Пер. с фр. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Вежбицкая А. Из книги “Семантические примитивы” // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – С. 242-270.
4. Залевская А. А. Некоторые проблемы теории понимания // Вопросы языкоznания. – 2002. – № 3. – С. 62-73.
5. Караполов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 324 с.
6. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания (универсальное, типовое и специфицированное в языке). – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 336 с.
7. Колегаева И. М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. – Одесса: Редакционно-издательский отдел обл. упр. печати, 1991. – 120 с.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
9. Лотман Ю. М. Риторика // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского гос. университета. – Тарту, 1981. – Вып. 515. – С.8-28.
10. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского гос. университета. – Тарту, 1981. – Вып. 515. – С.3-7.

11. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – С. 45-97.
12. Падучева Е. В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 164-169.
13. Сидоров В. Н. Референция, экспрессия, когнитивность и коммуникативное назначение языка // Знание языка и языкоznание. – М.: Наука, 1991. – С.119-131.
14. Силантьева В. И. Художественное мышление переходного времени (литература и живопись). – Одесса: Астропринт, 2000 – 352 с.
15. Степанов Ю. С. В мире семиотики. Вводная статья // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – С. 5-42.
16. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – М. – 1992. – № 3. – С.1-8.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА, СОЗНАНИЕ, ЗАКОНЫ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

Большинство исследователей системы английского языка, занимаясь проблемами грамматики, в то же время термина “грамматика”, как такового, не определяют (см. [3; 4; 6; 7; 8; 11; 12; 20; 26]). Только отдельные ученые приводят в своих трудах определения этого термина. Р. Ладо понимает грамматику как “изучение законов построения правильной речи” [21, 141]. Н. Хомский считает, что грамматика – это “система правил, выражающих соответствие между звуком и значением языка” [27, 62]. Для Р. Куэрка и соавторов грамматика – “сложная совокупность правил, определяющих соединение слов в большие группы” [25, 8]. Д. Гиринг и соавторы говорят о грамматике как о соотнесенности звука и значения, связанной с принципами и правилами построения предложения [16, 22]. Авторы грамматики *REA'S* определяют грамматику как “совокупность правил, помогающих корректно строить письменную и устную речь” [27, 1]. В энциклопедическом словаре *NWD* читаем: “Грамматика – это наука, занимающаяся системными правилами языка” [40].

Как видим, несмотря на некоторую вариативность в раскрытии содержания термина “грамматика”, все определения его включают в себя слово “правило”.

Грамматические правила, либо помогают осваивать язык, либо являются ц е л ь ю его научного исследования. Но как понимается термин “грамматическое правило” исследователями системы английского языка?

М. Льюис отвечает на вопрос, что такое “общее правило” следующим образом: “Многие учителя заявляют, что, с точки зрения практики обучения, общее правило есть правило, которое покрывает большее, наиболее частое употребление (*some* – в утвердительных предложениях, *any* – в отрицательных и в вопросительных предложениях)” [22, 29]. “Это представляется, – продолжает Льюис, – весьма странным определением “общего”. Общее правило должно быть применимым ко в с е м употреблениям, а не к некоторым или даже к большинству” (там же).

Еще в 1963 г. Р. Клоуз подчеркивал, что за пределами случайного изучающие язык должны искать с у щ е с т - в е н н о е , при этом они могут обнаружить, что многие загадки разрешаются сами по себе [13, 23].

Такой подход к научному пониманию “общего” основывается на одном из законов познания, выдвинутого Аристотелем [1, 118].

Р. Клоуз настаивает на том, что “изучающим следует забыть сверхупощенные мнемонические правила, как только они сыграли свою чисто практическую роль на более ранних этапах обучения [13, 23]. Другой исследователь, Джон Хук, советует преподавателям не учить студентов неправде о языке [17, 27].

Британский ученый Томас Хаксли предупреждает, что “нерациональные истины могут быть более вредными, чем ошибки в процессе научного мышления” [Цит. по: 24, 28].

В данной статье рассматриваются лишь некоторые из весьма многочисленных не строго научных грамматических правил, приводимых в учебниках грамматики английского языка.

1. В грамматике К. Качаловой и Е. Израилевич (1995) читаем, что “... Форма единственного числа служит для обозначения одного предмета: *a table* – стол, *a pen* – перо. Форма множественного числа служит для обозначения двух или более предметов” [7, 11], а также [9, 38].

В английском языке, однако, существует большое количество случаев, когда употребление формы числа имени существительного не может быть объяснено этим правилом. Примеры:

“We were only 20 yards from the quay and the crowd were waving like mad” (J. Davis); *The crowd was a big mob round the gangway* (ib.)

“The group you ran into were hippies” (H. Woodfin)
There was a group of reporters standing outside
(H. Robbins).

The jury were out for less than five minutes (H. Robbins);
The coroner jury was already seated when I entered the courtroom (idid.).

“The police are here” (R. Stout); *The police has an idea of what is afoot* (J. Creasy).

"What do London want me to do about the girl?" – "London decided," Byrd corrected me gently. – "All eight million of them?" – "Our department heads" (L. Delighton).

В этих примерах согласование глагола в личной форме с существительным подлежащего основывается не на форме последнего (оно в них в единственном числе), а на том, понимает ли говорящий значение существительного как компонента единого целого или как само единое целое, состоящее из компонентов: *all the people in the crowd: that one mass of people*.

В приведенном выше примере слово *"police"* понимается соответственно как *the people who work for the organization called "the police"* и *an official organization called "the police" for whom certain people work* [38].

Иными словами, единственное число указывает не на "один предмет", а на понятие "единичное", множественное число – не два или более предмета, а на понятие "неединичное".

В грамматиках обычно утверждается, что существительное *police* с глаголом в единственном числе не употребляется [20, 15].

Таким образом, рассмотренное выше правило, существенного, всегда повторяющегося в грамматической категории числа, не отражает.

В следующих примерах глагол в личной форме в единственном числе сочетается с существительным-подлежащим во множественном числе. Это объясняется тем, что понятие, выраженное подлежащим, представлено как нечто единое:

"Two minutes is up" (C. Forester) (= the two-minutes' time is up)

"I guess 50 dollars solves the problem" (R. Fish) (= the sum of 50 dollars solves the problem)

Seven years is long, counted in months (J. Updike) (= the period of seven years is long)

"Ten miles is not so far, after all" (C. Gaskin) (= the distance of ten miles)

2. Слова *afraid*, *alive*, *alone*, *awake* и некоторые другие, как это утверждают В. Каушанская и соавторы, употребляются главным образом предикативно, и как атрибуты они могут употребляться только в постпозиции к существительному, например: *two little children asleep upstairs* [20, 69]. Словарь LDCE отмечает, что

все шесть слов, приведенные в примерах ниже, никогда не употребляется перед существительным" [38]. Однако, можно привести примеры предиктивного атрибутивного употребления таких слов:

The afraid feeling had gone by then (A. Christie).

She looked at his smallish, short, alive hand

(D. Lawrence).

I follow to your city by the alone way (E. Pangborn).

I had never thought of a call girl as a humble or ashamed person (V. MacManus).

A tired half-asleep man and a resentful half-awake woman (W. Hill) (Cf.: He was half asleep, and she was half awake).

Уже только употребление в приведенном выше правиле слов "главным образом" свидетельствует о том, что оно не отражает существенной характеристики данных лексических единиц и не является научно обоснованным. (См. приведенное выше замечание профессора М. Льюиса – [23, 29]).

3. П. Робертс (1967) считает, что "в общем, прилагательные обозначают качество, которыми обладают существительные" [29, 34]. Так утверждают и многие другие исследователи, например, [21, 45]; [3, 111]; [23, 61]. Однако, термина "качество", как такого, ученые не определяют.

В философии под "качеством" понимают то, благодаря чему предметы называются таковыми (Аристотель, [2, 72]); "качество" есть "существенная определенность предмета, в силу которой он является данным, а не иным предметом" [34, 194]; А. И. Уемов объясняет это понятие как "существенное свойство предмета" [10, 239]. Такого же мнения придерживаются и авторы словаря FND [37, 31].

В следующих трех примерах, из многочисленных других, прилагательные качества не выражают:

His wide desk was bare (M. Spark).

He left her with a sink full of dirty dishes (E. Gardner).

The driver glanced up and down the road. It was empty for the moment (F. Forsyth)

В них они соотносятся не с существенными, а со случайными характеристиками, то есть не с качествами: стол (*a desk*)

остается тем же столом (*a desk*), независимо от того, является ли он широким (*wide*), или не широким (*not wide*), пустым (*bare*) или не пустым (*not bare*); это справедливо и по отношению к предметам: посуда (*dishes*) и дорога (*road*).

В рассматриваемом правиле, определение имени прилагательного не основывается на строго научном определении термина “качество”.

Еще в 1939 году Л. Грей подчеркивал, что “начиная изучение любого аспекта грамматики, необходимо определить с максимальной возможной точностью употребляемые термины” [15, 12]. А профессор О. Есперсен в “Философии грамматики” (1924) отмечал, что “точная терминология является *conditio sine qua* (необходимым условием) для понимания грамматических фактов” [19, 315].

П. Робертс (1964) считал, что “всякое определение является хорошим, если оно исключает или сводит к минимуму, насколько это возможно, количество сомнительных случаев” [29, 10].

4. В 1958 году американский структуралист профессор У. Фрэнсис предложил для выделения слов в группу прилагательных следующее чисто синтаксическое правило: “Основное и идентифицирующее качество прилагательных – их исключительная способность занимать позицию в двух пропусках в такой структуре, как:

“*the ... man seems very ...*:

“*the strong man is very strong*” [14, 268].

Далее Фрэнсис поясняет, что детерминатор существительного (*noun-determiner*) может варьироваться (*the \ a, this \ that, any, etc.*) что может варьироваться и глагол-связка (*seems \ looks \ sounds \ is, etc.*).

Alive и *alone*, поясняет он, этой моделью не покрываются, так как “они являются наречиями” [там же, 269].

В *LDCE* *alive* помечается только как *adj.*, а *alone* – как *adv.* и как *adj.*

В подразделе 2 были даны примеры препозитивного атрибутивного употребления слов *alive* и *alone* как типичных прилагательных, можно привести еще ряд примеров:

When she was with me I was more alive than I have ever been. (J. Steinbeck).

That year Eliza was more alone than she has ever been (J. Wallace).

Употребляются эти две единицы и с наречием *very*:

“*She was always like that. Very alive*” (A. Christie).

He felt very alone in his garden (R. Bradbury)

Таким образом, *alive* и *alone* в рассмотренных примерах – прилагательные и, в противоположность тому, что утверждает Фрэнсис, в его поверочной модели для прилагательных употребляться могут:

His alive hands were very alive. The alone way he followed was very alone.

Наконец, Фрэнсис замечает, что “есть несколько прилагательных, таких как *sole* и *unique*, которые не могут занимать вторую позицию, потому что они лексически несовместимы с квалификатором” [14, 269].

Во-первых, поскольку есть такие прилагательные, хотя их, по утверждению Фрэнсиса только несколько, то предлагаемое им структурное правило выделения прилагательных научно-обоснованным не является.

Далее, если сочетания *sole* с *very*, действительно, не засвидетельствованы (Cf. *The sole survivor of the U-boat* – A. Trewe), то употребление *unique* с наречием *very* – вполне нормальное явление, например:

“*Freddy is a very unique doctor*” (F. Kellerman).

Иными словами, слово *unique* поверочной моделью Фрэнсиса покрывается.

Кроме того, прилагательных, которые не только не сочетаются с *very*, но и не могут употребляться предикативно, не несколько, как это утверждает Фрэнсис, а десятки и сотни. Приведем некоторые из них и их возможные словоупотребления: *atomic, dental, entire, former, main, medical, mere, only, outer, polar, solar, surgical; atomic energy, a dental plate, the entire university, the former friends, the main entrance, a medical college, mere pride, the only son, the outer space, a polar gale, a solar system, surgical instruments*.

Кроме того, несочетаемость этих и многих других прилагательных в соответствующих комбинациях с *very* объясняется чисто понятийно – невозможностью градации (больше – меньше) признака, который они называют.

Наконец, многие прилагательные в зависимости от их смысла либо покрываются, либо не покрываются моделью Фрэнсиса. По Фрэнсису, они оказываются как прилагательными, так и не прилагательными. Например:

The electric shaver (J. Chase).

По свидетельству ряда информантов, преобразование этой фразы в *the shaver is (very) electric* – грамматически неверно, тогда как грамматическая трансформация фразы “*His smile was electric (Sh. Stevens)*” в “*His electric smile was very electric*” – возможна.

He is a heavy sleeper (B. Gault) (*Cf. His sleep is heavy – J. Grisham*) не трансформируется в *a heavy sleeper is very heavy* так как по семантике первое (*a man whose sleep is heavy*) не идентично второму (*a man who sleeps heavily is heavy*): характеризуется сон человека, а не сам человек.

Сравни: *heavy clouds (J. Prebble) -- heavy clouds are (very) heavy*; и подлежащем, и в предикативе характеризуется одно и то же понятие (*clouds*).

5. В данном подразделе рассматриваются некоторые нарушения законов логики, которые иногда допускаются в процессе формулирования грамматических правил.

5.1. Ряд лингвистов утверждает, что “многие слова относятся более чем к одному классу слов” [39, 434; 16, 18]. Г. Уиллес наставляет студентов: “Не забывайте никогда, что многие английские слова попадают под более чем одну классификацию”. Например, лексема “*too*”: *He came, too – adverb:: I am too tired – qualifier* [33, 30].

В словаре *WBD* (1984) читаем: “Части речи. Одним из фундаментальных факторов английской грамматики является то, что слово может функционировать как более чем одна часть речи”: *Iron rusts if left in the rain (verb):: Remove the rust with the wire brush (noun)* [35, 220].

Каждое слово есть единство определенных семантических и формальных характеристик. Сравним, в этой связи, два предложения – *We work hard:: The work is hard*.

Поверхностная морфологическая форма компонента *work* в этих двух предложениях, взятого самого по себе, – одна и та же, но его поверхностная синтаксическая форма в них совершенно различна.

В первом предложении *work* – сказуемое, которое находится в структуре предикатии с подлежащим *we* и является головным членом структуры модификации с модификатором – наречием *hard*.

Во втором предложении *work* сочетается с определенным артиклем *the*, является подлежащим сказуемого *is hard* и семантически характеризуется предикативом *hard*.

Иными словами, форма компонента *work* в этих двух предложениях – различна.

Различна и его грамматическая семантика в речи: в первом предложении *work* участвует в выражении определенного процесса-действия и указывает на время; во втором предложении этот компонент соотносится с “субстантивностью”, “предметностью”.

Таким образом, поскольку в сравниваемых двух предложениях различны и формы, и семантика компонента *work*, этот компонент в них – различные слова.

Приведенное выше исходное правило нарушает закон тождества А есть А, А не есть Б, А не есть не-А. А – совокупность определенных семантических и формальных признаков – не равно совокупности определенных семантических и формальных признаков Б.

5.2. Нарушается закон тождества и в следующем утверждении в грамматике В. Н. Каушанской и соавт.: “Сложноподчиненное предложение состоит из главного предложения и одного или более придаточных предложений”. Тут же в Примечании говорится, что “это определение справедливо только в общем смысле. В точном смысле часто главного предложения нет” [21, 150]. Это почти универсальное правило относится к предложениям типов:

“*What he says is true*” (B. Lomax)

“*That's what he said*” (D. Hamilton)

“*What I can't make out is how it happened*” (M. Maltz)

В соответствии с аргументацией, приводимой в этой и других грамматиках, главное предложение в этих предложениях представлено соответственно *What he says*, *that's*, *what I can't make out is*.

5.3. Нарушение принципов логической классификации языковых явлений

В 1969 году Г. Шоу пояснял, что глаголы могут быть расклассифицированы на переходные, непереходные и связочные [30,13]. Так же классифицируют глаголы и в обстоятельной теоретической грамматике в 1989 году Д. Гиринг и соавт. [16, 384].

Однако, такое деление слов по определенным грамматическим характеристикам, научной классификации не является.

Всякая научная классификация требует последовательного деления элементов на две взаимоисключающие группы так, чтобы никакой член одной группы не включался бы ни в одну из других групп; и чтобы такое деление охватывало бы собой все элементы того, что классифицируется, например, рис.1 [8,74].

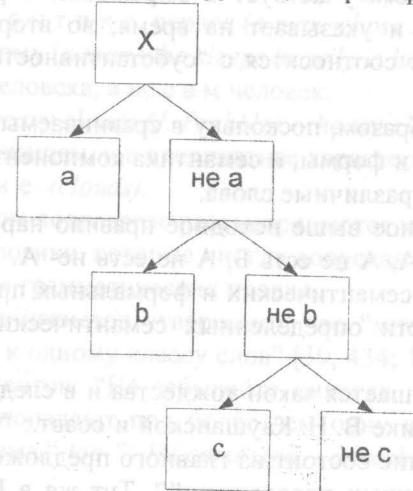

Рис.1 Конструкция логической классификации.

В соответствии с этими принципами, рассматриваемое деление глаголов схематически выглядело бы следующим образом, Рис.2.

Глаголы

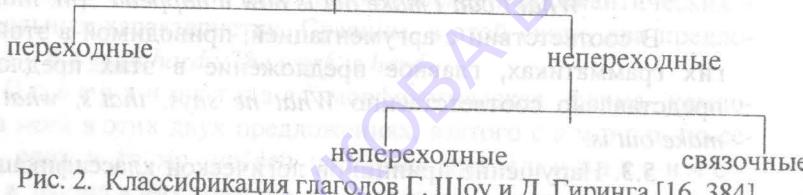

Рис. 2. Классификация глаголов Г. Шоу и Д. Гиринга [16, 384].

Таким образом, из схемы видно, что авторы делят непереходные глаголы на непереходные и связочные. Кроме этого, рассматриваемая классификация не учитывает и того, что большинство (примерно 80 %) английских глаголов могут функционировать как переходные, так и непереходные, то есть являются по переходности двойственными.

С учетом всего этого, логическая классификация глаголов по их переходности – следующая (рис.3):

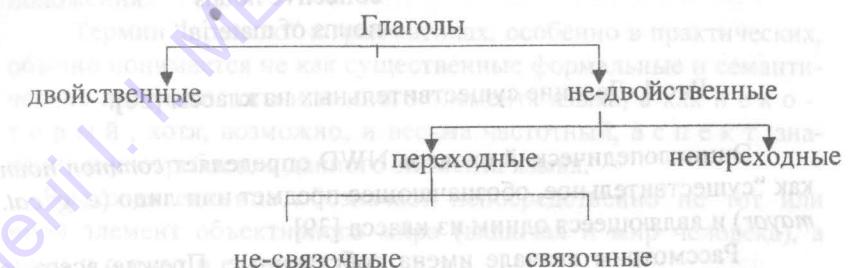

Рис.3. Логическая классификация глаголов по их переходности.

Иными словами, глаголы делятся по переходности на двойственные, переходные и непереходные, которые подразделяются на связочные и не связочные.

5.3.2. Еще во втором столетии до нашей эры древнегреческий философ Хрисипп различал имена собственные и имена общие [9,10]. Так же классифицируют имена существительные и многие современные ученыe, например: Г. Шоу [30,8], Л. С. Бархударов и Д. А. Штелинг [3,29], И. П. Иванова [6,21], Д. Гиринг и соавт. [16,58], В. Н. Каушанская и соавт. [20,14].

В. Н. Каушанская и соавт. [20,14] разделяют существительные на два класса: (A) – *proper nouns*, (B) – *common nouns*. *Common nouns* – “названия, которые могут быть применены к любому индивиду класса лиц или предметов (*man, dog, book*), совокупности сходных индивидов или вещей, рассматриваемых как одна единица (*peasantry, family*), материалам (*snow, iron, cotton*) или к абстрактным понятиям (*kindness, development*). ”

Первые три группы в этом делении имен существительных противопоставляются абстрактным существительным и являются, таким образом, конкретными. Графически это деление имен

существительных может быть представлено следующим образом, (рис.4):

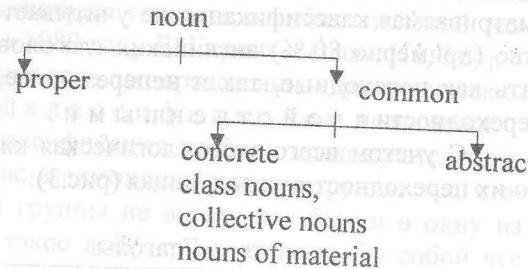

Рис.4. Деление существительных на классы [20].

Энциклопедический словарь NWD определяет *common noun* как “существительное, обозначающее предмет или лицо (e. g. *cat, mayor*) и являющееся одним из класса [39].

Рассмотрим вначале имена собственные. Прежде всего, в соответствии со схемой (рис. 4), имена собственные не соотносятся ни к конкретными, ни с абстрактными понятиями, тогда как на самом деле они соотносятся и с первыми (*John, London*), и со вторыми (*The North Pole*). *The North Pole*, например, определяется в NWD как “северный конец земной оси”, и в речи они часто выступают как, абстрактные или конкретные существительные, например:

Petersen is a common name. (M. MacCarthy).

There are more than half a million men in the world named Jim. (B Michaels).

В противоположность утверждению Л. С. Бархударова и Д. А. Штелинг [3, 29], имена собственные часто употребляются и во множественном числе, например:

Peters are as common as Michaels. (E. Wallace).

There must be, he thought, large numbers of Miss Gilchrists (A. Christie).

There are many Henries. (J. Susan).

A dozen Main Streets had run together in his mind. (J. Cleary).

Места для таких существительных, как *the earth* (*The earth slipped below the astronauts – J. Ullman*) и *the equator* (*We steamed closer to the equator – R. Braddon*) в рассматриваемой классифи-

кации – нет: первое из них – конкретное, но не *class noun*; не *collective noun* и не *noun of material*; второе – абстрактное, но не *common*.

Важно и то, что многие слова в речи могут соотносится, как это отмечают и сами В. Н. Каушанская и соавт., то с конкретными, то с абстрактными понятиями /например, *a youth* – юноша и *youth* – молодость/.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить следующие положения.

Термин “правило” в грамматиках, особенно в практических, обычно понимается не как существенные формальные и семантические признаки того или иного элемента языка, а как некоторый, хотя, возможно, и весьма частотный, аспект значения и употребления данного элемента языка.

Языковая единица обозначает непосредственно не тот или иной элемент объективного мира (включая и мир человека), а лишь понятие о нем.

Содержание грамматических терминов должно быть раскрыто, насколько это возможно, на уровне научного понимания человеком данного языкового явления.

При формулировании правил большое значение необходимо придавать и элементарным законам логики, особенно закону тождества и принципам научной классификации.

В процессе преподавания грамматики перед введением того или иного правила необходимо объяснять студентам, что положения приведенные в правилах грамматики, не охватывают всего богатства языка. Эти правила справедливы лишь для определенного этапа обучения. В лингвистике, несмотря на достаточно большие достижения, еще много строго научно не обоснованного, и студенту следует относиться ко всем правилам с уважением, пониманием и творчески, принимая во внимание факты языка, встречающиеся в английской литературе и в речи носителей английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Категории. – Соч. Том II. – М.: Мысль, 1978. – С. 53-90.

2. Аристотель. Метафизика. – Соч. в 4-х томах. Том I. – М.: Мысль, 1975. – 550 с.
3. Бархударов Л. С. и Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1973. – 423 с.
4. Верба Г. В., Верба Л. Г. Довідник з граматики англійської мови. – Київ: Освіта, 1993. – 320 с.
5. Декарт Р. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. – 712 с.
6. Иванова И. П. и соавт. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
7. Качалова К. Н., Израилевич Е. Е. Практическая грамматика английского языка. – М.: ЮНВЕС. 1995. – 555 с.
8. Левин Г. А. /ред./. Логика. – Минск: БГУ, 1974. – 336 с.
9. Оленич Р. М. Присциан і антична граматика. – Львів: Львівський університет, 1973. – 213 с.
10. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения. – М.: АН СССР, 1968. – 182 с.
11. Blokh, M. Y. A Course in Theoretical Grammar. – M.: Higher School, 1983. – 383 p.
12. Collins Cobuild English Grammar. – Ldn: Harper Collins, 1993. – 486 p.
13. Close, R. English as a Foreign Language. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963. – 177 p.
14. Francis, W. The Structure of American English. – N. Y.: The Ronald Press, 1958. – 614 p.
15. Gray, L. Foundations of Language. – N. Y.: MacMillan, 1939. – 50 p.
16. Giering, D. English Grammar. – Leipzig, 1989. – 406 p.
17. Hook, J. The Teaching of High School English. – N. Y.: Ronald Press, 1965. – 488 p.
18. Ilyish, B. The Structure of Modern English. – Leningrad: Prosvescheniye, 1971. – 366 p.
19. Jespersen, O. The Philosophy of Grammar. – N. Y.: Henry Holt, 1924. – 359 p.
20. Kaushanskaya, V. N. et al. A Grammar of the English Language. – Kyiv, 1997. – 224 p.
21. Lado, R. Language Testing. – Ldn: Collins, 1981. – 250 p.
22. Lewis, M. The English Verb: An Explanation of Structure and Meaning. – Ldn: Language Teaching Publications, 1991. – 180 p.
23. Morokhovskaya, E. Foundations of Theoretical English Grammar. – Kyiv: Higher School, 1984. – 287 p.
24. Owen, Thomas, Transformational Grammar and a Teacher of English // The Bobb Merrill's Series in Composition and Rhetorics. – N. Y.: The Bobb-Merril Co., 1980. – P. 21-44.
25. Quirk, R. et al. A Comprehensive Grammar of the English Language. – Ldn: Longman, 1972. – 1120 p.
26. Rayevska, N. M. Modern English Grammar. – Kiev: Higher School, 1976. – 304 p.
27. REA's Handbook of English. – Piscataway, New Jersey: REA, 1991. – 290 p.
28. Russel, B. Characteristics of Scientific Method. – Dubuque, 1973. – 189 p.
29. Roberts, P. Modern Grammar. – N. Y.: Harcourt, 1967. – 439 p.
30. Shaw, H. Handbook of English. – N. Y.: Mc.: Graw- Hill Book Co., 1969. – 598 p.
31. Studies on Semantics in Generative Grammar. – The Hague: Mouton, 1970. – 305 p.
32. Strong, L. Informational English Grammar. – Ldn, 1944. – 253 p.
33. Willis, H. Modern Descriptive English Grammar. – N. Y.: Chandler, 1972. – 378 p.
34. ФС – Философский словарь. – М.: Политиздат, 1986. – 588 с.
35. WBD – The World Book Dictionary. – Chicago: Doubleday & Go., 1986. – 2430 p.
36. RHD – The Random House Dictionary. – N. Y.: Random House, 1966. – 2059 p.
37. FND – Funk and Wagnalls. New Standard Dictionary of the English Language.
38. K. Y.: Funk and Wagnalls, 1961. – 1300 p.
39. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – Ldn: Longman, 1955. – 1668 p.
40. NWD – New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. – Danbury, CT: Lexicon Publications, 1993. – 1216 p.

ОСОБЕННОСТИ РИТМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКЦИИ

Устная лекция занимает особое место в регистре текстов научного стиля, так как сочетает в себе содержательность, устойчивость и определенность языковых показателей стиля научной прозы с выразительностью, экспрессивностью и обращенностью текстов публицистического стиля [5, 42]. Если в других жанрах научной прозы (доклад, сообщение) над оценочной программой преобладает рациональная и “отличается развернутостью, аналитичностью, логической продуманностью” [3, 35], то в устной лекции “прагматическая программа становится равна по значимости рациональной и характеризуется специфическими средствами выражения” [5, 35].

Одним из лингвистических средств выражения прагматической установки в устной лекции является адекватная ритмическая организация текста. Под ритмом в устном тексте понимается “периодическое чередование различных по длительности структурных единиц, создающее упорядоченную ритмико-мелодическую систему текста” [1, 74]. В качестве единицы ритмического членения принимается ритмическая группа (*stress-timed rhythm*), ядром которой образует ударный слог. Существует шесть типов ритмической организации речевого потока:

1. *Монотонный* ритм – последовательное употребление синтагм примерно одинаковой длительности.
2. *Некомпактное* ритмическое построение – использование синтагм различной длительности.
3. *Отрывистая* ритмическая структура – короткие синтагмы одинаковой длины.
4. *Переменный* ритм – чередование длинных и коротких синтагм.
5. *Кольцевая* ритмическая структура – синтагмы одинаковой длительности в начале и в конце текста.
6. *Постепенный* ритм – постепенно возрастающая или убывающая длительность синтагм.

В качестве материала исследования в данной статье рассматривались три англоязычные научно-популярные квазиспон-

танные лекции, прочитанные перед студентами факультета романо-германской филологии ОНУ лекторами из США. Тексты лекций были записаны на магнитную ленту и затранскрибированы.

Исходя из стиля общения лектора с аудиторией и личностных качеств лектора, в лингвистике выделяются три основных типа лекций: *академический* (или *образцовий*), характеризующийся строгостью и ясностью, оптимально сочетающимися с эмоциональностью изложения; *рациональный*, отличающийся сдержаным изложением, ограниченным числом иллюстративных ситуаций и собственных оценок; *эмоциональный*, для которого характерны яркая образная выделенность, постоянный контакт лектора с аудиторией, использование разнообразных ситуаций [4, 7].

Первый лектор – Вильям Двайт – относится к типу лекторов, подчиняющих себе аудиторию. Он организует слушателей в соответствии с выработанной у него манерой выступления. Точно следя намеченному плану выступления, он все же позволяет себе небольшие отступления от темы, обращения к аудитории. Пользуясь вышеприведенной классификацией, правомерно отнести лекцию В. Двайта к *академическому* или *образцовому* типу, так как лектору свойственно сочетание строгости и ясности с эмоциональностью изложения.

Второй лектор – Майкл Крисс – может быть отнесен к типу лекторов, которые в известном смысле подчиняются аудитории. То есть, он учитывает и степень подготовленности аудитории, и их непосредственную реакцию. По той же классификации лекция Крисса относится к *эмоциональному* типу, так как в ней присутствуют яркая образность, постоянный контакт с аудиторией, увлеченность темой.

Третий лектор – Эрик Сингир – относится к типу лекторов, которые ведут лекцию как бы “читая вслух”. Этот тип лекции называют *рациональным*, так как основной задачей лектора является передача имеющейся у него информации слушателям. Сингир очень редко обращается к аудитории, почти не допускает отступлений от темы. Ему свойственна деловитость, даже некоторая суровость манеры изложения.

Так как фоностилистический аспект изучения лекции находится в прямой зависимости от ее смысловой стороны, исследуемые тексты лекций были подвергнуты предварительному семантико-синтаксическому анализу. В результате этого анализа в трех

исследуемых текстах были выделены восемь структурных компонентов, самостоятельно функционирующих в лекции и различающихся по степени смысловой насыщенности: 1) *введение*, 2) *ввод новых понятий лекции*, 3) *ввод новых подтем*, 4) *изложение основного материала*, 5) *отступление от основной темы лекции*, 6) *апелляция к аудитории*, 7) *подведение итогов (промежуточных и заключительных)*, 8) *заключение* [2, 28].

Анализ ритмической организации на различных участках трех исследуемых квазиспонтанных лекций показал, что на ритмическую структуру текста в значительной степени влияет способ ведения лекции.

Академическая и рациональная лекции характеризуются преимущественным использованием монотонного ритма. Для эмоциональной лекции характерно преобладание некомпактного ритмического построения речи. Это связано с особенностями исследуемых типов лекций: академическая и рациональная лекции отличаются большей строгостью и четкостью изложения, которая достигается более стабильным и размеренным ритмом. С другой стороны, академическая и эмоциональная лекции отличаются от рациональной большей степенью воздействия на аудиторию. Поэтому в них наблюдается “ритмически сбалансированное разнообразие” [1, 79], с помощью которого повышается экспрессивная насыщенность текста.

Исследование ритмической организации смысловых частей лекций показало, что существуют как общие закономерности ритмического построения речи в различных частях исследуемых видов лекций, так и характерные для каждого вида особенности.

Ритм *введения* в академической и рациональной лекциях преимущественно монотонный, хотя в первой из них лектор в целях усиления экспрессивности использует также кольцевую ритмическую структуру.

I make a big distinction/ between the study of the future/ and predicting the future.// The study of the future/ is not predicting the future.// (В. Двайт)

Здесь и далее: знак [/] маркирует внутрисинтагменную паузу, [//] – межсинтагменную паузу, которая часто ограничивает конец одного типа ритма от начала другого).

Эмоциональная лекция отличается разнообразием типов ритма, используемых во введении. Здесь наблюдается следующее изменение ритма: *переменный – отрывистый – некомпактный – кольцевой*.

Why shall I speak longer than an hour?// Look at the title/ of the lecture!// It takes,/ what the British call,/ cheek,/ nerve/ to attempt to describe the entire Renaissance,/ and not just in art,/ but in science as well.// And to do this in one hour?// My English may be good,/ but it is not that good.// (М. Криц)

В частях, содержащих в себе *ввод новых понятий*, наблюдается ритмическая стабильность во всех трех типах лекций: монотонный и постепенный ритм в академической лекции, постепенный – в эмоциональной, монотонный – в рациональной. Это объясняется содержанием данной части лекции – перечислением основных положений лекций.

And for my purpose today/ I would like to develop the discussion/ around the very important theme/ that has had much influence on our lives/ and that is the Cold War.// (Э. Сингир)

Ввод новых подтем характеризуется преобладанием кольцевой и отрывистой ритмической структуры в академической лекции, отрывистой и постепенной – в эмоциональной и монотонной и постепенной – в рациональной. Преобладание отрывистой ритмической структуры в первых двух лекциях можно объяснить необходимостью выделения в отдельную ритмогруппу каждого понятия, о котором пойдет речь в микротеме лекции.

Another important thing is literature.// Literature,/ and stories,/ and heroic tails,/ and fables,/ and poetry,/ which create so vivid images.// (В. Двайт)

The third problem/ that has also developed/ in our society/ is the degeneration/ of our culture.// The degeneration of values/ in America.// (Э. Сингир)

Изложение основного материала отличается наибольшим ритмическим разнообразием вследствие своего объема и неоднозначности жанровых элементов.

родности семантической значимости и экспрессивной насыщенности.

Употребление того или иного типа ритма в этой части лекции схоже с ритмической структурой текстов лекций в целом. Здесь также наблюдается преобладание монотонного ритма в академической и рациональной лекциях, некомпактного – в эмоциональной. Отмечается также частое использование кольцевого ритма во всех трех лекциях. Наблюдается большее ритмическое разнообразие в рациональной лекции, чем по тексту в целом.

Исследование сочетаемости различных ритмических структур в изложении основного материала показало, что для каждой лекции в той или иной степени характерна определенная комбинация типов ритма. Прежде всего, это касается рациональных и академических видов лекций.

Так, наиболее часто встречающиеся комбинации ритмов в рациональной лекции:

- некомпактный – постепенный – некомпактный;
- монотонный – постепенный – монотонный;
- монотонный – кольцевой – монотонный.

В академической лекции наблюдается большее разнообразие комбинаций и их большая сложность. Наиболее характерными являются:

- монотонный – отрывистый – кольцевой;
- кольцевой – некомпактный – постепенный (монотонный)
- кольцевой;
- монотонный – кольцевой – монотонный – (постепенный).

Такое разнообразие сочетаний типов ритмической организации приводит к усилению экспрессивной насыщенности текста и облегчает его восприятие.

Лекция эмоциональная характеризуется наличием различных комбинаций типов ритма в этой части лекции, из которых трудно выделить наиболее частотные. Однако в каждой комбинации обязательно присутствует некомпактное построение речи, что делает речь более эмоциональной, имитирует движение мысли лектора, однако часто затрудняет восприятие.

Ритмическая организация отступлений и апелляций к аудитории в большинстве случаев характеризуется некомпактным построением речи во всех исследуемых лекциях. Отсутствие четкой ритмической организации в данных частях лекции объясня-

ется их малой семантической значимостью, но высокой степенью эмоциональной насыщенности и обособленностью от основного текста лекции.

In the United States many students do not like to study history.// It's boring!// Dates,/ facts/ – boring!// No,/ it is not boring.//

(М. Криц)

There is a joke/ about an airport pilot in the United States,/ who talked to the passengers.// He said,/ "Ladies and Gentlemen! I have good news/ and bad news."// He said,/ "The good news is that the wind is behind us/ and we are going much faster/ than we have thought,/ and we are ahead of schedule.// The bad news is/ – a directional navigation is lost/ and we do not know/ where we are going.// So,/ we are ahead of schedule getting somewhere/ we don't know where we are going.//

(В. Двайт)

Основным ритмом *итогов* является монотонный ритм во всех видах лекций. Это связано с коммуникативной задачей этой части лекций, которая требует четкого изложения суммируемых положений.

Thus,/ in 1991/ we find many problems/ and one of them/ that we don't have/ the economic resources/ to address.//

(Э. Сингир)

Однако в академической лекции наряду с монотонным ритмом используется отрывистый и постепенный типы ритма, которые также способствуют четкому изложению материала.

So,/ somehow,/ if we are to succeed with the environment,/ it is obvious and common to us all/ that we must create a system of international law regarding the environment.//

(В. Двайт)

Заключение в каждой из исследуемых лекций характеризуется различной ритмической структурой. Однако в эмоциональной и академической лекциях используется кольцевой ритм в последних фразах, что придает им завершенный характер.

I think that we've gone far enough.// But remember,/ that the main objective of this lecture,/ the main objective of this lecture/ is for you/ to think/ more clearly/ that the future is not something/ that you have no idea about/ but that

there are ways for you/ to systematically use/ the information/ that we have around us/ to create the future/ we would like to see.// That's the main point of this lecture.//

(В. Двайт)

Проведенный анализ ритмической организации текстов квазиспонтанных лекций позволяет сделать вывод о связи ритма с коммуникативной направленностью текста, о зависимости ритмической организации текста от вида лекции, от ее экспрессивной и эмоциональной насыщенности. В ходе исследования были также выявлены общие для всех трех видов лекций закономерности ритмической структуры текстов на различных участках лекции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – М.: Высш. шк., 1984. – 211 с.
2. Кравченко Н. А. Семантико-синтаксическая и просодическая организация лекторской речи: Дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1993. – 148 с.
3. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. – Свердловск: Изд. Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
4. Целебрицкая Л. В. Тембр-2 в составе регистра научного общения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – МГУ, 1985. – 24 с.
5. Шевченко Т. И. Просодические характеристики чтения лекции// Сб. научн. тр. МГПИИЯ. – 1978. – Вып. 126. – С.42-55.

МЕГАТЕКСТ И ОБРАЗ ЧИТАТЕЛЯ

(исследование пяти вариантов издания романа
Н. Готорна “Алая буква”)

Исследование текста с позиций коммуникативного подхода позволяет рассматривать его как основной компонент речевой коммуникации. В схеме коммуникативного акта, предложенной Якобсоном [6, 200], текст занимает срединную позицию сообщения между адресантом и адресатом. В художественной коммуникации роль адресанта принадлежит автору художественного произведения, а роль адресата – читателю.

Поскольку адресат является константой каждого коммуникативного акта, адресованность текста является неотъемлемым свойством последнего даже при отсутствии заявленного обращения к читателю, поскольку всегда подразумевается наличие потенциального реципиента, способного воспринять и понять информацию, содержащуюся в художественном тексте. Читатель как бы проецируется через образ автора/повествователя, и через соотношение “автор-персонаж” [2, 95].

Фактор адресата художественного произведения весьма специфичен: автор выступает здесь не только как творец, который высказывает собственные мысли и идеи, но и как организатор того направления, в котором развивается читательское восприятие. Реальным конкретным читателем текста выступает индивид, единственный адресат; однако художественный текст расписан на многих читателей, которые могут между собой различаться культурным уровнем, социальными показателями. Каждый автор создает собственную модель гипотетического читателя, на которого и ориентируется при написании произведения. Проявление адресованности художественного текста регулируется наличием в тексте точек контакта автора и предполагаемого читателя, которые возникают при восприятии и сопровождаются авторской “инструкцией” по преодолению текстовой сложности, через “распутывание текста” способом, который намечает автор [2, 164-165].

Этот путь, естественно, отражается непосредственно в ткани художественного произведения – в основном тексте. Предмет

нашего исследования – адресованность, “инструктивность” вспомогательных текстовых образований, которые в совокупности с основным составляют мегатекст (термин И. М. Колегаевой [3]). К вспомогательному тексту относятся предисловие, оглавление, введение, комментарии, сноски и аннотация. Если основной текст нацелен на передачу сообщения, т. е. выполняет основную коммуникативную функцию, то вспомогательный обеспечивает условия успешности декодирования сообщения. Разные части мегатекста выполняют разные прагматические установки в общем коммуникативном задании. При анализе адресантного аспекта мегатекста основополагающим является выявление позиции реального авторства произведения, выяснение взаимодействия автора, заявленного в тексте, и авторов прочих частей, составляющих мегатекст. Авторски адресантными называем сообщения, написанные самим Н. Готорном, не-авторски адресантными – те, которые были созданы другими людьми: редакторами, критиками, издателями и т. п.

Для выявления тождества/различия состава и функций компонентов, входящих в мегатекст, мы проанализировали пять англоязычных изданий романа американского писателя Натаниеля Готорна “Алая буква”,¹ которые имеют существенные мегатекстовые различия, как количественные, так и качественные.

Прежде всего следует отметить, что в различных изданиях количество компонентов вспомогательного текста неодинаково. Обязательным для всех является авторское введение, предвраяющее основной текст, “Таможенный дом” (*The Customs House*), которое появилось одновременно с первой публикацией романа в 1850 году. Во введении автор от первого лица открыто обращается к читателю, чтобы объяснить свою творческую позицию: он считает, что даже при доверительных отношениях с аудиторией, автору необходимо сохранять определенную дистанцию: “... unless the speaker stands in some true relation with his audience, ... we may prate of the circumstances that lie around us, but still keep the inmost Me behind the veil”. Именно эта дистанция поможет писателю быть достаточно автобиографичным, не нарушая при этом

¹ Были проанализированы такие издания: 1) The Modern Library. New York. 2000 – условно обозначим New York; 2) Penguin popular Classics, England. 1994 – условно England; 3) Penguin Classic (printed in the USA) Penguin Books. 1986 – условно USA; 4) A Signet Classic. New American Library. 1959 – условно Signet; 5) Foreign Languages Publishing. Moscow. 1959 – условно Moscow.

прав читателя и своих собственных: “To this extent and within these limits, an author may be autobiographical, without violating either the reader's rights or his own” [7, 3-4].

Авторской интенцией при создании введения было объяснить читателю пресуппозицию романа, объяснить условия и мотивы, побудившие писателя написать это произведение. Здесь Готорн повествует о своей работе поверенным в Таможенном доме в городе Салем. Документы, якобы найденные автором, являются судьбы женщины по имени Эстер Прин, которая и становится героиней будущего романа. Размещение авторского введения к произведению в пределах основного текста неслучайно: оно непосредственно связано с историей создания романа и судьбой его главной героини. Авторское введение к роману одновременно является обращением к читателю и своеобразной экспозицией произведения. По этой причине введение составляет с основным текстом единое целое, его невозможно эlimинировать из романа. Здесь можно вспомнить слова У. Эко, который говорит, что задача автора с помощью первых ста страниц выковать читателя, способного постичь остальные страницы книги [5, 451-452].

Кроме Введения к роману, авторским является Предисловие ко второму изданию (*Preface to the Second Edition*). В этом предисловии Готорн говорит о вводной части основного текста (авторском введении “Таможенный Дом”), которую он решил оставить без изменений. Данная структурная часть мегатекста имеет отношение скорее к редакторской работе автора, чем непосредственно к произведению. Она ориентирована на читателя, для которого интересна авторская работа над текстом. Взяв на себя функцию редактора, автор стремится приблизить к себе читателя, превратив его “на время чтения, в человека той степени знакомства с автором, которую автору будет угодно указать” [4, 60]. Предисловие ко второму изданию присутствует во всех последующих изданиях произведения, но в варианте *Signet* оно дополнено примечанием критика Лео Маркса (*Leo Marx*), объясняющего обязательное присутствие авторской вводной части “Таможенный дом”, которая стоит обособленно от произведения и, по замыслу Н. Готорна, является средством привлечения внимания предполагаемого читателя [10, 14].

Другие структурные элементы вспомогательного текста являются факультативными и варьируются от издания к изданию.

Препозицию относительно текста занимают следующие вспомогательные компоненты: предисловие, биографическая справка об авторе, разнообразные критические статьи.

Биографическая справка имеет место в большинстве изданий и представлена текстами разного объема, написанными разными авторами. Так, *Signet* дает небольшую справку о Готорне от издателя; *England* – очень краткую биографию писателя и, как дополнение к ней, краткую библиографию его произведений; *New York* – биографическую справку об авторе за подписью редактора. Как видим, этот компонент мегатекста может иметь различных адресантов – редактора, издателя, критика, но всегда определенного адресата – читателя романа “Алая буква”.

В данном компоненте мегатекста речь идет исключительно о биографических данных автора произведения, которые адресуются читателю, не знакомому с творчеством Готорна. Наличие биографии не обязательно свидетельствует о предполагаемом недостаточном культурном уровне читателя, она является скорее расширением информативной базы мегатекстового сообщения за счет включения в него дополнительных сведений о писателе. Следует отметить, что биографические сведения об авторе основного текста могут содержаться и в других структурных частях мегатекста. В частности, это касается критических статей, предваряющих основной текст произведения (издание *Moscow*).

Оглавление (*Contents*) присутствует во всех вариантах мегатекста, однако по причине не-авторской адресантности оно широко варьируется и может быть двух типов: мегатекстовым и внутритекстовым. Это отражается на месторасположении оглавления: во всех изданиях оно занимает препозицию по отношению к основному тексту, но отличается местоположением относительно других мегатекстовых частей. В изданиях *USA*, *Moscow*, *England* оглавление расположено в абсолютно инициальной позиции перед двумя авторскими элементами мегатекста – Предисловием ко второму изданию и Введением “Таможенный Дом”. В изданиях *New York*, *Signet* оглавление расположено после краткой биографической справки о Готорне, а после него следуют критические статьи, предваряющие основной текст и авторские предисловия.

Помимо некоторой позиционной вариативности, оглавление может варьироваться и содержательно, включая либо только дан-

ные о структурных частях основного текста (членение на главы), либо сведения о мегатексте в целом. Только одно издание (*USA*) содержит два оглавления: первое предваряет все структурные части и содержит мегатекстовую информацию, второе предваряет авторские предисловия и указывает только на структурирование основного текста. В изданиях же *New York*, *Signet*, *Moscow*, *England* местоположение оглавления обусловлено его содержанием: оно содержит только данные о структуре последующего текста. Таким образом, видим, что оглавление может быть двух типов – мегатекстовым и внутритекстовым.

Наибольшим разнообразием отличаются критические статьи, которые могут именоваться по-разному: вступительное слово (*Foreword*) – *Signet*; введение (*Introduction*) – *New York*, *USA*; предисловие – *Moscow* (на русском языке). Издание *England* вообще не содержит подобной структурной части, оно ограничивается краткими биографическими и библиографическими сведениями. Именно критические статьи в наибольшей мере отражают индивидуальность их авторов, время и условия написания. Наиболее поздним в нашем материале является Введение, написанное Кэтрин Хэррисон (*Kathryn Harrison*) к изданию *New York*. Критик анализирует роман “Алая буква” с точки зрения его поэтики и социального звучания. При этом анализ поэтики связан с расшифровкой основных символов произведения, в частности трактуется концепт названия романа. При анализе критик употребляет личное местоимение множественного числа мы, тем самым объединяя себя и читателя. Автор введения воспринимает себя как адресата основного текста романа, и в этом проявляется ее общность с читателями. Хэррисон поясняет значение каждого символа и каждой аллюзии романа – вплоть до общеизвестных библейских. Отделенная от Готорна почти полутора столетиями, К. Хэррисон не уверена в абсолютной доступности для современного читателя всего того социально-культурного контекста, который нес роман в середине XIX века, и подробно останавливается на современном звучании социальной проблематики романа “... *trans* signifies “change”.... By the end of the book Hester has transfigured her punishment as profoundly as it has transfigured her” [7, 15].

Издание *Signet* содержит вступительное слово американского критика Лео Маркса. Он также рассматривает роман в совре-

менном контексте, подробно останавливается на истории его создания и содержании и отмечает, что отличительной чертой романа Готорна является дидактическое наставление, изложенное столь доступно, что читатель не ощущает морализаторства: “*Hawthorne presents a rose to us as if to symbolize a moral blossom to be found in the story. Reflecting on the implications of the tale, he spells out the lesson in the simplest language, and the meaning is so plain that we scarcely recognize the moral*”. Критик не вдается в подробный анализ и даже указывает на необязательное прочтение авторского введения “Таможенный дом”, не считая его неотъемлемой частью произведения [10, 12].

Издание *USA* содержит введение Нины Байм (*Nina Baym*), которая подробно освещает этапы становления Готорна как писателя, историю написания “Алой буквы”, успех романа у читателя. Анализируя сам роман, Н. Байм отождествляет себя с читателем, употребляя, как и Хэррисон, местоимение *мы*. Критик рассуждает о жанровой природе произведения, считая, что оно совмещает в себе черты мелодрамы и психологического романа. “*Hawthorne's words guide us to the perception that he was writing about what goes on inside people, the truth of the human heart, rather than what goes on outside, around them. Today we would label such writing "psychological". ... Contemporary psychological theories all recognize the power of the inner world and have elaborate languages to explain and characterize that world. This is no more than what Hawthorne over a century ago took as the basis of his fiction*” [9, 15]. Психологизм романа, по мнению Нины Байм, обуславливает и специфику воздействия на адресата, который призван сопереживать героине и может быть назван сочувствующим, понимающим (*sympathetic readers*).

Издание *Moscow* содержит предисловие А. Бельского на русском языке, которое достаточно объемно освещает разноплановые проблемы. Оно включает биографическую информацию о Готорне; характеристику литературного процесса времен создания романа; интерпретацию образа главной героини; анализ художественного метода писателя и его стиля, а также авторских предисловий к роману. Русское издание ориентировано не на массового читателя, а вероятнее всего на специалиста-филолога (учитывая, что основной текст представлен на английском языке).

Все неавторские предисловия принадлежат перу критиков, которые стараются учесть разнообразие потенциальных читате-

лей, но преимущественно рассчитывают на литературно подготовленного и заинтересованного в расширении своих знаний реципиента. Ярким примером служит рассмотренное выше издание *Moscow*.

В большинстве предисловий имеют место ссылки на творчество других авторов: (например, К. Хэррисон в связи с Готорном упоминает Эдгара По, Достоевского, Кейт Шопен, Тони Моррисон, Эдит Уортон). В ряде случаев к анализу привлекаются современные научные теории: (например, Нина Байм останавливается на психологизме в литературе). Все это вовлекает читателя не только в культурный, но и в “вертикальный контекст произведения”, т. е. позволяет подойти к последнему как к явлению национальной и, более того, глобальной культуры. Помимо этого, предисловие несомненно увеличивает культурно-филологическую компетенцию реципиента, отвечающую за возникновение и понимание аллюзий, метафор, художественных образов.

При всех своих индивидуальных различиях предисловия выполняют общую функцию, являются своеобразным ключом к прочтению основного текста и рассчитаны на читателя, способного к его анализу [1, 49].

Большинство изданий ограничивается вышеназванным набором препозиционных мегатекстовых компонентов, лишь издание *USA* является исключением: оно содержит “Предложения для дальнейшего чтения” (*Suggestions for further reading*) и “Примечание к тексту” (*Note on the Text*), предваряющие основной текст. Первый указанный компонент содержит полную библиографию Н. Готорна, а также критические работы, посвященные творчеству писателя. Примечание к тексту фактически является паспортом данного конкретного издания романа, которое, как сообщается читателю, соответствует изданию Огайского университета для анализа Текстов, т. е. является авторитетным, поскольку основывается на принципе немодернизированного воспроизведения текстов. Данные компоненты мегатекста не оставляют сомнений в том, что издание рассчитано на образованного и подготовленного читателя, заинтересованного творчеством Готорна.

Постпозиционные мегатекстовые элементы менее разнообразны: они сводятся к примечаниям и комментариям.

Комментарии присутствуют в трех изданиях: *USA*, *Moscow*, *New York*. Последнее имеет самые расширенные постпозицион-

ные мегатекстовые элементы. Они представлены: примечаниями (*Notes*), среди которых 128 объяснений текста, из них 16 лингвистического характера, 32 страноведческого, 80 энциклопедического; комментариями (*Commentary*), которые состоят из трех критических мнений о романе, принадлежащих самому Готорну и американским критикам первой половины XX века Хоуэлсу (*W. D. Howells*) и Карлу ван Дорену (*Carl Van Doren*); путеводителем к чтению “Алой буквы” (*Reading Group Guide for The Scarlet Letter*), представляющим историческую справку о Готорне и размышления редактора об актуальности романа для современного читателя; Примечанием к тексту (*Notes on the Text*), где сообщаются реквизиты и источник данного издания; списком редколлегии (*The Modern Library Editorial Board*), который содержит имена известных критиков и писателей; и техническим примечанием (*A Note on the Type*) – данными о типографии и шрифте издания. Остановимся на некоторых элементах подробнее.

Расширенные комментарии имеют характер послесловия, в котором дается оценка произведения. При этом каждый комментарий специчен: например, издатель “Random House” указывает, что роман Готорна не рассчитан на широкий круг читателей, так как является “адской историей, совершенно лишенной солнечного света” [7, 261]. В других комментариях делаются попытки объяснить природу влияния романа исходя из исторического и культурного контекста и высказывается точка зрения критика на произведение.

Данные компоненты занимают постпозицию относительно основного текста, т. е. к их восприятию читатель приступает после его прочтения, тогда, когда у него уже выработался собственный взгляд на роман и он может воспринимать литературную критику в сравнении с собственным уже сформированным мнением.

Авторство Путеводителя к чтению, Примечаний к тексту и Списка редколлегии принадлежит редактору. Все они свидетельствуют об авторитетности издания, в частности это касается списка редколлегии, в состав которой входят известные писатели и критики: Майя Анжелу (*Maya Angelou*), А. С. Байетт (*A. S. Byatt*), Джойс Кэрол Оутс (*Joyce Carol Oates*), Сальман Рашди (*Salman Rushdie*), Уильям Стайрон (*William Styron*), Эдмунд Моррис (*Edmund Morris*), Джон Ричардсон (*John Richardson*) и др.

Издание *New York* является единственным, содержащим информацию об особенностях типографской печати и типографского шрифта. Кроме того, на последней странице обложки здесь помещена краткая аннотация произведения, которая отсутствует во всех остальных изданиях. Безусловно, именно это издание является наиболее полным и авторитетным мегатекстом “Алой буквы”.

Издания *Moscow* и *USA* содержат посттекстовые пояснения, которые носят названия “*Notes*” в *USA* и “Комментарий” в *Moscow*, хотя по сути эти элементы мегатекста не отличаются друг от друга. Первые принадлежат Томасу Конноли (*Thomas Connolly*), они состоят из 3 страноведческих примечаний, 39 энциклопедических, 17 лингвистических. Во вторых наличествует 221 комментарий. Из них – 32 страноведческих, 58 – энциклопедических, 131 – лингвистических. Расширенные комментарии в *Moscow* объясняются тем, что издание ориентировано на неанглоязычного читателя.

В издании *England* посттекстовые компоненты мегатекста отсутствуют, а в издании *Signet* после основного сообщения помещены текст рассказа Готорна “Эндишт и красный крест”, в котором впервые упоминается история, связанная с Алой буквой, а также избранная библиография. Комментарии и примечания в этом издании отсутствуют. Но наличие указанных структурных частей свидетельствует о желании издателя романа включить “Алую букву” в контекст других произведений писателя, а также познакомить читателя с отзывами критиков на романы Готорна. Это единственное издание, которое содержит текст рассказа, сюжетно связанного с событиями романа. Отсутствие пояснений редактора или критика в виде комментариев и сносок является признаком того, что издание рассчитано на читателя, не нуждающегося в объяснениях текста.

Результаты анализа элементов мегатекста можно отобразить в таблице (см. табл.1)

Таблица 1
Вспомогательные компоненты мегатекста романа Н. Готорна
“Алая буква”

Издание	Тип вспомогательного сообщения ²									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
New York	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-
Signet	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+
USA	+	+	-	++	+	+	+	+	-	-
Moscow	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-
England	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-

В целом количество возможных элементов вспомогательных компонентов мегатекста романа Н. Готорна “Алая буква” равно 10, в различных изданиях они варьируются от 4 до 7. Максимально они представлены в изданиях *New York* и *USA*, (7 из 10 возможных) минимально – в издании *England* (4). Все без исключения публикации содержат авторски адресантные сообщения – введение к роману “Таможенный дом” и авторское предисловие ко второму изданию. Хотя эти элементы и не входят непосредственно в основной текст, некоторые издатели склонны их рассматривать как дополнение к основному тексту, которое не допускает эlimинирования, так как принадлежит автору. Все остальные элементы вспомогательного текста, даже при их номинальном совпадении, имеют существенные содержательные различия.

² Типы вспомогательных сообщений:

1. Авторское введение.
2. Предисловие ко второму изданию.
3. Биография автора.
4. Оглавление.
5. Критические статьи.
6. Комментарии.
7. Примечания к тексту.
8. Предложения для чтения.
9. Аннотация.
10. Дополнительный текст Н.Готорна.

На основании сравнительного анализа различных изданий романа Готорна “Алая буква” можем заключить, что наиболее авторитетным и рассчитанным на образованного читателя является издание *New York*, а изданием, рассчитанным на восприятие специалиста-филолога – *Moscow*.

Иными словами, состав, объем, наличие/отсутствие специализации элементов мегатекста зависят, в первую очередь, от адресации основного текста определенной читательской аудитории. Что же касается их содержательного наполнения, здесь целесообразно подчеркнуть, что все компоненты мегатекста можно условно разделить на документальные, вариабельность которых не затрагивает оценочно-интерпретативный аспект (биографическая справка, авторское введение, оглавление), и интерпретативно-комментирующие, вводящие точку зрения их непосредственного автора. Именно к этой группе относится основная масса мегатекстовых компонентов, посвященных трактовке (интерпретации, комментированию) основного текста и рассмотрению последнего в вертикальном контексте автора и читателя, т. е. в историко-культурологическом фоне романа “Алая буква” и контексте современного читателя, живущего в изменившемся мире, отстоящем от мира “Алой буквы” почти на полтора столетия.

При этом не следует упускать из виду, что компоненты мегатекста, о которых идет речь, практически повсеместно написаны не собственно автором, но комментатором, редактором, критиком, т. е. читателем, который передает свою интерпретацию последующим читателям как наиболее адекватную с его точки зрения, т. е. соответствующую исходному авторскому замыслу.

Следовательно, (относительно) неизменной в своем содержании является только документальная часть мегатекста, которая и переходит из издания в издание в почти неизменном виде. Основная же масса компонентов мегатекста отражает точки зрения различных индивидуальных читателей и поэтому редко повторяется в изданиях разных стран и разного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С., Гюббенет И. В. „Вертикальный контекст” как филологическая проблема // Вопросы языкоznания. – 1977. – № 3. – С.47-54.

2. Вороб'єва О. П. Текстовые категории и фактор адресата. – Киев, 1993.
3. Колегаева И. М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. – Одесса, 1991.
4. Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам. – Вып. 9/ Учен. зап. Тарт. ун-та. – Вып. 422. – Тарту, 1977. – С.55-61.
5. Эко У. Заметки на полях "Имени Розы" // У. Эко. Имя Розы. – М., 1989. – С. 427-467.
6. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". – М., 1985. – С.193-230.
7. Hawthorne, N. *The Scarlet letter*. – New York: The Modern Library, 2000.
8. Hawthorne, N. *The Scarlet letter*. – England: Penguin Popular Classic, 1994
9. Hawthorne, N. *The Scarlet letter*. – Penguin Classic Penguin Books, 1986
10. Hawthorne, N. *The Scarlet letter*. – A Signet Classic. New American Library, 1959
11. Hawthorne, N. *The Scarlet letter*. – Moscow: Foreign Languages Publishing, 1959

ОСОБЛИВОСТІ ІНВЕНТАРИЗАЦІЇ АНГЛІЙСЬКИХ ПРИКМЕТНИКІВ, ЩО ПОЗНАЧАЮТЬ ЗОВНІШНІСТЬ ЛЮДИНИ

У процесі дослідження лексичного складу будь-якої мови перед лінгвістом постає проблема інвентаризації (визначення складу) лексичних мікросистем, що розглядаються. У сучасному мовознавстві виділяють три найбільш відомі методи інвентаризації лексичних угруповань: психофізіологічний, психолінгвістичний та лінгвістичний [5, 81-84]. Недоліком перших двох методів є необхідність застосування для дослідження велику кількість носіїв тієї мови, що аналізується. До лінгвістичних методів інвентаризації відносяться методи, які базуються на: а) даних, отриманих за допомогою дистрибутивно-статистичного аналізу тексту; б) даних, отриманих за допомогою компонентного або компонентно-статистичного аналізу словникових дефініцій.

В останні десятиліття на кафедрі германського, загального та порівняльного мовознавства Чернівецького національного університету була проведена значна робота по розробленню методики дослідження системи мови шляхом опису її мікроугруповань – формалізованої процедури інвентаризації лексико-семантичних груп [6]. Розроблена методика відрізняється від інших розробок такого напрямку не тільки своєю ефективністю, але й максимальною формалізацією всіх процедур дослідження. В її основі лежить чіткий алгоритм операцій, що дозволяє звести до мінімуму вплив будь-яких суб'єктивних факторів [3, 40].

Мета даної статті – продемонструвати процедуру отримання лексичної мікросистеми прикметників на позначення зовнішності у сучасному англійському мовленні.

При інвентаризації англійських прикметників на позначення зовнішності ми виходили з наступних міркувань.

Беручи до уваги той факт, що різні письменники відображають дійсність по-різному, опис зовнішності людини буде тим повніший, чим більше художніх текстів аналізується. Отже, корпус досліджуваних лексем виділявся методом вибірки з

коної п'ятої сторінки із творів 28 авторів англійської та американської прози ХХ століття загальним обсягом 853800 слововживань. Обмеження тільки художньою прозою пояснюється тим, що прикметники, які позначають зовнішність людини, за вживаністю в художній літературі займають серед усіх інших прикметників, напевно, центральне місце. Це зумовлено насамперед тим, що письменників завжди цікавила і хвилювала головна проблема – проблема людини, опис її внутрішнього світу, думок, почуттів, вчинків, прагнень, у цілому, усіх тих якостей та властивостей, які характеризують людину.

Оскільки суть будь-якого явища можна пізнати через його ознаки, то й опис зовнішності людини зводиться врешті-решт до виділення у неї певних якостей, ознак, властивостей. А дослідження мовних засобів, які при цьому використовуються, зводиться до виявлення у текстах лексичних одиниць, які називають ці ознаки.

Як правило, у текстах назви ознак найчастіше представлені прикметниками. Прикметник є тією частиною мови, в якій означальна властивість виявляється найяскравіше. У монографії “Граматика і семантика прикметника” О. М. Вольф зазначає, що за своєю семантикою прикметники надзвичайно багатопланові. Але при всій різноманітності своїх значень і вживань вони мають одну загальну семантичну характеристику, яка об’єднує їх в єдиний клас – прикметники належать до предикатних слів, вони не вказують на предмети, а приписують їм ознаки [2, 5]. Предикатний характер прикметника визначає його значення та його вживання.

Як і інші типи предикатних одиниць, стверджує Н. Д. Арутюнова [1], прикметники у висловлюванні характеризуються взаємозв’язком своєї семантики, що забезпечує більшості з них широку і різноманітну систему сполучуваності. Семантику прикметників формують поняття лише про якості самостійно існуючих одиниць (предметів), тому у мові вони вживаються обов’язково при іменниках. Прикметник, ужитий при іменнику, зважує і в такий спосіб конкретизує зміст вираженого іменником поняття (крім стійких словосполучень): *a pretty girl, an ugly girl; black hair, curly hair*. Н. Д. Арутюнова підкреслює надзвичайно тісний зв’язок і залежність прикметника від іменника, який означає носія ознаки, складає його найбільш яскраву функціональну

рису. Оскільки певні ознаки не існують самі по собі, за межами її носія, область застосування прикметника, на думку О. М. Вольф, залежить у першу чергу, від обсягу денотатів-предметів або подій, які мають відповідні ознаки. Інакше кажучи, сферу денотатів, які мають певні ознаки, визначає і в той же час обмежує використання того або іншого прикметника [2, 3-4].

Звичайно, прикметники не вичерпують позначення усіх якостей та ознак семантики іменників, з якими вони сполучаються. Поняття ознаки в мовознавстві досить широке. Різні типи ознак можуть виражатися такими частинами мови, як прикметник, дієслово, прислівник.

Мета даної роботи – дослідження тільки одного виду ознак, якими може бути описана семантика іменників, і які фіксуються у текстах як прикметники.

Таким чином, в основу відбору прикметників лягла семантика іменників (зовнішність людини). Фіксувалися усі лексеми, які описують окремі частини людського організму (детальніше див. [7]). Очі, вуха, ніс, яzik, руки та ноги – це органи, частини тіла, які мають свій зовнішній вигляд, зокрема – форму, розмір, колір, поверхню і т. д.

Відомо, що особа людини в мові представлена перш за все як фізична, психічна і соціальна. Згідно з семантичними дослідженнями останнього десятиріччя, ці три сфери пов’язані як у реальній дійсності, так і в її мовній концептуалізації. Враховуючи даний факт, деякі дослідники стверджують [10, 305], що лінгвістичні позначення особливостей моторики разом із зазначенням деталей зовнішності, вікові характеристики, ознак статури тощо, формують фізичний аспект мовного уявлення про людську особистість. Крім того, опис кінетичної поведінки персонажу художнього твору – діючий спосіб вираження настрою персонажа, його портретних і психологічних характеристик [8, 71]. У цьому розумінні лінгвістичні позначення рухів людини пов’язані з назвами інших фізичних ознак. Ось чому нам здалося доцільним враховувати не тільки прикметники, які описують суттєві частини людського організму, але й такі, що характеризують жести (у широкому розумінні) – кінеми рук, ніг та голови, вираз обличчя або мімічні жести, постати [4, 67-68], оскільки, на нашу думку, дані прикметники безпосередньо відносяться до опису зовнішності людини.

Ми не розглядали прикметники, що описують елементи одягу людини, обмежуючи коло аналізу загальними номінаціями, наприклад: *well-dressed*.

Передбачалося, що фразеологічні одиниці опізнані і заздалегідь виключені з нашого аналізу, оскільки “фразеологізація одиниць мови пов’язана зі зрушеннем у семантичній структурі компонентів, які, різною мірою втрачаючи денотативну спрямованість, деактуалізуються” [9, 16].

Тут слід зазначити, що у більшості попередніх лінгвістичних дослідженнях розглядалися окрім лексичні мікросистеми (найчастіше ЛСГ), елементи яких об’єднані однією загальною семою, наприклад: англійські прикметники розміру, німецькі прикметники із значеннями “сильний” і “слабкий”, німецькі діеслова пересування та ін. За традиційним методом інвентаризація подібних мікросистем відбувається на основі спільноти семантичних компонентів, які виділяють при розгляді словникових тлумачень з допомогою методу компонентного аналізу або формалізованої методики інвентаризації у поєднанні з критерієм частотності [3, 41].

Інвентаризація англійських прикметників, що позначають зовнішність людини, викликала певні труднощі, оскільки ми маємо справу з лексичним уgrупованням іншого типу. В англійській мові лексичні засоби опису зовнішності людини представляють собою велику понятійну сферу. Досліджувана на мікросистема виходить за рамки семантичного поля і ЛСГ у класичному розумінні. Теорія подібних мікросистем ще недостатньо розроблена. Прикметники зовнішності людини об’єднуються у так звану “розширену тематичну групу” (чи понятійну сферу, у якій можна виділити окрім семантичні підкласи (*[colour]*, *[shape]*, *[temperature]* і т. п.) – компоненти даного тематичного утворення).

При відсутності методики інвентаризації подібних лексичних уgrуповань нам здалося доцільним використати емпіричний метод, тобто виходити з тих фактів, які надає нам матеріал, що досліджується.

Отже, з огляду на все вищесказане відмежування прикметників, що позначають зовнішність людини, проводилося за допомогою інтуїтивно-логічного методу, на основі дистрибутивно-статистичного аналізу тексту. Такий метод, на нашу думку, може

бути застосований також при дослідженні інших лексичних мікросистем: наприклад, німецьких або французьких прикметників на позначення зовнішності, прикметників, що описують емоційний стан людини, прикметників кольоропозначення та ін.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
2. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
3. Капатрук М. Формалізована процедура дослідження лексики і перспективи її використання // Науковий вісник Чернівецького ун-ту. Германська філологія. – Чернівці, 2001. – Вип. 114. – С. 38-42.
4. Крейдлин Г. Е., Чувилина Е. А. Улыбка как жест и как слово (к проблеме внутриязыковой типологии неверbalных актов) // Вопросы языкоznания. – 2001. – № 4. – С. 66-93.
5. Левицкий В. В. Статистическое изучение лексической семантики. – Киев: УМК ВО, 1989. – 155 с.
6. Левицкий В. В., Стернин И. А. Экспериментальные методы в семасиологии. – Воронеж, 1989. – 193 с.
7. Малік Т. Г. Прикметники, що позначають зовнішність людини у сучасній англійській мові: Автореф. дис. ... канд. фіол. наук: 10.02.04 / ОНУ ім. І.І. Мечникова. – Одеса, 2001. – 19 с.
8. Накашидзе Н. В. Верbalная интерпретация паралингвистических средств в тексте // Сб. научных трудов МГПИ им. М. Тореза. – М., 1980. – Вып. 141. – С. 61-72.
9. Ужченко В. Д., Аксентьев Л. Г. Українська фразеологія. – Харків: Основа, 1990. – 167 с.
10. Яворская Г. М. Образ человека в движении (к описанию этноцентрических стереотипов) // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна: Междунар. ун-т природы, общ-ва и человека “Дубна”, 1999. – С. 304-311.

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АРГУМЕНТАТИВНЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ, РЕАЛИЗУЮЩИХ ФУНКЦИЮ УБЕЖДЕНИЯ

В данной работе предпринята попытка: 1) классифицировать речевые действия (акты) реализующие категорию убеждения в рамках аргументативного диалогического единства; 2) описать их просодические характеристики. В качестве исходного принимается трактовка убеждения как метода воздействия на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению.

Изучение убеждения традиционно входит в сферу интересов психологии, поскольку этот вид деятельности человека направлен на изменение поведения партнера по коммуникации в рамках той или иной ситуации [6, 12]. Убеждение как направленное воздействие используется для превращения определенной информации в систему жизненных установок и принципов в деятельности личности [2, 280]. Убеждение является разновидностью вербального воздействия, которая использует различные формы мышления с помощью аргументирования. “Аргументирование в диалогическом единстве можно понимать как акт произнесения аргументативного высказывания” [5, 62].

Согласно теории речевых актов Дж. Остина, речевая деятельность реализуется в трех действиях: 1) в локутивном акте, в рамках которого осуществляется факт говорения; 2) в иллокутивном акте, в рамках которого факт говорения приобретает целенаправленность; 3) в перлокутивном акте, который есть получение результатов речевого воздействия [1, 96].

Дж. Серл существенно дополнил теорию Дж. Остина выделив объект ее исследования – речевой акт, дав ему следующую дефиницию: "...производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, который является минимальной единицей языкового общения" [4, 152]. Дж. Серл создал классификацию речевых актов, основываясь на некоторых параметрах, по которым они могут различаться. Наиболее важными он считал следующие параметры: 1) цель (намерение) речевого акта; 2) направленность (координирование между словами и миром); 3) психологическое состояние говорящего [8, 27].

На основании данных параметров Дж. Серл выделяет: 1) речевые акты, описывающие определенное положение дел, исполняя их говорящий возлагает на себя ответственность за истинность сообщения – репрезентативы; 2) речевые акты, используемые говорящим для побуждения слушающего к совершению некоторого поступка (приказания, просьбы) – директивы [8, 38].

Использование теории речевых актов позволяет определенным способом подходить к анализу аргументативных структур, которые исходя из положений теории речевых актов, рассматриваются как речевое действие.

В данной работе представляется целесообразным рассмотреть данное речевое действие, осуществляемое в рамках диалогической коммуникации. Вслед за Сосновцевой Т. И., основываясь на функционально-коммуникативном подходе, выделяем следующие типы диалогов: диалоги согласия – кооперативный тип общения, диалоги несогласия – эристический тип общения и диалоги убеждения – координирующий тип общения. Цель убеждающего диалога заключается в том, чтобы доказать что-то партнеру по коммуникации, разубедить его и соответственно привести к определенной точке зрения. В ходе координирующего диалога разрешаются противоречия, возникающие в процессе общения [5, 69].

В данной работе используется представление о том, что “структурная организация диалога раскрывается членением диалога не на отдельные реплики, а на сочетание реплик – диалогические единства (ДЕ). Диалогическое единство рассматривается как единица, лингвистическая сущность которой заключается в наличии структурно выраженной взаимосвязи между составляющими его репликами” [7, 32]. Двучленное диалогическое единство, представленное следующими компонентами: репликой-стимулом и репликой-реакцией, рассматривается как микромодель, позволяющая в наиболее полной форме исследовать реализацию убеждения путем повышения аргументативной значимости одной из взаимодействующих реплик. В кооперативных ДЕ аргументативная значимость наиболее выражена в реплике-стимуле, в координирующих и эристических ДЕ – в репликах-реакциях.

В соответствии с классификацией Дж. Серла аргументативные диалогические единства дифференцируем на кооперативные, координирующие и эристические (см. Рис. 1):

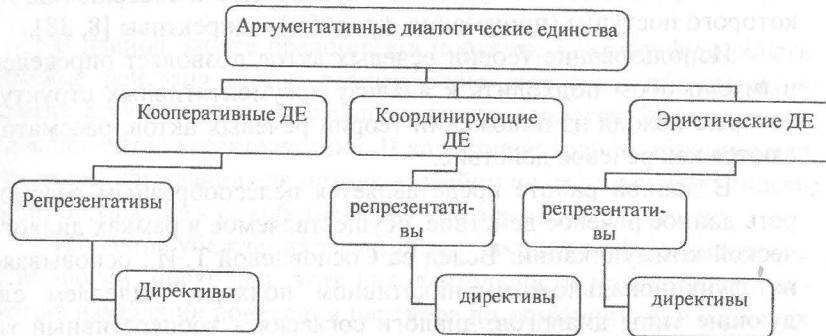

Рис. 1. Диаграмма дифференциации аргументированных диалогических единств

Материалом исследования послужили тексты лингфонных курсов “Soundtracks”, “Headway” (*Pre-Intermediate, Intermediate, Advanced, Upper-Intermediate*), которые были начитаны дикторами – англичанами, носителями орфоэпической нормы английского произношения. Было отобрано 44 ДЕ: 22 кооперативных ДЕ (из них 20 ДЕ, реализующих категорию убеждения в рамках речевого акта – репрезентатива; 2 ДЕ – в директивных речевых актах); 19 координирующих ДЕ (реализующих категорию убеждения в репрезентативных речевых актах) и 3 эристических ДЕ (реализующих категорию убеждения в репрезентативных речевых актах). Примеры координирующих и эристических ДЕ, реализующих категорию убеждения в директивных речевых актах, не были обнаружены.

Пример кооперативного ДЕ, реализующий категорию убеждения в репрезентативном речевом акте:

Реплика-стимул: *There was no-one inside that car. Somebody must have started it up using a remote control units.*

Реплика-реакция: *I knew it. Some one is playing games with us.*

Пример кооперативного ДЕ, реализующий категорию убеждения в директивном речевом акте:

Реплика-стимул: *If you would like advice about money matters, visit visit Money Mail at the rear of the ground floor.*

Реплика-реакция: *The gentleman here has about fifty tins of peas and a rather complicated-looking tin opener in his hand.*

Пример координирующего ДЕ в репрезентативном речевом акте:

Реплика-стимул: *I don't think it is right to take revenge. People are punished for their actions by what they become. God arranges punishment. We should leave it to him.*

Реплика-реакция: *But that's just fatalism and it means that criminals all over the place get away with the most dreadful crimes against other people.*

Пример эристического ДЕ в репрезентативном речевом акте:

Реплика-стимул: *I know what you mean, but Bill's got so much experience of the stage and the television. He's been with the Royal Shakespeare Company for years, and I think we could probably work on the appearance side, you know. Make-up would age him.*

Реплика-реакция: *Harry didn't look right, whereas Bill did. And I do wonder about make-up to make someone look older on television. It never looks quite right.*

С целью выявления просодических особенностей исследуемых диалогических единств, проводился аудиторский анализ. В качестве аудиторов были приглашены специалисты в области фонетики английского языка, имеющие большой опыт аудирования, преподаватели ОНУ им. И. И. Мечникова.

Перед аудиторами ставились следующие задачи: 1) определить убеждающую реплику в ДЕ; 2) выявить информационный центр (шкалу и ядерный тон) и фоновую часть (предшкалу и заядерный тон) убеждающих реплик; 3) проанализировать просодическую структуру информационного центра и фоновой части каждой реплики, а именно, тональные изменения в предъядерной и ядерной частях, ее уровневые и диапазональные характеристики, громкость и темп произнесения.

При проведении аудиторского анализа были использованы следующие градации по каждому признаку:

- тональный уровень – низкий, средний, высокий;
- тональный диапазон – узкий, средний, высокий;

- громкость – пониженная, средняя, повышенная;
- темп – медленный, средний, быстрый.

Просодические особенности реализации категории убеждения изучаются при помощи выделения информационного центра убеждающей реплики и сравнения его просодических параметров с аналогичными показателями фоновой части. Важным представляется также выявление просодических средств реализации информационных центров всех реплик диалогических единств с целью определения их аргументативной значимости, путем соотношения просодических параметров информационных центров убеждающих реплик.

В результате проведенного аудиторского анализа были получены следующие данные.

В кооперативных диалогических единствах, представленных репрезентативами и директивами, наблюдается уменьшение аргументативной значимости реплики-реакции по отношению к реплике-стимулу в исследуемых типах речевых актов. Это происходит за счет понижения значимости просодической выделенности информационного центра реплики-реакции по сравнению с репликой-стимулом. Соотношение просодических параметров выделенности информационных центров реплики-стимула и реплики-реакции в кооперативных диалогических единствах выявило преобладание показателей всех просодических параметров информационного центра реплики-стимула над информационным центром реплики-реакции.

Итак, уменьшение аргументативной значимости реплики-реакции по отношению к реплике-стимулу в кооперативных диалогических единствах происходит в связи с уменьшением просодической выделенности информационного центра реплики-реакции по сравнению с репликой-стимулом по всем основным просодическим параметрам, таким как тональный уровень, тональный диапазон, громкость и темп.

Иную картину представляет собой просодическая выделенность информационных центров в реплике-стимуле и реплики-реакции в координирующих диалогических единствах, представленных репрезентативами. Анализ просодического оформления выделенности информационных центров выявил увеличение аргументативной весомости реплики-реакции по сравнению с репликой-стимулом в исследуемых речевых актах, что обеспечива-

ется преобладанием просодической выделенности информационного центра реплики-реакции по сравнению с репликой-стимулом. Сопоставление просодических параметров выделенности информационных центров реплики-стимула и реплики-реакции в координирующих диалогических единствах выявило, что просодические показатели выделенности информационного центра реплики-реакции выше аналогичных показателей реплики-стимула по всем параметрам, кроме показателя громкости произнесения, что свидетельствует о большей убеждающей силе реплики-реакции координирующих диалогических единств.

Большая аргументативная весомость реплики-реакции достигается за счет преобладания показателей таких просодических параметров, как тональный уровень, тональный диапазон и темп.

При анализе просодического оформления информационных центров реплики-стимула и реплики-реакции эристических диалогических единств, представленных репрезентативами, было выявлено увеличение аргументативной значимости реплики-реакции по сравнению с репликой-стимулом. Это достигается увеличением целого ряда просодических параметров, обеспечивающих выделенность информационного центра реплики-реакции по сравнению с репликой-стимулом. Соотношение просодических параметров выделенности информационных центров реплики-стимула и реплики-реакции в эристических диалогических единствах выявило, что информационный центр реплики-реакции обладает большей просодической выделенностью по сравнению с информационным центром реплики-стимула по всем просодическим показателям. Это свидетельствует о большей убеждающей силе реплики-реакции в эристических диалогических единствах, которые обеспечиваются увеличением показателей таких просодических параметров, как тональный уровень, тональный диапазон, громкость и темп. Представляется необходимым отметить увеличение показателя такого просодического параметра, как громкость произнесения в эристических ДЕ, что является информативным показателем при выделении информационного центра в данном типе диалогических единств.

Общая картина просодического оформления реплик аргументативных диалогических единств с учетом всех просодических параметров позволяет сделать вывод о том, что в кооперативных диалогических единствах убеждающие реплики обладают

наименьшей просодической выделенностью. Убеждающие реплики в координирующих диалогических единствах обладают максимальной просодической выделенностью. А также максимальной просодической выделенностью отмечены убеждающие реплики эристических диалогических единств.

Изложенные выше наблюдения позволяют сделать следующие выводы.

Анализ просодической организации аргументативных ДЕ свидетельствует о том, что особенности характера общения (кооперативное, координирующее, эристическое) оказывают существенное влияние на просодическую оформленность убеждающих реплик, а также на способы интеграции реплик в единое целое – аргументативное диалогическое единство, реализующее категорию убеждения. Если для информационных центров реплик кооперативных диалогов характерно просодическое уподобление, проявляющееся в использовании малоконтрастных уровневых, диапазональных просодических характеристик, то для информационных центров реплик координирующих и эристических диалогов характерна контрастность, проявляющаяся в увеличении вышеуказанных просодических параметров в убеждающих репликах.

Исследование просодического оформления аргументативных диалогических единств, а также особенностей реализации убеждения в кооперативных, координирующих и эристических ДЕ, представленных репрезентативами и директивами, подтверждает, что убеждающие реплики обладают различной степенью аргументативной значимости. Последняя зависит от аргументативной нагруженности содержащейся в ней информации, что реализуется на уровне просодического оформления реплик. В зависимости от степени аргументативной значимости убеждающая реплика выполняет различную роль в процессе интеграции реплик в рамках исследуемого отрезка диалогической речи и выделения ее информационного центра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С.22-129.
2. Психология. Словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

3. Рузавин Г. И. Логика и аргументация. – М.: “Культура и спорт”, 1997. – 349 с.
4. Серл Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С.151-169.
5. Сосновцева Т. И. Роль просодии в реализации семантической категории убеждения в аргументативных диалогических единствах: Дис. канд. ... филол. наук. – М., 1992. – 223 с.
6. Чалдини Р. Психология влияния. – СПб.: “Питер”, 1999. – 270 с.
7. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Наука, 1960. – 337 с.
8. Searl, J. Expression and Meaning. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 187 p.

ПРОСПЕКЦИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ТЕМПОРАЛЬНОГО АСПЕКТА ВООБРАЖАЕМЫХ МИРОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Концептуализация мира индивидуальным и коллективным сознанием привлекала и привлекает внимание представителей самых разных наук – от философов и логиков до нейролингвистов и лингвокогнитологов [9; 11; 16; 20, 94-95].

“Концепт – явление того же порядка, что и понятие” [21, 43]. Как компонент ментального мира человека, он референциальную соотносится с окружающим и представляет собой динамический феномен, подверженный изменениям не только во времени и пространстве, но и в разных ментальных мирах. Ментальный мир индивида, или его “индивидуальное когнитивное пространство” [10, 84] отражает не только существующий мир вещей и абстракций, но и включает миры возможные (см. обзор в [14]), т. е. “возможное состояние дел или возможный ход событий. <...> Мы можем сказать, что установление того, что воспринимает *a*, означает установление всех возможных миров, совместимых с восприятием *a*. <...> В нормативных ситуациях восприятие является информационным [выделено автором] процессом. Следовательно, все, что имеется (в принципе) в восприятии, <...> является характеризацией информации, а это равнозначно характеризации множества миров, совместимых с тем, что воспринято” [17, 40-41].

Возможные миры представляют собой открытое множество и обладают собственными законами истинности/ложности. Разрабатывая теорию возможных (альтернативных, вероятных, воображаемых) миров, логики, философи и лингвисты обычно называют её основоположником Г. Лейбница, который на заре XVII века, в иных выражениях, изложил плодотворную идею разграничения общего для всех “Универсума”, и “миров” – индивидуальных сознаний [см. напр. 21, 78-79; 7, 79; 3, 147].

Применительно к художественному тексту, можно говорить об определённой иерархической структуре альтернативных (воображаемых) миров. Действительно, каждый компонент цепочки художественной коммуникации – автор/ текст/ читатель – вносит в неё собственный вклад: производитель и получатель текста

подходят к последнему с уже имеющейся у каждого из них собственной картиной мира; текст же отражает конгломерат индивидуальных персональных миров рассказчика и персонажей, организуемых авторской точкой зрения. Последнюю, в пределах теории возможных миров, можно рассматривать как одно из проявлений индивидуально – авторского восприятия и отражения окружающего.

Указанная теория объясняет эволюцию литературного процесса и отдельной творческой личности, с одной стороны, и потенциальную необозримость интерпретаций литературного произведения, с другой. И, безусловно, способствует пониманию многоgłosия – “полифонии художественного текста” [1], которая и создаётся “мирами” своих персонажей, реципиентов и автора.

Художественный текст, выступающий как неразрывное единство формы и содержания [2], не является монолитом, и многочисленные исследования отдельных его аспектов – тому свидетельство. Помимо “горизонтального” подхода к анализу текста (по ярусам его языковой структуры), широко используется вертикальный подход – по композиционно-речевым формам [4] и типам изложения [12]. Сюда же следует отнести анализ возможных миров персонажей (и автора), составляющих в своей совокупности художественное пространство произведения.

Необходимым и обязательным элементом структуры последнего является темпоральный.

В свете теории возможных миров темпоральная организация текста приобретает особый интерес.

Отличность времени от прочих форм состояния материи, его неразрывная связь с пространством, бесконечность и необратимость [19, 968] выступали и выступают как предмет повышенного интереса мыслителей и художников.

Время как форма существования и движения материи независима от человеческого восприятия, познания, переживания. Время поддаётся измерению, изучению, но не влиянию со стороны человека. В литературоведении, поэтике, лингвистике текста, стилистике время рассматривают как форму бытия идеального мира эстетической действительности, как временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального пространственно-временного континуума, и обозначаемый как “время художественное” [15].

Последнее – неотъемлемый элемент художественного отражения мира, форма существования сюжета, категория развития действия [12], результат индивидуально-авторского преломления “Универсума” и темпоральная составляющая создаваемого автором “возможного” мира произведения. В мире каждого произведения создаётся свой образ времени и пространства. Благодаря тому, что время художественного текста читатель воспринимает через происходящие в нём события, избираемые автором архитектоника и композиция произведения разрешают нарушить “направленность ветвления временной структуры только к будущему и создать для каждой ситуации множество альтернатив в смысле семантики возможных миров” [18, 9].

“Возможный мир создаётся средствами языка” [13, 21], следовательно, все его составляющие, в том числе и его темпоральная структура также представлены вербально. Действительно, выражение времени в языке сконцентрировано в функционально семантическом поле темпоральности, которое представлено средствами грамматическими (система времён); лексическими (лексемы типа “вчера”, “завтра”); синтаксическими (сложно-подчинёнными предложениями времени).

Все они обеспечивают репертуар, из которого осуществляется индивидуальный выбор материала и способ строительства темпоральной сетки одного из возможных миров, представленных в определённом художественном тексте.

Время возможных миров художественного произведения развивается по собственным законам: в нём возможно движение прогрессивное, регressive, повторное, параллельное (на нескольких уровнях), экстраfabульное (выходящее за временные рамки повествования). Рассуждая о расслоении образа автора в романе М. Пруста “В поисках утраченного времени”, Ю. С. Степанов, в частности, отмечает множественность существования представления времени в воображаемом мире произведения: “это и повествование о различных и вместе с тем сосуществующих пластиах времени: настоящего, настоящего мгновением раньше, настоящего чуть более отдалённого, прошедшего близкого, прошедшего отдалённого, наконец, прошедшего, утраченного навсегда” [13, 30]. Подобное “расслаивающееся время” обнаруживается в темпоральной структуре большинства художественной прозы XX века. Писатель, выстраивая свой возможный мир, вы-

нужден постоянно решать конфликт между строгой линейной последовательностью развертывания речи, с одной стороны, и одновременностю событий, дистанцированных в пространстве и разновременностью событий, связанных пространственно и каузально, с другой. И в каждом отдельном создаваемом автором мире эта проблема решается по-своему. Причём неповторимость художественных возможных миров вообще и их темпорального аспекта в частности, заключается не в уникальности набора используемых средств, а в специфике сочетания последних.

Действительно, в номенклатуру способов выражения движения времени в художественном тексте, обычно включаются такие индикаторы темпоральных переключений: 1. Грамматические – т. е. система глагольных времён, с помощью которых можно построить хронологическую последовательность действий; 2. Лексические – т. е. а) глаголы ментальной деятельности (вспомнил, подумал, мечтал...) б) дейктики (тогда, потом, как было сказано выше...) в) числительные, наречия и даты (через два года, 5 лет назад, в 1945 году) г) имена собственные (преимущественно антропонимы и топонимы); 3. Графические – текстовые отбивки, звёздочки, смена шрифта; 4. Пунктуационные – многоточия, тире.

Вышеперчисленные способы представления движения времени в тексте были предметом исследования многих лингвистов (Д. С. Лихачёв, М. М. Бахтин, Ю. О. Берман, З. Я. Тураева и др.). Некоторые изучены в большей степени, другие – в меньшей. Так, например, о системе видо-временных форм глагола, так же, как и о лексических способах выражения художественного времени, написано много работ, защищён ряд диссертаций (Т. М. Голосова, М. Н. Левченко, О. Н. Алисеенко, С. Р. Бабушкин, С. В. Белова и др.). Анализируя диссертации последнего десятилетия можно сделать вывод, что основное внимание уделяется семантическому полю времени, прежде всего, существительным и наречиям, а также предложным конструкциям, обладающим темпоральными характеристиками.

Подробное освещение проблемы диахотомии художественного и реального времени, противопоставления их свойств находим в монографиях Т. М. Голосовой [5; 6], предваривших её докторскую диссертацию “Темпоральная структура художественного тек-

ту” (2002), в которой проводится исследование соотношения объективного времени на материале русской и украинской прозы.

Обсуждая степень разработанности темпорального аспекта художественного текста, следует подчеркнуть, что основные результаты здесь достигнуты в описании номенклатуры темпоральных индикаторов и характеристики их отдельных групп и уровней. При этом, однако, композиционный уровень текстовой структуры и потенциал представления времени возможного мира через организацию сюжета либо не рассматривается вообще, либо эпизодически упоминается в связи с текстовыми категориями проспекции и ретроспекции.

Последние были введены в научный обиход в конце 70-х годов XX века и определялись следующим образом: *ретроспекция* – грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации; своеобразный перерыв континуума повествования для того, чтобы актуализировать ранее изложенное и придать содержательно-фактуальной информации какую-то часть содержательно-концептуальной [4, 106]. *Пропсекция* – грамматическая категория текста, объединяющая различные формы отнесения содержательно-фактуальной информации к тому, о чём речь будет идти в последующих частях текста. Подобно ретроспекции пропсекция – один из приёмов повествования, который даёт читателю возможность яснее представить себе связь и обусловленность событий и эпизодов. Зная, что произойдёт в дальнейшем, он глубже проникает в содержательно-концептуальную информацию, поскольку настоящее предстаёт перед ним в несколько ином плане [4, 112]. Как видно из приведённых определений текстовые категории ретроспекции и пропсекции базируются на сломе основного сюжетного времени и переключении последнего из сюжетного настоящего соответственно в прошлое и будущее.

Пропсекция и ретроспекция имеют место и вне художественного пространства литературного произведения. Мысленное возвращение к прошлым событиям и гипотетическое “забегание вперёд” характерны для мыслительной деятельности человека, в ментальном мире которого ретроспекция осуществляется в виде воспоминаний, а пропсекция – в форме будущего времени и со слагательного наклонения.

Однако возможность реверсии и акселерации времени в ментальном мире реально существующего человека принципиально отличается от свободы движения времени в воображаемых мирах текстов. Прежде всего потому, что между первым и вторыми существует гиперо-гипонимические отношения: все возможные миры всех произведений автора вторичны, ибо являются порождением его ментального мира. А также потому, что ментальный мир человека разворачивается по мере поступательного развития объективного времени, и знание неизбежности индивидуального финала не обеспечивает знания ещё не прожитых этапов на пути к нему. Этот вид открыт для будущего³. Иное – воображаемый мир произведения. При том, что существование и характер персонажа подчиняются внутренней логике его развития⁴, создающий его автор знает события его жизни наперёд, и возможный мир произведения разворачивается перед читателем как *пересказ, переживание* того, что ещё не известно читателю, но с самого начала уже известно автору. Читатель погружается в мир “Джэйн Эир”, или “Ребекки”, или “Великого Гэтсби” и живёт в хронотопе, установленном автором, который свободно перемещает звенья временной цепи, т. к. заранее знает каждое из них.

Именно это “знание наперёд” обеспечивает возможность текстовой проспекции и разнообразных способов переключения сюжетного времени в будущее – *flashforwards*. Знаменитая фраза М. Булгакова “Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила. Так что заседание не состоится” (22, 282) – пример подобного предвосхищения события. Только обладая знанием будущего, можно сказать: *something she would remember all her life* (25, 135). Это о девочке, увидевшей убийство. А вот о мальчике, соприкоснувшемся со сложным клубком взрослых взаимоотношений: *Life fell on him with savagery; you couldn't blame him if he never faced it again in sixty years <...>; he hadn't any more courage left for ever <...>; these*

³ Отсюда – неизбытный интерес всех эпох и всех народов к прорицателям, предположительно наделённым способностью увидеть ещё не прожитое будущее.

⁴ Широко известны заявления авторов о «самовольном» поведении их героев. Например, Ильф и Петров, рассказывая о создании «Двенадцати стульев», признавались, что Остап Бендер задумывался как второстепенный персонаж, но по мере развития сюжета он «стал выпирать из приготовленных для него рамок. Скоро мы не могли уже с ним сладить. К концу романа мы часто обращались с ним, как с живым человеком, и часто сердились на него за нахальство, с которым он пролезал почти в каждую главу» [цит. по 8]. Широко известна реплика Пушкина из письма Жуковскому «Какую штуку выкинула со мной Татьяна – взяла и вышла замуж!»

people were strangers and would always now be strangers (24,427-430). И ещё об одном выросшем мальчике: *I am indebted to the circus for many happy hours and for my meeting, which was to prove so important in my life* (23; 96). Связь того, что было и что уже прожито, с тем, что ещё предстоит испытать, не дана индивидууму в объективном времени, но возможна в субъективном времени воображаемого творимого мира, этапы развертывания которого известны автору заранее: *The twins looked up at her. Not together (but almost), two frightened voices whispered, "Save Ammu". In the years to come they would replay this scene in their heads. As children. As teenagers. As adults.* (26, 318)

Рассказчик и герой “Последнего вздоха мавра” Мориаш Зогойби многократно одёргивает сам себя: *But I mustn’t run ahead of my story. For the present it is necessary only to reveal ...* (27, 107); *But my ending up must not be told before my starting out* (113); *Abraham Zogoiby, as we shall see, had other uses for temple dancers* (124); *More will be said later of the feared Muslim gang-boss* (152); *But I am getting ahead of myself* (151) и т. д. Его мир уже закрыт и время этого мира известно ему полностью, финал ожидается только читателем, герой его уже прожил.

Если обратиться ко всем случаям проспекции, *flashforwards*, в том числе приведённым выше, мы не обнаружим единой грамматической модели представления будущего времени возможного мира, ибо авторы используют весь спектр грамматических времён всех залоговых форм. Нет и стабильных лексических индикаторов слома сюжетного настоящего и перехода в будущее, хотя здесь можно предварительно отметить некоторую тенденцию к генерализации (*always, never, all one’s life*) и использованию пространственно-временных наречий типа *later, ahead*. Архитектонически и композиционно будущее в темпоральной структуре возможного мира художественного произведения также не выделяется сколько-нибудь последовательно и выражается отрезками текста очень разной длины и степени синтаксической и смысловой самостоятельности – от части придаточного предложения до абзаца. Иными словами, *flashforwards* не представлены набором определённых моделей, реализуемых на разных уровнях строения текста, они варьируются в зависимости от индивидуальных особенностей последнего (содержание, жанр, авторский стиль) и в количественном отношении уступают второму

члену категориальной дихотомии – ретроспекции (*flashbacks*), или реверсивному движению времени в создаваемом возможном мире художественного произведения, о чём речь пойдёт в отдельном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
- 2 Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: АН СССР, 1963. – 255 с.
- 3 Гаєва О. В. Особливості художньої комунікації з погляду концепції можливих світів // Вісник Київського лінгвістичного університету. Серія Філологія. – 2001. – Том 4. – № 1. – С.147-152.
- 4 Гальперин. Текст как объект лингвистического исследования – М.: Наука, 1981, – 139 с.
- 5 Голосова Т. М. Категориальная доминанта времени. – Киев: Просвіта, 1997. – 143 с.
- 6 Голосова Т. М. Темпоральная система макроструктури художього тексту (посібник з функціональної граматики). Черкаси, 1998. – 119 с.
- 7 Кагановська О. М. Текстові концепти художньої прози. – Київ: КНЛУ, 2002. – 292 с.
- 8 Каракина Е. По следам Юго-Запада. Главы из книги // Одесса: Ор самеах, 2000. – № 191. – С. 3-5.
- 9 Кобрин Н. А. Когнитивная лингвистика: Истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. Материалы 2-ой международной школы-семинара. Т. II. – Тамбов: ТГУ, 2000. – С.170-175.
- 10 Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог – МГУ, 1998. – 352 с.
- 11 Кубрякова Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. – М., 2001. – № 7. – С. 28-34.
- 12 Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Изд. 3-е. – Одесса: Латстар, 2002. – 288 с.
- 13 Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-ое. – М.: Академ. Проект, 2001. – С. 5-42.

- 14 Степанов Ю. С. Пространства и миры – “новый”, “воображаемый”, “ментальный” и прочие // Философия языка: в границах и без границ. – Харьков: ОКО. – 1994. – С.3-18.
- 15 Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое. Время художественное. М.: Просвещение, 1979. – 219 с.
- 16 Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. – Серия 2. Информационные процессы и системы. – М., 1992. – № 3. – С. 1-8.
- 17 Хинтикка Я. Информация, причинность и логика восприятия // Вопросы философии. – 1975. – № 6. – С. 38-50.
- 18 Хинтикка Я. Ситуации, возможные миры и установки // Знавковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск: Наука, 1990. – С. 3-12

СЛОВАРИ

- 19 Большой энциклопедический словарь. Изд. 2-ое. – М.: “Большая Российская энциклопедия”, 2002. – 1456 с.
- 20 Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1997. – 243 с.
- 21 Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-ое – М.: Академ. проект, 2001. – 990 с.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 22 Булгаков М. Б. Мастер и Маргарита // Романы. – Киев: Молодь, 1989. – С. 272-668.
- 23 Grass, G. The Tin Drum. – London: Everyman’s Library, 1993. – 551 p.
- 24 Greene, Gr. The Basement Room // Modern English Short Stories. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963. – P. 411-436.
- 25 Oates, Joyce Carol. Upon the Sweeping Flood. – Fawcett Crest Books, 1972. – 224 p.
- 26 Roy, Arundhati. The God of Small Things. – London: Flamingo, 1997. – 339 p.
- 27 Rushdie, Salman. The Moor’s Last Sigh. – London: Vintage, 1996. – 434 p.

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ ТЕКСТОВ

Функциональная семантика оценки является актуальной проблемой современного языкознания, т. к. оценка выражается в языке широким диапазоном единиц. Анализу общей оценки посвящены работы Н. Д. Арутюновой, в которых исследуется область непредметных объектов, представленная такими категориями, как “пропозиция, положение дел, событие, ситуация, процесс, действие, поступок, факт” и др. [1; 2]. Значительный вклад в исследование семантики оценки сделан Е. М. Вольф [5]. Под оценкой в лингвистике понимают общественно закрепленные отношения носителей языка к внеязыковому объекту. Выраженная языковыми средствами оценка (отношение субъекта к объекту), становится семантическим свойством языковых единиц, которое называется оценочностью [8; 10].

Все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве объектов ценностного отношения, т. е. может оцениваться коммуникантами с точки зрения допустимого или запретного, добра и зла, истины или неистины, красоты и безобразия, справедливого и несправедливого. Одной из основных классификаций оценок является их противопоставление по полярности: положительная / отрицательная. Носителем оценки обычно выступает субъект речи, выражающий своё отношение к действительности. Это отношение, позитивное или негативное, может быть реализовано в рациональном или эмоциональном контекстах, мотивирующих ту или иную оценку. Следовательно, оценка, положительная или отрицательная, может быть как рациональной, так и эмоциональной.

Различные виды оценки, реализованные в исследованных текстах, могут быть представлены в следующей рабочей классификационной схеме.

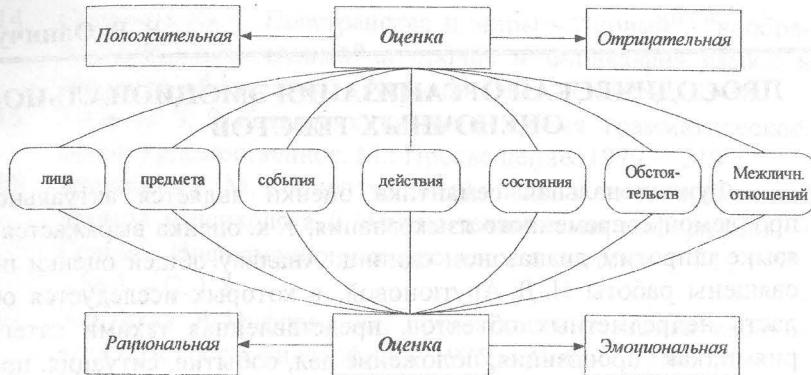

Рис. 1. Классификация видов оценки

Анализ обширного материала художественных текстов произведений английских авторов [12;13;14;15;16] дал возможность выборочным методом определить частоту встречаемости оценочных высказываний в тексте, а также истинную вероятность проявления оценочности. Чтобы судить о потенциальной доле оценки в общей совокупности речевых высказываний, методом сплошной выборки было проанализировано 1900 фраз, входящих в состав диалогических единиц, среди которых 345 являлись оценочными фразами. Частота встречаемости оценочных фраз:

$$p = \frac{345}{1900} = 0,182.$$

Двусторонние доверительные границы для p определялись по следующим формулам [3, 46]:

$$p_1, p_2 = \frac{hn + \frac{1}{2}q^2 \pm q\sqrt{h(1-h) + \frac{1}{4}q^2}}{n+q^2},$$

где h – эмпирическая частота; n – количество наблюдений; q – 1,96 табличное значение. В нашем случае $p_1 = 0,157$; $p_2 = 0,203$.

Смысл полученного доверительного интервала следующий: можно утверждать, что в 20 фразах из 100 (отобранных случайно) доверительный интервал 0,157 – 0,203 накроет истинную вероятность проявления оценочных конструкций в диалогических текстах английской литературы. Иными словами, можно предположить что, каждое пятое предложение может выражать оценку.

Оценочные структуры распознаются при помощи лексических средств, среди которых главенствующее положение занимают качественные прилагательные положительной и отрица-

тельной семантики общей оценки (как, например: *good, beautiful, fantastic; horrible, foolish, etc.* / и частной оценки / *graceful, tactful; rotten, hysterical, etc.*).

Следующий по частотности употребления слой оценочной лексики – наречия меры и степени (как, например: *terribly, perfectly, extraordinarily, etc.*), участвующие в выражении положительной и отрицательной оценки или употребляющиеся в роли интенсификаторов оценки при прилагательном.

Качественные существительные, ласкательные слова и бранные слова, начиная с общеупотребительных слов с нейтральным значением (*fool, scoundrel, beggar*) и существительные, которые несут сами по себе сему эмоциональной оценки, как положительной (см., например: *genius, charm, beauty*), так и отрицательной (*brute, devil*); глаголы и глагольные сочетания отрицательной и положительной семантики (*to ruin, to hurt; to fascinate, to adore, etc.*) зафиксированы в следуемых оценочных текстах.

Зарегистрированные лексические средства наполняют следующие синтаксические модели:

- Subj + V link + Adj + (N)*
- Subj + V link + (N)*
- Subj + V link + (Int.) + Adj + (N)*
- That + N*
- That + N 1 + of + N 2*
- How + Adj + (Prn. + Verb)!*
- What + Adj + N*
- It's + Adj*
- How + Adv + Prn + V*
- It's + (Int) + Adj + of + Prn + Vinf. etc.*

Для выражения положительной и отрицательной

a) *рациональной оценки:*

- Sorel: *She used to be such fun before she married that gloomy little man.*
 Simon: *She was always a fierce poseuse. It's so silly of people to try and cultivate the artistic temperament. Au fond she's just a normal, bouncing English woman* [12,4].

b) *эмоциональной оценки:*

- Hanson: *Oh, I say. That's very good.*
 Maureen: *Lovely.*
 Sheila: *It was super, Miss.*

Hanson: *No, I really do think that was very good.*

Arnie: *Oh...This is the happiest day of my life. I want you to know that... Revelations are simply pouring from the skies! Sheila!* [14, 227]

Выражение различных видов оценок достигается соотношением лексических, грамматических и интонационных средств, выступающих в информационной структуре текста одновременно. Однако в ряде случаев интонация является одним из основных средств выражения оценки.

Для интонографического анализа было отобрано 20 текстов, начитанных 5 дикторами дважды, эмоционально и нейтрально. Весь корпус интонографических записей составил 200 текстов, однако детальному анализу были подвергнуты 120 наиболее информативных текстов диалогических единиц.

С целью изучения просодической организации оценочных текстов был применен метод компьютерного анализа речевой интонации. Для того чтобы организовать обработку речевых сигналов по выделению частоты основного тона и интенсивности использовалась программа по обработке и выделению интонограмм "Voice" (оцифровка аналогового сигнала в числовой ряд), разработанная в ЛЭФ ОНУ им. И. И. Мечникова. После контроля и анализа результатов обработки на экране монитора оцифрованных файлов речи максимальным отрезком 10 секунд была проведена распечатка графиков интенсивности и частоты основного тона в реальном режиме времени.

Данные экспериментального исследования обрабатывались при помощи методов математической статистики. Подобная методика исследования просодической структуры текста широко применяется в современной фонетике [3; 6].

Детальный сопоставительный анализ интонационной структуры текстов, реализующих различные виды оценки, показал, что оценочность на просодическом уровне выражается при помощи сложного взаимодействия параметров речевого сигнала: частоты основного тона, длительности и интенсивности.

При описании мелодического компонента интонации учитывались: форма мелодического контура, направление движения частоты основного тона, частотный диапазон всех фраз, составляющих оценочный текст, частотные интервалы предударного, первого ударного, главноударного и заударного слогов оценоч-

ной фразы, положение мелодического пика. Проведенное исследование показало, что мелодический контур фраз, выражающих различные виды эмоциональной и рациональной оценки, различен. Анализ движения основного тона показал, что для фраз в составе диалогических единиц, выражающих эмоциональную оценку, наиболее частотным является употребление нисходящего восходящего завершения в сочетании с восходящей шкалой. Например, интонографический анализ следующего отрывка текста, реализующего отрицательную эмоциональную оценку предмета:

- *And that's what you call great music? Is that right? Great music?*
- *Let's say it's a little distorted at the moment.*
- *Distorted? It's driving me mad.* [14, 103]

показал, что в эмоциональном прочтении диктором Линдой диапазон падения во фразе "*It's driving me mad*" намного шире (от 356 Гц до 178 Гц), чем у диктора Майкла (от 159 Гц до 129 Гц), в то время как диапазон восходящей части у диктора Линды составляет от 178 Гц до 321 Гц, у диктора Майкла – от 129 Гц до 180 Гц. В нейтральном прочтении эта же фраза текста оформляется нисходящим ядерным тоном, диапазон падения составляет от 85 Гц до 45 Гц у диктора Майкла и от 150 Гц до 70 Гц у диктора Линды. Максимум ЧОТ по тексту в эмоциональном прочтении составляет 280 Гц (Майкл) и 420 Гц (Линда) и приходится на ударный слог односоставного вопросительного предложения "*Distorted?*", в то время как в нейтральном чтении максимум ЧОТ по тексту приходится на первый ударный слог фразы "*It's driving me mad*" - 150 Гц (Майкл) и 170 Гц (Линда).

Высказывания, выражающие положительную эмоциональную оценку в тексте, оформляются скользящей шкалой, при условии, что оценочное слово или интенсификатор акцентно выделены. Фразы, реализующие эмоциональную положительную оценку с оттенком восхищения [9], оформлялись также восходящей шкалой. Возрастание степени эмоциональной насыщенности оценки ведет к увеличению значений основных частотных характеристик фразы, частотного интервала оценочного слова и главноударного слога фразы.

Анализ частотных характеристик на уровне текста показал,

что мелодические характеристики выделяют фразы, несущие оценочную информацию: частотные диапазоны оценочных высказываний в целом превышают частотные диапазоны остальных фраз текстов (см. рис. 2, 3).

При описании временной структуры оценочных текстов учитывались: средняя длительность слога в оценочном слове, в высказывании, в тексте, длительность межфразовых, межсинтагменных и внутрисинтагменных пауз в тексте. Данные электроакустического анализа показали, что степень насыщенности паузами оценочных текстов, начитанных эмоционально, больше, чем текстов, начитанных нейтрально.

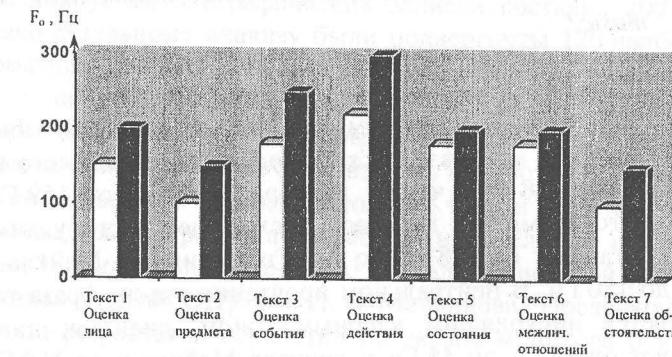

Рис. 2. Усредненные значения частотного диапазона эмоционально-оценочных фраз - ■ и остальных фраз текста - □

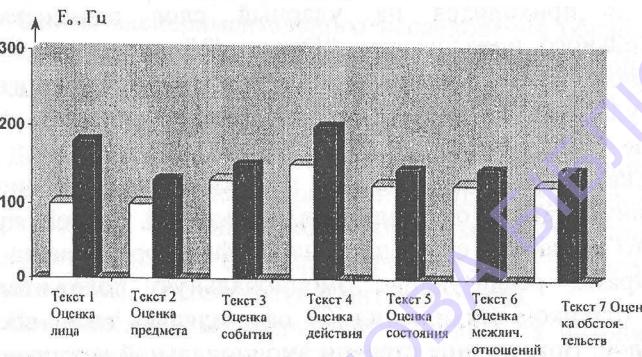

Рис. 3. Усредненные значения частотного диапазона рационально-оценочных фраз - ■ и остальных фраз текста - □

Несмотря на то, что синтагме свойственна интонационная целостность, исследуемые оценочные тексты характеризуются наличием внутрисинтагменных пауз, которые возникают перед оценочным словом, увеличивая его семантическую значимость. Некоторые исследователи считают такие паузы "эмоционально-оценочными интерполяциями" [7, 134; 11; 66]. Доля межфразовых, межсинтагменных и внутрисинтагменных пауз представлена на рис. 4.

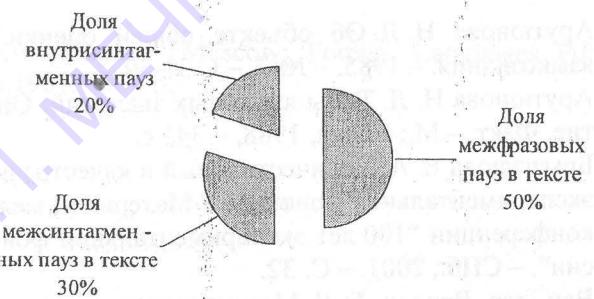

Рис.4. Объем паузации в эмоционально-оценочных текстах

Рассмотрение темпоральных характеристик на уровне текста показало, что темп речи редко остается стабильным на протяжении всего диалогического текста, выражающего оценку, и это способствует восприятию динамичности повествования.

При изучении динамической структуры оценочных текстов учитывались: максимумы интенсивности каждого слога фразы, среднеслоговая интенсивность оценочного слова, оценочной фразы, всего текста.

Анализ экспериментального материала показал, что пик интенсивности во фразах, реализующих эмоциональную оценку, приходится на главноударный слог оценочного слова. Например, в отрывке текста "*It's foolish to underestimate the police. Inspector Niel strikes me as a particularly intelligent man...*" [15, 28] максимум интенсивности реализуется в главноударном слоге слова *foolish* (36 dB). Если перед оценочным словом стоит интенсификатор оценки, то пик интенсивности перемещается на него. Во фразах, реализующих рациональную оценку, максимум интенсивности приходится на первый ударный слог фразы.

Итак, проведенное инструментальное исследование оценочных текстов определило роль просодии в выражении эмоциональной и рациональной оценки в тексте. Изучение интонацион-

ного оформления этих текстов дало возможность сделать следующий вывод: существует определенный набор просодических признаков, участвующих в дифференциации различных видов эмоциональной оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкоznания. – 1985. – № 3. – С.31-39.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Брызгунова Е. А. Количественный и качественный анализ в экспериментальной фонетике // Материалы международной конференции “100 лет экспериментальной фонетике в России”. – СПб., 2001. – С. 32.
4. Ван дер Варден Б. Л. Математическая статистика. – М.: Наука, 1960. – 493 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985.– 227 с.
6. Кантер Л. А. Просодические характеристики речи как объект системного анализа: Автореф. диссертации ...докт. филол. наук. – М., 1990. – 52 с.
7. Костромская Н. С. О двух аспектах временной организации устного текста (на материале английского спонтанного диалога и радиопьесы) // Сб. науч. тр./МГПИИЯ. – 1984. – Вып.239. – С.117-137.
8. Кошель Г. Г. Оценочные предикатные номинации в современном английском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М.: 1980. – 27 с.
9. Нушикян Э. А. Типология интонации эмоциональной речи. – Киев-Одесса: Вища школа, 1986. – 160 с.
10. Харченко В. К. Характеристика производных оценочных значений имён существительных в русском языке: Автореф. дис..... канд. филол. наук. – Л.,1973. – 16 с.
11. Fach, M. L. A Comparison between Syntactic and Prosodic Phrasing // Proceedings of the Sixth European conference on Speech Communication and Technology “Eurospeech’99”. – Budapest, 1999. – 207 p.
12. Coward, N. Plays: One. Hay Fever, The Vortex, Fallen Angels,

- Easy Virtue // The Master Playwrights. – London, – 1979. – 358 p.
13. Maugham, W. S. The Moon and Sixpence. – Moscow: Progress Publishers, 1972. – 239 p.
14. Modern English Plays. – London: Pan Books, 1976. – 565 p.
15. Priestley, J. B. An Inspector Calls. – London/Toronto, 1962. – 301 p.
16. Wilde, O. Plays. – Moscow: Foreign Languages Publishing House,1961. –360 p.

ФОНЕТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ПОЗИЦИИ В СЛОВЕ (на материале многосложных слов немецкого языка)

Основной структурной единицей любого языка мира является слово [2; 7; 8, 305], которое находится в центре изучения всех основных лингвистических дисциплин: фонетики, грамматики, лексикологии. Несмотря на это, проблема слова является, пожалуй, одной из самых спорных в науке о языке. Н. Аваизбаев, исследуя развитие вышеуказанного объекта, пришел к выводу, что “сами различия в подходах к определению слова свидетельствуют о его сложности и своеобразии” [1, 9]. В то же время, по мнению И. И. Ревзина “многие лингвисты предпочитают вообще не давать определения слова” [11, 33].

Среди прочих аспектов слова, которые требуют дальнейшей разработки, можно назвать проблему распределения звуков в пределах слова в зависимости от их позиции. Анализ особенностей сочетаний согласных на фонематическом уровне позволил сделать выводы о существовании артикуляционных закономерностей в этих сочетаниях. Вышеназванные закономерности сочтаемости гласных и согласных фонем, их взаимодействие в пределах слога и слова в современном немецком языке анализировались во многих лингвистических работах [3; 10; 14; 15; 16].

Дж. Гринберг, используя данные 104 языков мира, не обнаружил определенных связей между начальными и конечными согласными в пределах одного слова [4]. По имеющимся в его распоряжении материалам оказалось невозможным определить зависимость между согласными в слове в указанных позициях: “Хотя определенные связи между начальными и конечными системами нельзя исключить, ... оказалось невозможным сформулировать какие-либо правила, связывающие эти системы” [4, 45]. В то же время, как указывает Л. Г. Зубкова, “одним из средств сегментной организации слова служит преимущественная закрепленность отдельных классов фонем за определенными позициями” [7, 7].

Начальная позиция традиционно считается более сильной по сравнению с конечной [см.: 5; 6; 7; 13]. Установлено, что анлаут слова является более энергетичным по сравнению с его концом, и слова строятся по принципу восходящей звучности. Так,

например, по мнению Л. Р. Зиндера, начало слова, связанное с выведением органов произношения из состояния покоя, требует сосредоточения внимания говорящего. “Начало фонации – это, несомненно, более активный процесс, чем конец ее” [5, 239]. По мнению Л. Г. Зубковой особую роль в формировании слова играет изменение силы воздушной струи и напряженности артикуляции на протяжении слова [7].

В то же время особенности фонетического оформления слова в различных языках разные. Так, по мнению А. А. Реформатского, все в языке, в том числе и фонетика, подчинено “действию особых законов, которые отличаются от законов природы тем, что они действуют не повсеместно, а в пределах определенного языка или группы родственных языков и действуют в пределах определенного времени” [12, 478].

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к заключению, что проблема изучения отдельных участков слова и сравнение этих участков в конкретных языках является актуальной. Результаты такого исследования будут способствовать более глубокому пониманию слова в целом и найдут применение в методике обучения языкам.

Цель данного исследования заключается в установлении объективных характеристик различных частей слова на примере смычно-взрывных согласных в немецком языке. Предметом исследования выступили немецкие смычно-взрывные согласные в различных позициях слова.

Экспериментальные методы выполняют в фонетике ведущую роль. О преимуществах этого метода Л. Р. Зиндер писал следующее: “Эксперимент, как известно, отличается от наблюдения тем, что исследователь не пассивно учитывает поведение объекта в различных условиях, а ставит объект в определенные условия для того, чтобы выяснить какова связь между этими условиями и интересующим его явлением” [5, 22]. В нашем исследовании был проведен экспериментально-фонетический анализ смычных согласных звуков в современном немецком языке.

В задачу анализа входило определение средней интенсивности смычных согласных в различных позициях немецкого слова: в начале, середине и конце.

Поставленные частные задачи в нашем исследовании определили планирование и проведение эксперимента с помощью электроакустической аппаратуры.

Исследования были проведены в лаборатории экспериментальной фонетики Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

Решить вышеописанные частные задачи экспериментально-фонетического исследования позволяет анализ осцилограммы. При помощи осцилограммы можно получить все основные характеристики звуков и их сочетаний: "Осциллографическая кризисная содержит сведения об акустических свойствах регистрируемого сигнала" [5, 22].

Подготовка инструментального исследования согласных звуков и их сочетаний в различных позициях слова включала предварительную компьютерную обработку озвученного дикторами словарного материала и состояла из ряда последовательных операций.

Нами было отобрано 150 слов, содержащих смычные согласные в различных позициях слова: в анлауте, ауслауте и инлауте. Эти слова были записаны в двух вариантах, отличающихся различным порядком следования слов. Отобранные слова были озвучены двумя дикторами (мужчиной и женщиной) – носителями немецкого языка. Таким образом, общий объем речевого материала составил 600 образцов.

В данном исследовании оцифровка аналоговых сигналов, записанных на магнитную пленку IEC1, производилась при помощи программы Wincecil путем присоединения аудиосистемы SONY FH-50WX к звуковой карте AW-32 персонального компьютера Pentium-2. Шестнадцатиразрядные звуковые файлы, полученные в результате оцифровки с частотой дискретизации 11025 Гц, были сохранены на твердом диске в формате *. wav. Выбор данной частоты дискретизации связан с исследованием единиц сегментного уровня, в частности, согласных звуков, спектр которых, как правило, охватывает высокие частоты (8000-10000 Гц).

Полученный звуковой материал был разбит на отрезки, содержащие не более двух слов. Общая длительность каждого из отрезков находилась в пределах 3 секунд. Вновь полученный материал сохранен в виде отдельных файлов в соответствующих ди-

ректориях. Далее оцифрованный материал был обработан в программе Wincecil, позволяющий, среди прочего, выводить на экран компьютера осциллограмму выделенного отрезка и контуры пределов изменения интенсивности в диапазоне от 40 до 100 дБ.

Используемый программный пакет обработки данных дает возможность не только увеличивать сегментированный речевой интервал, но и прослушать его в разных скоростных режимах, которые задаются пользователем. Программа позволяет выделить нужный речевой интервал при помощи двух курсоров (основного и вспомогательного) и прослушать его в одном из выбранных скоростных режимов. Для повышения точности на экран дисплея могут быть выведены несколько окон одновременно. В нашем исследовании были использовано два окна с изображением одного и того отсегментированного участка в виде осцилограмм и контура пределов изменения интенсивности. Полученные результаты измерений были представлены в виде электронных таблиц Excel 97 с целью дальнейшей обработки данных (в том числе для более быстрого получения среднестатистического значения массива чисел).

Согласные звуки сравнивались по уровню интенсивности на различных участках слова. Среднестатистические данные этого параметра представлены в таблицах 1 и 2 для мужского и женского голоса соответственно.

Из таблиц 1 и 2 видно, что представленные согласные обладают наибольшей интенсивностью при произношении в серединной позиции слова. В начальной позиции их интенсивность сравнительно меньше, а в ауслауте интенсивность представленных звуков наименьшая.

Таблица 1
Усредненное значение интенсивности (в дБ) смычно-взрывных согласных в различных позициях немецкого слова (мужской голос)

Согласные	Позиция в слове		
	начало	середина	конец
p	40,68	64,4	4,4
t	43,2	51,7	6,2
k	39,6	47,5	11,9
b	50,4	56,7	–
d	44,2	56,6	–
g	40,4	53,1	–

Таблица 2

Усредненное значение интенсивности (в дБ) смычно-взрывных согласных в различных позициях немецкого слова (женский голос)

Согласные	Позиция в слове		
	начало	середина	конец
p	35,91	39,25	6,8
t	39,44	45,38	5,08
k	27,87	35,66	6,11
b	38,15	69,94	—
d	42,88	47,33	—
g	44,43	51,92	—

Экспериментально-фонетическое исследование показало, что сила произнесения звуков, а отсюда соответственно и артикуляционные усилия [13], которые затрачиваются на произнесение смычных звуков в начальной, конечной и серединной позициях слова, различны. Следовательно, при рассмотрении звуков и их сочетаний следует учитывать три позиции их реализаций – начальную, серединную и конечную.

Различие трех сильных позиций в слове позволяет заключить, что в этих позициях представлена различная фонотактика слова, а также по-разному происходят фонетические процессы в ходе развития языка. Это предположение было проверено на материале реализации отдельных сочетаний согласных в немецких словах в различные периоды развития немецкого языка – древневерхненемецкий (дvn.), средневерхненемецкий (свн.) и ранневерхненемецкий (рнвн.).

Нами была выполнена выборка (более 30000 слов) из текстов дvn., свн. и рнвн. языка. Сопоставительный анализ сочетаний согласных в инициальной, медиальной и финальной позициях слова выявил ряд существенных отличий. Наиболее существенные расхождения наблюдаются в начальной и конечной позициях. Это обусловлено тем, что в немецком языке в анлауте реализуются структуры с восходящим изменением артикуляторной напряженности (типа ST-, TR-, STR-), в то же время в конечной позиции наиболее типичными являются сочетания согласных, имеющие нисходящее изменение (типа -RS, -RTS): "...внутренние отношения в структуре слова в различные периоды существования немецкого языка являются, в принципе, сходными и характери-

зуются восходящим изменением начальных согласных и нисходящим или его комбинациями с восходящим в конце слова (а также ровным в рнвн. и ин. языке)" [9, 143].

Сравним сочетания согласных, имеющих восходящее изменение артикуляторной напряженности, в начале и середине слова на примере дvn. слов.

В серединной позиции слова среди структур с восходящей артикуляторной напряженностью встретилось 30 сочетаний. Однако среди них есть такие, которые отсутствуют в начальной позиции слова. Это – tm, tn, tl, dn, dl, ft, fd, fm, fg, dm, km, bn, gm, xn, pn. То есть, наряду с сочетаниями согласных, которые могут быть реализованы в обеих рассматриваемых позициях, в выборке имеются комбинации звуков, характерные только для серединной позиции.

В медиальной позиции имеют место следующие трехконсонантные сочетания с восходящим изменением артикуляторной напряженности: skr, stn, skw, stm, spr, skn, str, xtn, xtr. В то же время в начале слова встречаются только три сочетания консонантов: str, spr, skr.

Аналогичные случаи реализации различных сочетаний согласных в анлауте и инлауте имеются в свн., рнвн., а также в современном немецком языке.

Таким образом, при анализе акустических характеристик звуков и рассмотрений реализации их сочетаний в различные периоды развития немецкого языка необходимо различать три фонетически значимые позиции в слове: начальную, серединную и конечную. Артикуляционные усилия, затрачиваемые на произнесение консонантов в инициальной, медиальной и финальной позициях, являются существенно различными, что и приводит к реализации неодинаковых по силе звуков и их сочетаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авазбаев Н. Фонотактическая структура односложного слова во флексивных и агглютинативных языках (на материале некоторых индоевропейских и тюркских языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 1992. – 33 с.
2. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1991. – 150 с.

3. Гайдучик С. М. Фонотактические особенности немецкого языка // Экспериментальный анализ устных и письменных текстов. – Минск, 1981. – С. 25-34.
4. Гринберг Дж. Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных // Вопросы языкознания. – 1964. – № 4. – С. 41 – 65.
5. Зиндер Л. Р. Общая фонетика, – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – 336 с.
6. Златоустова Л. В. Фонетическая структура слова в потоке речи. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1962. – 152 с.
7. Зубкова Л. Г. Сегментная организация слова. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1977. – 93 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
9. Пересада И. В. Развитие фонетической структуры односложного слова в немецком языке (на материале древне- и средневерхненемецких текстов) // Записки з романо-германської філології. – Одесса: Латстар, 2001. – С.136-146.
10. Рабинович А. И. Сочетаемость гласных в начале и конце немецкого слова // Зарубежное языкознание и литература. – Алма-Ата: Изд-во Каз. гос. ун-та им. С. М. Кирова, 1971. – Вып.1. – С. 27-38.
11. Ревзин И. И. К формальному описанию изменений в консонантном анлауте немецкого слова // Звуковой строй языка. – М.: Наука, 1979. – С. 238-243.
12. Реформатский А. А. Введение в языкознание. – М.: Аспект пресс, 2000. – 536 с.
13. Таранец В. Г. Энергетическая теория речи. – Киев: Вища шк., 1981. – 146 с.
14. Lindner G. Lautfolgestrukturen im Deutschen // Ztschr. für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – 1980. – Bd.23, H.4. – S.468 – 477.
15. Meinhold G., Stock E. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1980. – 256 s.
16. Rannut, M. Consonant combinatorics in German. – Tallin: Acad. of Sc. of the Estonian S. S. R. Institute of Language and Literature, 1987. – 18 p.

И. Н. Потапова

МАЛЫЕ ФОРМЫ: ЭПИГРАММА КАК ТИП ТЕКСТА

В современном литературоведении, как в отечественной, так и в зарубежной науке, до публикации в 1983 г. монографии Н. Ф. Чистяковой по греческой эпиграмме, не было общих работ по истории античной эпиграммы. Все источники, указанные в библиографическом списке к данной статье, исключая В. Комаски (21) и С. Бетинелли (22), являются либо антологиями (сборниками эпиграмм) с кратким предисловием и без критического аппарата, либо общими исследованиями по литературоведению, где эпиграмму изучали только в сопоставлении с другими видами и жанрами поэзии. Из того же списка следует, что среди антологий эпиграмм, выпущенных в России, итальянская вообще отсутствует.

Между тем редко какой литератор обходил эпиграмму своим вниманием. В посвящении эпиграмме Е. Баратынский называет ее “окочченной летуньей” [5, 237], А. С. Пушкин – “булавкой”, которой коллекционер-естествоиспытатель прикрепляет к листу картона насекомых [6, 131]. Эпиграмма – это нечто вроде “мулеты, которой торero приводит в кровавую ярость быка” [4, 8].

Этой малютке, которая, по классификации теоретика классицизма Николà Буало-Депрео в трактате “Поэтическое искусство”, заняла самое последнее место в иерархии литературных жанров [11, 71], посвятили тома антологий немецкий просветитель Лессинг, испанец Федерико Карлос Саинс де Роблес, англичанин В. Петон, авторами эпиграмм были Ларошфуко, Паскаль, Байрон, У. Блейк, О. Уайльд, М. Твен, Альфонс Доде, Андре Моруа, Гёте, Шиллер, Лопе де Вега, Аларкон, Тирсо де Молина, Кальдерон.

Литературовед Джино Руоцци является автором антологии итальянских эпиграмм, изданной в Италии в 2001г. Будучи исследователем малых литературных форм – дневников, мыслей (“*pensieri*” [23, 3]), максим, афоризмов и эпиграмм, он отводит последней особое место. Благодаря его обстоятельному и систематизированному сборнику эпиграмматических текстов мы располагаем бесценным материалом для исследования.

Определение эпиграмме дал итальянский критик Джованни Баттиста Никколини в предисловии к “Эпиграммам” Анджело Марии Д’Эльчи: “Эпиграмма бывает двух видов: один – это злобное и острое высказывание, другой – веселое, яркое, привлекательное, радостное [17, XII]”. Несмотря на то, что классификация содержит только две категории, в ней отражена вся история жанра.

В творчестве писателей – классиков эпиграмма всегда считалась формой упражнения в умении имитировать или подражать слогу признанных поэтов. Само слово “эпиграмма” в переводе с греческого *epigr̄phein* означает “надпись”: на мемориальной доске, памятнике, здании, подарке и т. п., объясняющая значение предмета. Итальянский поэт Джованни Пасколи, “чарующий певец саркофагов” [13, VII], пишет, что “в Греции после смерти Александра Македонского (323 г. до н. э.) вновь расцвела субъективная поэзия, поэзия чувства, и маленькая эпиграмма, которая появилась сначала в виде скорбной надписи, превратилась потом в самую популярную форму поэзии и служила любви и ненависти, шутливой сатире и трезвому размышлению” [18, 21]. Уже тогда выходит на первый план двойственность эпиграммы – элегантного эпиграфа (греч. *epigraphe* – надпись), драгоценного воспоминания одного мгновения, мимолетного образа – с одной стороны, и выпада, злого сарказма, изобличения, срывающего маску с того, у кого “сладкие речи и желчь в сердце” [18, 11] – с другой.

Первая традиция, а ее в основном представляет римский поэт Катулл, не получила такого развития, как вторая, которая своим появлением обязана римскому поэту Марку Валерию Марциалу. У Марциала, по словам Г. Э. Лессинга, “эпиграмма впервые обретает свои жанровые законы. Появляется напряжение эпиграмматического сюжета, который складывается из ожидания и осуществления двух элементов, вступающих в противоречие, что является непременным условием жанра” [12, 11].

Экспансия эпиграмматического жанра, обогащавшего другие жанры, давала возможность самой эпиграмме обогащаться за их счет.

Традиция выпада (лат. *invectiva*) присуща как поэзии на итальянском языке, так и прозе на латыни, например, прозе Петrarки (*Invective contra medicum* – Нападки на врача, *Invectiva contra eum maledixit Italie* – Выпад против клеветнической Ита-

лии). Под влиянием поэтического жанра эпиграммы в итальянской прозе XIV в. появляется так называемая *facezia* (шутка, острота). Эпиграммы и шутки – основа для будущих “изящных острот” и “находчивых ответов”, которые восхвалял Боккаччо в шестом дне “Декамерона”. Боккаччо сделал определенный вклад в распространение эпиграмм Марциала в эпоху средневековья, вложив в уста своих персонажей блестящие остроумно – язвительные реплики, характерные для образованного круга собеседников той эпохи. У автора антологии эпиграмм на греческом Анджело Полициано, известного не только своим переводом “Илиады”, но и своими “гениальными исследованиями в области литературных жанров” [13, VIII], интерес шутке (*facezia*) на итальянском и эпиграмме на латыни и греческом объединяются.

В XIV-XV вв. в связи с падением Византии и наступлением турок на Балканах, греческие интеллектуалы и писатели стали прибывать в Италию, что способствовало возрождению жанра эпиграммы. Среди них был Джано Ласкарис – автор эпиграмм на латыни и греческом. Под его редакцией во Флоренции в 1494 году была выпущена Палатинская антология – главное собрание греческой эпиграмматической поэзии. За этой антологией последовали несколько других. Первое издание антологии в том виде, в каком мы читаем ее теперь, появилось в 1772-76 гг. в Страсбурге под редакцией П. Брунка.

Впоследствии многие авторы будут переводить эпиграммы на итальянский язык, среди них Джузеппе Парини и Джакомо Леопарди.

В эпиграмме смешиваются трагическое и смешное. Подчас возвышенная поэзия эпиграммы становится стихом с банальным смыслом. Эпиграмма развенчивает, лишает ореола святости, даже когда речь идет о теме жизни и смерти. Одним из свойств эпиграммы является то, что смысл ее не требует дополнительного объяснения. Содержание и цель высказывания обычно эксплицитны. Тот, к кому обращена эпиграмма, как правило, указан в заголовке. Иногда все же определенные указания на личность со временем могут быть утрачены.

Филолог-комментатор итальянских классиков Уго Фосколо так писал в 1795 году о жанровой особенности эпиграммы – “это беседа в стихах, которые читают по разным поводам” [19, 27]. Ее можно услышать где угодно: в стенах, где проходят политиче-

ские прения и где вручают литературные премии, в салонах и в редакциях газет. Эпиграмма нравится именно потому, что подразумевает и провоцирует ответ. Подчас это жанр сверхобразованных поэтов, подчас – просто поэтический мотив, короткая рифма, считалочка. Многие действующие лица – нарицательные герои (высокомерный поэт, скряга, продажный судья). Порой это жеманный и вычурный жанр с удивительными образами. Теоретику Людовико Антонио Муратори не нравились чрезмерно изысканные остроты – любимое упражнение в стиле барокко и в подражание писателю Джамбаттисте Марино – одному из крупнейших зачинателей литературы барокко в Италии, влиятельнейшему итальянскому поэту европейской литературы XVII в. в трактате “О совершенной итальянской поэзии” (1706 г.) он говорит о “порочных остротах, или скорее проницательных остротах, или даже проницательных экстравагантных художественных образах”, которые “ослепляют блеском чаще всего фальшивых самоцветов” [20, 121]. И тем не менее, остроты в эпиграммах составляют всю их силу и прелесть. Эпиграмма ядовита и жало ее направлено против того, кому адресована. В то же самое время автор веселится, и в случае, если это игра, веселится и тот, кто эту игру принимает.

Писатель Джованни Верга называет эпиграмму “сильной и проворной” (“Королевский тигр”, 1875). Alessandro Mandzoni говорит о ней как о “раздосадованной, оскорбительной”, способной “жестоко жалить” (“Фермо и Лючия”, 1823 г.). Эпиграмма разоблачает. Поэзия крупных жанров это делает величественно, драмы помещаются в трагикомическую повседневность, дерзкая эпиграмма с удивительной меткостью поражает цель, автор двумя-тремя штрихами создает убийственно карикатурный портрет.

Эпиграмма – жанр реалистический. Марциал называл ее жанром, который ближе стоит к жизни и ее потребностям, чем величественные эпические и мифологические поэмы:

То ты читай, где сама жизнь говорит: “Это я”.

Здесь ты нигде не найдешь ни Горгон, ни Кентавров, ни Гарпий,

Нет, – человеком у нас каждый листок отдает [3, 282].

Как пишет критик Гайо Фратини: “меткость эпиграммы в том, чтобы не послать мяч в угол, на трибуну, вбок” [20, 8]. Таким образом, говорить открыто – это свойство и необходимость

эпиграммы. Нравственная действенность эпиграммы заключена в ее способности вызывать незамедлительную реакцию человека. Марциал именно поэтому особо ценит в эпиграмме остроту:

Пища и та ведь пресна, коль не сдобrena уксусом едким;

Что нам в улыбке, коль ямочки нет на щеке?

Яблок медовых и смокв безвкусных давай-ка ты детям,
Мне же по вкусу лишь та фига, которая жжет” [3, 199].

Эпиграмма соизмеряется с историей, желательно с историей маленькой и глубоко личной (“безделицей” у Катулла). Она обычно не выходит за свои рамки в историю большую. Хотя отдельные политические эпиграммы затрагивают и социальные проблемы, обычаи, мораль.

Вопрос о длине эпиграммы остается открытым и по сей день. Примером самого удачного размера считается дистих из Палатинской антологии. Но автор эпиграммы “не дает посадить себя в слишком тесную клетку” [13, XII]. В одной из своих коротких эпиграмм Марциал отстаивает право автора самому выбирать размер эпиграммы. У него можно встретить эпиграммы, в которых более 20-30 строк. В Палатинской антологии содержатся эпиграммы длиной в 58 строк. Их автор – Агаций Сколастико, живший при дворе Юстиниана между 536-582 гг. Основным критерием для выбора размера эпиграммы является то количество строк, которое позволит автору наиболее полно завершить тему.

Катулла принято считать образцом эпиграмматического жанра не только за его изысканный стиль, но и за свободный выбор количества строк в эпиграмме: от двух до нескольких десятков.

О природе эпиграммы написано множество книг, равно как и самих эпиграмм. Более того, как правило, тот, кто пишет об эпиграммах, одновременно является и их автором. Вот несколько имен: Лессинг, Гердер, Беттинелли, Леопарди. Винченцо Комаски вслед за своим “Очерком об итальянской эпиграмме” [21, 43] публикует антологию сорока эпиграмм, автором которых был он сам. Рецензент “Очерка” Комаски, Джован Баттиста Сомис, издает в 1793 г. сорок своих эпиграмм.

Выдающийся французский критик Никола Буало-Депрео в трактате “Поэтическое искусство” говорит, что именно итальянцы, особенно самый популярный европейский поэт XVII в. Джамбаттиста Марино, – виновники появления во французской

литературе так называемого *pointe* – остряя, завершающей мысли, проливающей свет на сказанное раньше. Однако, Буало критикует остроумие ради остроумия, слова, лишенные содержания, порождающие фантастические образы [11, 19].

Несмотря на то, что французская эпиграмма родилась веком позже итальянской, Франция надолго удержит пальму первенства и, по словам Леопарди, превратится в родину современной эпиграммы [24, 115]. В своих “Письмах об эпиграмме” исследователь данного жанра С. Беттинелли, считая Вольтера лучшим среди создателей эпиграмм, писал: “Великим образцом стал Вольтер. Язвительные и колкие остроты, распространившиеся по Европе, создали ему славу непревзойденного собеседника и светила первой величины своей эпохи” [22, 201].

Дж. Леопарди признает, что первым, кто употребил слово “эпиграмма” на итальянском языке был флорентиец Луиджи Аламанни, друг Макиавелли [24, 66]. Написанные им между 1540 и 1546 гг. эпиграммы были посмертно опубликованы в Париже в 1587 г.

Свыше тысячи эпиграмм в форме дистиха в начале XVII в. написал энциклопедист Бернардино Балди. Он разделил их на пять групп: морали, высказывания остроумные, торжественные, смешные и разные.

В это же время намечается процесс трансформации эпиграммы во все более язвительное, иногда непристойное остроумное высказывание. Таковы были эпиграммы Томаса Мора и Эразма Роттердамского, написанные на латыни.

В английском языке с появлением “Эпиграмм” Бена Джонсона (1616 г.) рождается школа английской поэзии, называемая “школой остроумия” (“school of wit”), или консейтизм (от тенденции вводить в поэзию остроумные и замысловатые парадоксы и остроты – кончетти, родиной которых была Италия). Представителями консейтизма стали Джон Донн, Александр Поп, Джонатан Свифт, Уильям Блейк, Вальтер Ландор. Тогда же рождается традиция самой популярной формы английской эпиграммы – лиме-рика, среди авторов которой был Джеймс Джойс. Имя британского поэта Уистана Одена связано с появлением короткой поэтической формы “short”.

Если эпиграмма – это острье (“Эпиграмма, как спаржа, – писал А. Кампаниле, – все самое лучшее в острие” [25, XX]), то

как в хорошем, так и в плохом смысле, острье может “угодить” в любой жанр, например, живопись. Настоящей “галереей” эпиграмм стал сборник Джамбаттисты Марино (1619г.), который так и назывался “Галерея” [14, XXIII]. Подписи под реальными и фантастическими картинами, собранными в данной галерее, посвящены античным и современным персонажам. Эти эпиграммы – *ecfrastici* (описания произведений искусства) – сохраняют традицию Палатинской антологии, являясь в то же время маленькой эпиграмматической энциклопедией.

Дж. Марино использует хвалебный тон так же, как и тон сатиры, и выпада. Его эпиграмма не только литературная игра, но и инструмент религиозного и политического разоблачения.

Среди авторов эпиграммы XX века такие имена как Дария Мениканти и Мария Луиза Спациани, которые предложили новое прочтение тематики античной Палатинской антологии; Альда Мерини отдавала предпочтение сарказму и эротике; Патриция Кавалли была автором иронических и сентиментальных дневниковых записей в виде эпиграмм; Сальваторе Квазимodo большую часть своего труда посвятил переводу греческих эпиграмм; Валентино Зейкен свои едкие эпиграммы объединил в сборнике “Карманная метафизика”, адресованном римским интеллектуалам.

По определению В. Комаски “здравье” эпиграммы XX века было удовлетворительным и “в отличие от других форм, доставшихся в наследство от классической античности, часто забытыми, эпиграмма продолжала жить” [21,11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов В. Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX в. – Т. 1. – М. – Л., 1931. – 575 с.
2. Немецкая эпиграмма. – М.: Книга, 1986. – 101 с.
3. Марциал. Эпиграммы. – М.: Худож. лит., 1968. – 487 с.
4. Испанская классическая эпиграмма (Предисл. Е. Эткнда). – М.: Худож. лит., 1970. – 309 с.
5. Баратынский Е. А. Стихотворения. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1977. – 384 с.
6. Пушкин А. С. Эпиграммы. – М.: Худож. лит., 1979. – 167 с.
7. Русская классическая эпиграмма. – М.: Худож. лит., 1986. – 358 с.

8. Английская классическая эпиграмма. – М.: Худож. лит., 1987. – 326 с.
9. Греческие эпиграммы (VII в. до н. э. – IX в. н. э.). – М. – Л.: Academia, тип. “Кр. Пролетарий” в МСК, 1935. – 315 с.
10. Французская эпиграмма. – М.: Книга, 1986. – 139 с.
11. Буало-Депрео Н. Поэтическое искусство. – М.: Госуд. изд. Худ. лит., 1957. – 232 с.
12. Лессинг Г. Э. Избранное. – М.: Худож. лит., 1980. – 574 с.
13. Gino Ruozzi. Epigrammi italiani. – Einaudi tascabili, – Torino, 2001.
14. Giovan Battista Marino. La Galeria, 2 voll., Liviana, – Padova, 1979.
15. Epigrammi di Marziale. – Einaudi, 1964.
16. Poesie di Catullo. – Einaudi, 1969.
17. Angelo Maria D’Elci. Satire, epigrammi, epitaffi e poesie latine. Silvestri, – Milano, 1841.
18. La poesia latina di G. Pascoli, La Nuova Italia, – Firenze, 1996.
19. Tragedie e poesie minori, a cura di G. Bezzola, Le Monnier, – Firenze, 1961.
20. Poesie e discorsi sulla poesia, a cura di G. Finzi, Mondadori, – Milano, 1971.
21. Comaschi V. Saggio sopra l’epigramma italiano, Bodoni, – Parma, 1792.
22. Bettinelli. S. Lettere a Lesbia Cidonia sopra gli epigrammi, Cesare, – Venezia, 1801.
23. Ruozzi, Gino. Forme brevi. Pensieri, massime e aforismi nel Novecento italiano. Goliardica, – Milano, 1992.
24. Rigoni, M. A. Il pensiero di Leopardi, Bompiani, – Milano, 1997.
25. Davico Bonino, G.. I capolavori dell’epigramma italiano. Dalle origini ai giorni nostri, Club degli Editori, – Milano, 1975.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (на базе распределительного словаря по географии)

Естественный язык принято считать особого рода семиотической системой или, вернее, совокупностью систем.

При выборе темы и метода исследования нами учитывалась сложность структуры естественного языка, система которого представляет собой многоярусную иерархию различных подсистем, в частности подъязыков – профессиональных, научных, социальных и др. [4]. При этом мы присоединяемся к точке зрения Н. Д. Андреева, автора метода структурно-вероятностного анализа языка, о том, что “подъязыками уместно называть набор языковых элементов и их соотношений в текстах с однородной тематикой, характерный для данной тематики” [2].

Естественный язык, обладающий широкой “открытостью”, не имеет окончательно очерченных количественных параметров и трудно поддаётся строгой формализации. В то же время подъязыки, составляющие иерархию общей системы языка, являются замкнутыми образованиями и поэтому в значительной мере формализуемы [2]. Структурно-вероятностный метод базируется на основополагающем тезисе о том, что существует прямая взаимозависимость между структурными оппозициями в языке и вероятностными соотношениями в речи [1]. Этот тезис подводит нас к допустимости изучения языка через анализ речевых манифестаций.

Для решения поставленной нами задачи была исследована системность лексического уровня подъязыка географии. Одним из критериев описания системы является взаимосвязь парадигматических и синтагматических отношений, как наиболее удовлетворяющих системообразующему свойству. При структурно-вероятностном анализе подъязыка системность проявляет себя в совокупности независимых синтагматических вероятностей языковых элементов и набора их коррелятивных функций при различных условиях [2].

Одно из возможных направлений структурно-вероятностного метода сводится к созданию распределительного словаря, кото-

рый моделирует подъязыковую системность лексики, так как отражает функционирование лексики именно в парадигматико-сintагматических отношениях. На парадигматической оси фиксируется субстрат системы в виде множества языковых элементов (по вертикали сверху вниз), на котором интерпретируется совокупность отношений через установление связей элементов с коммуникативными сферами на сintагматической оси (образующей в словаре горизонтальную линию). На множестве языковых элементов фиксируются структурные, вероятностные и социальные (социофункциональные) сущностные свойства языка. Это и есть система, а описанный подход к выявлению системности называется *системным* в методологическом отношении. Он предложен А. И. Уемовым в рамках философской триадной концепции, в которой категории “вещь”, “свойство” и “отношение” рассматриваются во взаимосвязи; они определяются друг через друга и через них определяется система [9]. Системный подход к исследованию коммуникативной функции языка даёт один из возможных вариантов описания “языковой картины мира”.

Применение распределительного словаря наиболее эффективно для исследования крупных лексических массивов, включающих все слои лексики, в том числе стилистически нейтральный слой. Методика распределительного словаря лежит в основании как теории, так и практики объективной лексикографии, поскольку критерии отбора единиц в общие словари опираются на данные, содержащиеся в распределительном словаре. Нами составлен распределительный словарь по географии – основа для объективного выявления в лексической системе подъязыка географии специфической лексики, функционирующей в географических научных текстах. Фрагмент данного словаря – копия одной из его страниц, представлена в таблице 1, далее (табл. 1).

Наука не является однородным образованием, она слагается из взаимосвязанных отраслевых дисциплин. В классификации наук география занимает особое место, её основная особенность состоит в том, что она одновременно входит в состав естественных и общественных наук. География изучает взаимодействия природной среды и общества. Данная проблема приобрела чрезвычайную междисциплинарную актуальность в связи с научно-технической революцией, усложнением вопросов рационального природопользования и обострением экологических условий во

многих регионах мира [5]. Лексическая система подъязыка географии отражает особенности обслуживаемой ею науки и коррелирует с внешними связями её элементов с определёнными областями знаний. Внутрилингвистические черты подъязыковой типологии находят отражение, в частности, в распределительном словаре [7]. Поскольку изучение специфической лексики подъязыка географии осуществлялось на базе распределительного словаря, исходный объект исследования определила лексика 10-ти узкоспециальных подъязыков, обслуживающих соответствующие коммуникативные сферы в структуре географических исследований. Далее приводим их перечень [5] с указанием условных обозначений, использованных в табл. 1.

1. Общее землеведение (включая космическое землеведение) – ОЗ.
2. Геоморфология суши (включая геологию суши) – ГМ.
3. Климатология (включая метеорологию и гидрологию суши) – КЛ.
4. Биogeография (включая географию почв, почвоведение, медицинскую географию) – БГ.
5. Картография, обслуживающая географию (включая геодезию, топографию) – КГ.
6. Экономическая география (включая социальную географию) – ЭГ.
7. Региональная экономическая география – РЭГ.
8. Прикладная география (включая дисциплины прикладного характера: охрана природы, сферы обслуживания, туризм, военная география и др.) – ПГ.
9. Историческая география (географические открытия, развитие стран и городов) – ИГ.
10. Океанология – ОК.

Дисперсионные показатели словаря: $10 \text{ подъязыков} \times 10 \text{ выборок} \times 1000 \text{ лексических единиц} = 100 \text{ выборок} / 100\ 000 \text{ лексических единиц}$ – объём, позволивший установить статистически достоверную закономерность. Выборки получены методом случайного извлечения, сплошные, стандартные, фиксированные.

Для исследования привлекались произведения немецкоязычных авторов Германии – 80 %, Австрии и Швейцарии – 20 %. Использовались монографические сочинения, к которым мы при-

числям диссертации и учебники для вузов, и статьи научных журналов “Petermanns geographische Mitteilungen”, “Zeitschrift für geologische Wissenschaften” и др., а также материалы научных конференций, отчёты научно-исследовательских экспедиций и другие источники, которые мы относим к научным статьям. Монографии и статьи взяты в соотношении 50 % и 50 %. Научно-популярная литература из рассмотрения исключалась.

Распределительный словарь содержит слой наиболее употребительной, активной, лексики подъязыка географии. В него вошли слова, прошедшие эмпирически заданный порог появления, по определению Н. Д. Андреева, – “порог неслучайного появления” [2]. Далее мы пользовались порогом, предложенным Ш. А. Сунгуровым: “Если существительное встретилось в пяти выборках, глагол – в четырёх и остальные части речи – в шести, то они проходят порог вхождения и включаются в распределительный словарь” [8]. Критерий “отмеченности” слова, предложенный Ш. А. Сунгуровым, хорошо работает при объёме в 100 выборок, что позволило нам выделить для включения в словарь “отмеченную” лексику. Инвентарь распределительного словаря по географии составляет 1776 лексем. Термин “лексема” используется в работе применительно к словарной единице [6].

Каждому слову в парадигматическом списке слов распределительного словаря соответствует дистрибуция вероятностных показателей его употребления в узкоспециальных коммуникативных сферах, представленных на синтагматической оси в виде иерархии узкоспециальных подъязыков (табл. 1). Далее в тексте и в таблице 1, которая представляет собою фрагмент словаря, употребляется термин “подъязыки”.

Словарь учитывает представленность слов и их распределение, равномерное или неравномерное. Иначе говоря, в нём показано количество источников, в котором данное слово употреблялось, а также количество текстов, в которых оно отсутствовало (0-показатель), в обоих случаях указывая на специфику принадлежности слова к тематической области. Вероятность функционирования слов описывается в терминах числовых характеристик в пределах 0-10,0.

Таким образом, в терминах структурно-вероятностных показателей отражаются причинно-следственные связи между спецификой распределения тематически однородных текстов и детер-

минированной ею спецификой распределения. Специфика распределения как проявление этой связи состоит в том, что слова обнаруживают избирательное отношение к коммуникативным сферам: тяготеют к одним, избегают других, нейтральны к третьим.

Статистическая обработка данных позволила получить численные характеристики для каждой лексемы распределительного словаря. Такими характеристиками являются *относительное вхождение* (OB), или условная вероятность, отражающая вероятностное появление языкового элемента при заданном условии подъязыкового членения в эксперименте (верхняя строка в ряду цифр), и *среднее вхождение* (CB), или независимая от налагаемого условия вероятность функционирования элемента в текстах (конечная цифра в нижнем ряду цифр) – частное от деления суммарного показателя представленности слова, его *абсолютного вхождения* (AB) (конечная цифра в верхнем ряду цифр), на количество подъязыков. *Коррелятивная функция* (КФ) – отношение относительного вхождения к среднему (КФ=OB: CB) (нижний ряд цифр), отражает парадигматико-синтагматические отношения, структурирующие систему, и является основным формализованным показателем речевой вероятности, указывающим на специфику отношения слова к тематической области. Все показатели в словаре являются метаязыковыми: численные показатели функционирования слов и символы, обозначающие части речи, а также лексические типы. Зафиксированная в словаре метаязыковая информация, имплицитно связанная с определённым содержанием, в дальнейшем была лингвистически интерпретирована, т. е. исследование проводилось в направлении от плана выражения к плану содержания.

На основе идеи структурно-вероятностного анализа, состоящей в том, что качественные признаки языковых единиц самым непосредственным образом связаны с их количественным распределением в потоке речи и что изучение первых неотделимо от исследования вторых, естественным образом возникает понятие вероятностно-дифференциального признака, который характеризует группу языковых элементов, выступающих как качественно однородное целое на парадигматической оси, причём для каждого элемента из этой группы её общий вероятностно-дифференциальный признак достоверно реализуется с относительной частотой, в произвольном случае не равной единице на

синтагматической оси. Маркирование структурной группы производится по параметрическому превышению или параметрической недостаточности [2].

Посредством значений КФ в пределах $0,5 \leq \text{КФ} \leq 2,0$ нами были определены трёхмерные параметры вероятностно-дифференциальных признаков для типов распределения лексики: КФ = 0-0,4 “минус-специфичность”, КФ = 0,5-1,9 “нейтральность”, КФ $\geq 2,0$ “плюс-специфичность”. Таким образом была установлена шкала, позволяющая объективно дифференцировать степень специфичности лексики в пределах проводимого эксперимента на базе распределительного словаря.

Посредством смешения трёхмерных показателей вероятностно-дифференциальных признаков получили общие качественные характеристики слов [4]. Вся исследуемая лексика, пройдя через фильтр применяемого классификационного аппарата, по своим вероятностно – дифференциальным признакам объективно распределилась, составив пять лингвистических групп, или лексических типов – I, II, III, IV, V типы, которые и были приписаны каждому слову в словаре (табл. 1):

Таблица 1
Распределительный словарь по географии
(фрагмент)

СЛОВО / ПОДЪЯЗЫКИ	ОЗ 1	ГМ 2	КЛ 3	БГ 4	КГ 5	ЭГ 6	РЭ Г 7	ПГ 8	ИГ 9	ОК 10	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Grund S I	ОВ КФ	4	3	5	5	5	3	4	3	5	3
		1,0	0,8	1,9	1,3	1,3	0,8	1,0	0,8	1,3	0,8
gründen V V	0	0	0	1	0	1	0	1	3	0	6
Grundlage S V		0	0	0	1,7	0	1,7	0	1,7	5,0	0
		3	1	3	1	6	4	3	4	2	1
grundlegend A IV		1,1	0,4	1,1	0,4	2,1	1,4	1,1	1,4	0,7	0,4
		2	1	0	1	0	1	2	2	1	1
grundsätzlich A V		1,8	0,9	0	0,9	0	0,9	1,8	1,8	0,9	0,9
		0	1	2	2	0	1	0	0	1	7
grundsätzlich B V		0	1,4	2,9	2,9	0	1,4	0	0	0	1,4
		0	0	2	0	0	1	4	0	0	1
		0	0	2,5	0	0	1,3	5,0	0	0	1,3
		0	0	2,5	0	0	1,3	5,0	0	0	0,8

Gründung S II	0	0	0	0	0	0	1	0	3	1	5
Grundwasser S V	0	1	2	0	0	0	0	0	0	6,0	2,0
Gruppe S III	2	2	2	3	4	1	1	2	1	1	19
günstig A IV	1,0	1,0	1,0	1,6	2,1	0,5	0,5	1,0	0,5	0,5	1,9
Gürtel S V	2	3	5	3	2	5	3	3	1	0	27
gut A IV	0,7	1,1	1,9	1,1	0,7	1,9	1,1	1,1	0,4	0	2,7
Gürtel S V	3	0	0	1	0	0	0	0	1	1	6
gut A IV	5,0	0	0	1,7	0	0	0	0	1,7	1,7	0,6
gut B V	1	2	5	2	2	2	3	4	4	3	28
gut B V	0,4	0,7	1,8	0,7	0,7	0,7	1,1	1,4	1,4	1,1	2,8
haben V I	4	6	5	6	0	1	2	1	2	3	30
haben V I	1,3	2,0	1,7	2,0	0	0,3	0,7	0,3	0,7	1,0	3,0
haben V I	8	6	7	10	7	10	6	5	7	5	71
halb A V	0	0	1	0	1	0	0	0	0	2	3
halb A V	0	0	1,4	0	1,4	0	0	0	0	2,9	4,3
Hälften S V	2	1	1	0	0	0	3	4	2	4	3
Hälften S V	1,0	0,5	0,5	0	0	1,5	2,0	1,0	2,0	1,5	2,0

I тип нейтральной, или общеупотребительной, лексики, характеризующейся абсолютно равномерным распределением по всем подъязыкам словаря. Например, *Grund* (КФ=0,8 – 1,3); глагол *haben* (КФ=0,7 – 1,4);

II тип представляет сугубо специальную лексику, для которой присущее тяготение к одним подъязыкам и негативное отношение к остальным. Слово *Gründung* (КФ=6,0) употреблено в одном подъязыке из десяти, (КФ=2,0) в двух подъязыках и отсутствует в остальных семи (КФ=0);

III тип полуспециальной лексики отличается наличием показателей положительной специфичности и нейтральности: *Gruppe* (КФ = 2,1) в одном из подъязыков и (КФ = 0,5 – 1,6) в остальных;

IV тип полунейтральной лексики обнаруживает относительно равномерное распределение, приближаясь тем самым к I типу, обладает признаками нейтральности в большинстве подъязыков и отрицательной специфичностью в меньшинстве: *günstig* (КФ = 0,7 – 1,9) в восьми подъязыках и (КФ = 0 – 0,4) в двух. Смотри также слова *grundlegend*, *gut A*;

V тип лексики смешанной специфичности представлен всеми видами специфичности ±специфичность/нейтральность): *gründen*,

Grundlage, grundsätzlich A, grundsätzlich B, Grundwasser, Gürtel, gut B, halb, Hälfte – самый распространённый лексический тип.

Если I тип представляет абсолютно равномерное распределение слов по подъязыкам, то II, III, IV и V типы связаны с неравномерным распределением. Регулятором внутривыборочного (внутриподъязыкового) распределения является занимаемый лексикой объём коммуникативных сфер в пределах членения подъязыка географии. В эксперименте была установлена корреляция объёма коммуникативных сфер и соотносящимися между собой представленностью и специфичностью лексики.

Чем выше представленаность слова (AB), тем большая вероятность его употребления, которая реализуется в количестве охваченных подъязыков в пределах внутриподъязыкового членения, что составляет объём коммуникативных сфер. Чем больше объём коммуникативных сфер, тем большая возможность для более равномерного распределения слова, что в свою очередь обуславливает усиление признака нейтральности. И наоборот, небольшой объём коммуникативных сфер является своего рода ограничителем распределения, усиливающим признак специфичности слова. Таким образом, лексические типы отражают степень функциональной нагрузки слова под воздействием внеязыковых и внутриязыковых факторов, в конечном счёте – принадлежность к подъязыку, в нашем случае к подъязыку географии.

Отличительной чертой специфической лексики является её высокая “чувствительность” к отдельным подъязыкам – отрицательная при $K\Phi=0-0,4$ и положительная (тяготение) при $K\Phi \geq 2,0$. Показатель $K\Phi \geq 2,0$ мы экстраполировали на отбор “плюс-специфической” лексики из словаря подъязыка географии и получили список слов в количестве 1429 единиц. Если лексические типы отражают принадлежность слов к подъязыку как инварианту и вариацию распределения слов по узкоспециальным подъязыкам, то “плюс-специфическая” лексика показывает принадлежность к какому-либо узкоспециальному подъязыку (подъязыкам).

Таблица 2
Плюс-специфическая лексика подъязыка географии
современного немецкого языка
(фрагмент)

Слово	Подъязыки									
	ОЗ	ГМ	КЛ	БГ	КГ	ЭГ	РЭГ	ПГ	ИГ	ОК
										10
ab B								2,5	2,5	
abbilden V						6,0			2,0	2,0
Abbildung S						4,2				
abfließen V		3,3	2,2	2,2						
Abfluß S	2,0		2,0	2,0						4,0
abgeben V			4,0				2,0		2,0	2,0
abgrenzen V		2,5	2,5			2,5		2,5		
Abgrenzung S						2,9		2,9		
abhängen V				2,0						4,0
abhängig A				3,6						
Abkühlung S			6,0	4,0						
Ablagerung S	4,4			3,3						
Ablauf S	2,0		2,0	2,0						2,0
ablaufen V		4,0					2,0		4,0	
ableiten V		3,3							2,5	
ablesen V		2,5				5,0				2,5
ablösen V	4,0	2,0		2,0						2,0
abnehmen V				5,0	2,5					
Absatz S						3,3				
abschließen V								2,3		
Abschnitt S				2,3						2,3
absehen V									2,3	
absolut A						3,8				
abspielen, sich V		3,3								

Таблица 3

**Подъязыковое распределение плюс-специфической
/ КФ ≥ 2,0 / лексики / по убыванию КФ в каждом из
подъязыков уровня /
(фрагмент)**

1. Общее землеведение / включая космическое землеведение

/ 03 / – 317 лексем

КФ 8,0: *Blick S;*

6,7: Erhebung S;

5,7: gegliedert A;

5,0: ausdrücken, sich V; auszeichnen sich V; Gürtel S,

Niederung S, streichen V;

4,4: Ablagerung S;

*4,3: Gipfel S, namentlich B, überwiegen V,
unterbrechen V, wirklich A;*

*4,0: ablösen V, Abtragung S, Bach S, belegen V,
Bucht S,*

*Erdteil S, Flachland S, Flußtal S, Frühjahr S, Gefüge S,
Gletscher S,*

*hemmen V, sowjetisch A, Steppe S, Theorie S, Verarbeitung S,
vereinzeln V, Vernichtung S, verschütteln V, Wandlung S,
Wechsel S, Zone S, Zukunft S;*

3,8: Dauer S, hierzu B;

3,6: Eis S, Erfahrung S;

3,5: Relief S;

*3,3: anführen V, ausbilden V, ausbreiten, sich V; dünn
A, eben A, Endmoräne S, fehlen V, formal A, Gefälle S,
Gegebenheit S, Gegenwart S, Hundert S, keineswegs B, Mulde S,
Neigung S, Niederschlag S, Osten S, räumlich B, richten V.*

По каждому из указанных признаков составлен глоссарий (с
указанием специфики):

1. “Плюс-специфическая лексика подъязыка географии совре-
менного немецкого языка (на материале отмеченных слов)”.
Количество слов на парадигматической оси составляет
1429 лексем и на синтагматической оси распределения по
выборкам (текстам) подъязыков – 3011 словоупотреблений
(табл. 2).

2. “Подъязыковое распределение немецкой плюс-
специфической лексики в текстах подъязыка географии (по
убыванию степени специфичности)” (табл. 3). Представлены
справки слов по каждому из десяти подъязыков. Слова сгруппированы в соответствии с показателями КФ следующим об-
разом:

1. 03 – 317 лексем, КФ=8,0÷2,0; 2. ГМ – 306 лексем,
КФ=6,7÷2,0; 3. КЛ – 308 лексем, КФ=8,0÷2,0; 4. БГ –
316 лексем, КФ=10,0÷2,0; 5. КГ – 313 лексем, КФ=10,0÷2,0;
ЭГ – 301 лексем, КФ=8,3÷2,0; 7. Рэг – 307 лексем,
КФ=7,5÷2,0; 8. ПГ – 274 лексем, КФ=5,7÷2,0; 9. ИГ –
316 лексем, КФ=8,3÷2,0; 10. ОК – 253 лексем, КФ=7,5÷2,0.
Всего 3011 лексем.

В состав наиболее употребительной плюс-специфической лексики вошли термины и, что не менее важно, соединяющие термины – общеупотребительная и общенаучная лексика. Мор-
фологический состав определили в преобладающем большинстве имена существительные (S) и глаголы (V) – основные носители информации. За ними следуют прилагательные (A), наречия (B),
местоименные наречия (NB). Местоимения представлены, в ос-
новном, указательными местоимениями. Личное местоимение *ich*
встречалось дважды. Значительно представлены предлоги, в не-
значительном количестве присутствуют союзы. Встречаются от-
рицания, частицы и сокращения, показавшие высокую степень специфичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А. В., Артёмов Р. Н., Ивашкин М. П. О веро-
ятностно-структурном анализе // Изв. АН ССР: Серия
лит. и яз. – Т.29. – № 3. – 1970. – 367 с.
2. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоре-
тическом и прикладном языковедении. – Л.: Наука, 1967. –
403 с.
3. Артёмов Р. Н. Подъязыковая системность лексики и её от-
ражение в распределительном словаре (на материале спор-
тивного подъязыка русского и немецкого языков): Авто-
реф. дис.... канд. филол. наук. – Л., 1973. – 17 с.
4. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика.
– М., 1968. – 336 с.

МЕТАФОРА В АНГЛОМОВНІЙ ЛЕКСИЦІ СФЕРИ ОСВІТИ

Дослідження словникового складу лексики свідчать, що він постійно поповнюється – з'являються нові слова, словосполучення, які відображають зміни у складі і властивостях речей і явищ реального світу, в суспільній діяльності людей, їхній свідомості.

Одним з розповсюджених способів поповнення лексики є метафоричне пересмислення, що дає нові назви об'єктам реальної дійсності. З точки зору когнітивної лінгвістики метафора інтерпретується як бачення одного об'єкта крізь інший і в цьому сенсі є засобом репрезентації знання у мовній формі. “У процесі пізнання складні мисленнєви простори, що не спостерігаються безпосередньо, співвідносяться через метафору із більш прости мисленнєвими просторами, які конкретно спостерігаються” [3, 55].

У цілому слід зазначити, що це подвійне бачення є однією із основних когнітивних здатностей людини, на якій саме і базується “володіння мовою” (*language faculty*), це здатність до уявлення (*imagination*), або іншими словами, до уміння проектувати одні поняття (*concepts*) на інші поняття [9, 2].

Метафора (від грец. *перенесення*) – семантичний процес, при якому форма мовної одиниці або оформлення мовної категорії переноситься з одного об'єкта позначення на інший на основі певної подібності між цими об'єктами при відображені в свідомості мовця ... і ширше – метафора це імпліцитна аналогія уявного з наявним, менш відомого з відомішим і т. п. [6, 307]. У загальному, не суто науковому смислі, термін “метафора” вживається до будь-яких видів застосування слів у непрямому значенні. Асоціюючи об'єкти різних категорій, метафора виявляється семантично подвійною. Ця двуплановість, що складає найбільш суттєву ознаку метафори, не дозволяє розглядати її ізольовано від визначуваного. В утворенні і відповідно аналізі метафори беруть участь чотири компоненти: основний і допоміжний суб'єкти метафори і співвідносні властивості кожного об'єкта або класу об'єктів [1, 296].

Метафора як багатоаспектне явище є предметом вивчення філософії, логіки, психології, а також “моделюючими” дисциплінами.

5. Маринич О. М. Структура географічної науки та її сучасний стан в Україні. Український геogr. ж-л – № 1. – 1993. – С. 4-5.
6. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1976. – 543 с.
7. Серебренникова З. М. Социофункциональный аспект отбора лексики для специальных учебных пособий / учебников по иностранному языку // Записки з романо-германської філології ОНУ. – Вип.6. – Одеса: Латстар, 2000. – С. 117-126.
8. Сунгурев Ш. А. О методике составления распределительного словаря // Сб. научн. сообщений. – Махачкала, 1970. – Т.1. – С.115.
9. Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения. – М., 1963. – 58 с.
10. Юрковський В. М. Географія сфери обслуговування. – К.: УМК ВО, 1989. – 82 с.
11. Топчіев О. Г. Основи суспільної географії. Навчальний посібник. – Одеса: Астропrint, 2001. – 560 с.

нами, зокрема, у дослідженнях штучного інтелекту. Як специфічне мовне явище метафора завжди була в центрі уваги лінгвістів. Тривалий час в їхніх роботах метафора розглядалася перш за все як троп, спосіб створення образно-поетичної картини світу. Сучасні дослідження метафори базуються на фундаментальній ідеї, яка йде ще від Аристотеля – ідеї метафоричного переносу.

Починаючи з 60-х років ХХ століття на проблему метафори звернули увагу фахівці з семантики. Це було обумовлено тим, що численні лінгвістичні дослідження, присвячені проблемам семантики, визначили місце і роль метафори в процесах номінації. Вчені довели, що “саме метафора є одним з найбільш продуктивних способів смислотворення ... Але особливу активність цей спосіб творення нових значень на базі вже існуючих і поіменованих виявляє у поповненні лексикону – як звичайно-побутового так і науково-термінологічного” [4, 3-4].

На думку В. М. Телія, механізм метафоризації полягає в тому, що на основі подібності деяких ознак реалії, вже названої в мові, і реалії, яка позначається, синтезується новий ідеальний об'єкт – метафорично переосмислене значення імені з метою найменування нової реалії чи явища або ж створення деякого нового поняття в самому процесі його метафоричного іменування ..., де нові реалії отримали лише ім'я ..., де в акті метафоризації сформувалися і самі нові поняття, які отримали ім'я [8, 175]. По суті “метафора є моделлю, яка виконує у мові ту саму функцію, що і словоутворююча модель, але тільки більш складну і до того ж діючу “приховано” і нестандартно” [там само, 180].

Проблема співвідношення “метафора і термін” у своєму розвитку пройшла кілька етапів: для першого етапу характерним є твердження про неможливість вивчення експресивно нейтрального терміна і конотативної метафори в загальному аспекті; другий етап базується на тезі про можливість застосування метафори в науковому тексті, але її небажаності. Багато сучасних досліджень проводиться в аспекті підтвердження припущень про те, що процес термінологізації за своюю природою є метафоричним [7, 190].

Зокрема в англомовній науково-педагогічній літературі спостерігаємо широке вживання як термінологічної лексики, так і загальної, яка основана на образному, алгоритичному, метафоричному іменуванні педагогічних явищ. Причину цього вбачаємо в

антропоцентризмі гуманістичної педагогіки, предметом якої є людина.

Унікальність і неповторність феномена людини, виховання якої залежить від численних соціальних, біологічних, психологічних факторів, непередбачуваних в суспільстві і природі явищ, які важко вичерпно врахувати, створюють певні обмеження для однозначного мовного фіксування реалій. Уявлення про людину і педагогічну дійсність, втілені в метафорах, часто виявляються точнішими, ніж термінологічно однозначні словникові одиниці. Метафори здатні відобразити внутрішню природу явища, що вивчається, виявити його додаткові властивості; вони семантично інформативніші, оскільки спираються на образи, в яких зашифрована культурна символіка. Н. Д. Арутюнова підкреслює, що “акт метафоричної творчості полягає в основі багатьох семантичних процесів – розвитку синонімічних засобів, появлі нових значень і їх нюансів, розвитку систем термінологій” [2, 9].

Метафора як перенесення назви на підставі подібності ознак понять семантично основується на ментальній процедурі порівняння. Характер подібності об'єктів, яка висвітлюється в основі метафор, різноманітний. Метафори мови педагогіки можна розділяти за двома основними групами: 1) метафори, які відносяться до сфери референції; 2) метафори, які відносяться до сфери образності.

Масивом для дослідження були 2200 одиниць педагогічної лексики. Метафори серед них склали 53 одиниці або 2,4 %.

Розглянемо деякі метафори, що відносяться до сфери референції. *Knowledge market, education market* – ринок знань, ринок освіти. Суть метафоричного переносу в тому, що в сучасному світі знання *knowledge* більше не трактуються як виключно духовна цінність, вони є також предметом споживання, який може бути куплений, тобто поняття *товар* перенесено на поняття *знання*. На “ринку знань” товаром є інформаційний продукт у вигляді комп’ютерних навчаючих програм, електронних підручників, навчальних модулів та ін. Таким чином, знання стали продуктом виробництва і продажу. Навчання цим знанням також починає трактуватися як ринкова діяльність. Між освітніми установами, які “виробляють” і “продають” цей товар, встановлюються відносини конкуренції, яка є найголовнішою ознакою будь-якого ринку.

One of the underlying principles underpinning the idea of the market in education was that parents would select good schools, bad schools would simply “wither and die” (14,4).

Метафора використовується тут для того, щоб збільшити обсяг нового поняття з галузі педагогіки шляхом переносу додаткової інформації з галузі економіки.

Широке застосування терміну-метафори *market* стосовно сфери освіти в англомовних не тільки педагогічних але і політичних, економічних текстах, зумовлене розвитком суспільних стосунків сучасності. Не випадково така суспільно-економічна установа як *World Trade Organisation – WTO* в 1995 році виробила Генеральну угоду про торгівлю послугами *General Agreement on Trade in Services (GATS)*, згідно з якою зокрема встановлено правила глобальної торгівлі освітянськими послугами.

Leaving aside the obvious answers about the global knowledge market and the increasingly multi-cultural nature of all our communities, there is an important additional reason for casting a periodic look at the way education happens elsewhere (15,2).

Поява словосполучень *knowledge market, education market* відбиває появу нового напрямку ринкового, тобто товарно-грошового обміну цінностями.

Поява метафори *magnet school* пов’язана із появою нового типу шкіл. Ознака “магнетизм” властива фізичним об’єктам, що здатні притягувати до себе металеві речі. Ця ознака із сфери фізичних явищ переноситься у сферу суспільних, а саме освітянських явищ. Навчальні установи певного типу кваліфікуються як такі, що здатні на зразок магніту притягувати до себе найкращих учнів і вчителів. *Magnet school* – це навчальні заклади, які активно прилучають учнів до знань і навичок, що мають “ринкову вартість” і відкривають перспективу надійного працевлаштування. Програми шкіл-магнітів дають учням знання з певної галузі професійної діяльності з усіма найновітнішими вимогами, які до неї висуваються. За останні кілька років значно збільшився прилив учнів у школи-магніти із звичайних державних і приватних навчальних закладів. Школи-магніти починають вважатися елітними, тому що до них ідути як найбільш здібні, вмотивовані до навчання учні, так і найбільш професійно підготовані вчителі. По-

значення нового типу школи як “*magnet schools*” висвітлює саме притягальність, привабливість відповідного навчального закладу.

Під час метафоричної номінації абстрактні характеристики освітянських реалій можуть переосмислюватись як конкретні, наочні риси, які переносяться із інших, не пов’язаних з освітою сфер людського буття. Так, наприклад, термін *sandwich course* позначає курс навчання, який побудований на чергуванні періодів навчання та періодів практичної роботи на підприємстві чи в інших установах [11, 1132]. Така абстрактна характеристика як структура навчального процесу, а саме його різномірність, багатоступеневість, а також порядок слідування різновидів учнівської діяльності уподібнюється до наочно переконливої структури сендвіча, бутерброда, який традиційно складається із кількох шарів хліба і м’яса чи сиру. Метафора *sandwich course* основана на ментальній процедурі порівняння і перенесенні назви на підставі подібності ознак понять, внаслідок чого конкретизується, а відтак стає зрозумілішим абстрактне явище.

Аналогічний процес конкретизації спостерігаємо і в терміносполуці *invisible college*, яка за даними словника педагогічних термінів позначає групу фахівців, об’єднаних певною проблемою, що регулярно обмінюються думками, обговорюють ту чи іншу проблему на конференціях [12,139]. Лексема *college* є полісемантом. Лексикографічні джерела фіксують десять різних ЛСВ, що входять до її семантичної структури. Звернемо увагу на окремі з них: 1) вищий навчальний заклад, інститут; 2) будівля, в якій він розташований; 3) група людей, об’єднаних спільною справою або обов’язками [American Heritage, 274]. Вочевидь *invisible college* позначає групу фахівців, тобто його компонент *college* має реалізувати ЛСВ (3) із вищенаведеною переліку. Але вживання атрибутиву *invisible* актуалізує у цій сполуці ЛСВ (1) і, опосередковано, ЛСВ (2). Адже зрозуміло, що йдеться не про невидимих фахівців, а про невидиму організацію, установу, яка не має певного місця розташування. *Invisible college* – це вчені із різних установ, які поділяють спільні наукові інтереси, які об’єднані у наукову спільноту, що структурно, адміністративно, територіально, тобто будь-як наочно не оформлена. Таким чином спостерігаємо вельми парадоксальне явище: конкретизація метафорично переосмисленого поняття *college* в словосполученні *invisible*

college відбувається саме через емфазу наочності, яка проявляє себе через невидимість позначуваного об'єкту.

Серед метафоричних словосполучень, що термінологічно вживаються в педагогічній літературі, бачимо цілу низку таких, у яких один із компонентів називає певну освітянську реалію: *educational / knowledge market, magnet school, sandwich course, invisible college*. Додамо до цього переліку і словосполучення *blackboard jungle*, яке позначає складні умови викладання в класі, де представлені учні з низькою успішністю і дисципліною [18, 443]. Всі словосполучення є прикладом метафорично-метонімічного позначення педагогічної реалії. Загальновживане полісемічне слово *jungle* крім прямого, непереносного ЛСВ “джунглі” має також метафорично переосмислені ЛСВ “плутаниця” і ЛСВ “місце відчайдушної боротьби за існування”. На нашу думку, обидва вони ужиті в слові *jungle* в аналізованому словосполученні. Ця мовна метафора уточнюється атрибутивом *blackboard* – класна дошка, що метонімічно позначає класну кімнату, а відтак клас як групу учнів. Вся сполука *blackboard jungle* – плутаниця, жорсткі стосунки у класі, будучи використана як єдиний педагогічний термін, є проявом звуження значення “важкі умови вчителювання у класі з так званими проблемними учнями”.

Певна частина метафоричних термінологічних одиниць, що уживається у педагогічній літературі, взагалі не містить у своїй структурі слова із сфери педагогічних реалій. Наприклад метафоричний термін *late bloomer* – пізня квітка – використовується при позначенні студента, який досягнув успіху пізніше, ніж його однолітки [12, 151]. Метафора утворилася на перенесенні значення “цвітіння” з рослинного світу на людину-студента, розвиток його психічних властивостей, здібностей до навчання. Атрибутив *late* (пізній) передбачає, що відповідний процес *blooming* (розквіт) відбувається не в належний час, що людина відстає від своїх однолітків.

Абсолютний антропоцентризм педагогіки як науки проявляє себе тим, що предметом дослідження дуже часто виявляються психологічні особливості учнів і студентів. Прагнучи повно і вичерпно описати цей предмет, науковці класифікують учнів за різними параметрами. Один із них – це здатність людини до активної розумової діяльності у різні частини доби. За відповідним па-

раметром учнів поділяють на дві протилежні групи, які образно позначають як *morning people* і *nights owls*. *Morning people* буквально “ранкові люди”, україномовний аналог “жайворонки”. Це учні чи студенти, яким притаманна властивість зранку активно вклочатися в процес навчання, на противагу *nights owls* – совам. Загальновживане слово *owl* означає птахів (сов), які ведуть нічний спосіб життя [13, 231]. У педагогічній лексиці *nights owls* – діти шкільного віку або студенти, у яких біологічна і соціальна активність припадає на вечірні або нічні години.

There are those of us who are night owls and others who are morning people (18, 21).

Метафора *nights owl* побудована на схожості поведінки птахів і учнів. Атрибутиви *morning, night* у аналізованих сполучках є метонімічними переносами: “хтось щось робить вранці / вночі” – “ранковий / нічний хтось”.

Прикладом метафоричного переносу на основі подібності функцій може бути композит *baby-bank*. У словнику Webster's слово *bank* має кілька значень: крім значення “особливий економічний інститут, що акумулює кошти і нагромадження, надає кредити”, слово *bank* також означає надійне місце зберігання тих чи інших речей. Саме це останнє значення було використано при метафоричному перенесенні у педагогічному терміні *baby-bank* – дитячий будинок, з якого дітей можна взяти на усиновлення [10, 78-79].

Метафора *brainstorming* утворена з іменника *brain* – мозок і дієслова *storm* – “штурмувати, стрімко нестися” [11, 1281] і означає методику, яка використовується для колективного розв’язання проблем, що вимагають швидкого і оригінального вирішення. Вона полягає в тому, що групі людей пропонується проблема і за певний час їм необхідно знайти якомога більше відповідей чи варіантів рішення:

Another accepted practice for extending intellectual fluency is brainstorming (17, 118).

Термінопоняття *brainstorming* трактуємо як метафору, в основі якої лежить метонімія: мозок → мислення = метонімія; мислення → бурхливе, стрімке, наполегливе, багатоджерельне = метафора.

Як бачимо, для позначення тих чи інших реалій педагогічної сфери використовуються поняття із світу природи, рукотворного

світу і соціального світу. Яскравим зразком запозичення образів із сфери суспільної діяльності є метафорична сполука *secret weapon* – секретна зброя. У програмі “Goals-2000” так називають батьків учнів, тому що вони можуть сприяти підвищенню якості навчання учнів та покращенню їхньої дисципліни. Метафора *secret weapon* побудована на такому значенні слова *weapon* як “засіб впливу” [13,1114], атрибутив *secret* – уточнює, що цей засіб впливу є тайним, бо учень не знає про домовленість вчителя з його батьками про ті або інші неявні способи контролю, заходи щодо учня з боку батьків у співдружності із вчителем.

Parents and families are often our secret weapon to improve student learning (16, 31).

В основі цього вислову лежить розуміння стосунків учителя, учня, його батьків, в яких передбачається залучення батьків на бік учителя. Слід зазначити, що таке війовниче трактування педагогічної діяльності не є характерною рисою. Частіше фігурують мотиви співпраці.

За своєю структурою досліджувані метафори (53 одиниці) представлені у таких моделях: 1) іменник (N) – 3 (6 %); 2) іменник + іменник (N+N) – 21 (39 %); 3) прикметник + іменник (Adj+N) – 29 (55 %).

В англомовній педагогічній термінології метафори мають різну частотність. Так, метафора *knowledge market* належить до найчастотніших; за нею по кількості вживань використовуються метафори *sandwich course*, *secret weapon*, *brainstorming*, *magnet school*, тобто ті метафори, які позначають реалії сфері освіти, що з'явилися в останні десятиріччя.

Метафоричне переосмислення є складним мовним процесом, в результаті якого відбуваються зміни у словарному складі мови.

Процеси метафоричного перенайменування сприяють не тільки поповненню словарного складу педагогічної лексики, але й деяким внутрішньомовним процесам, зокрема, переміщенню слів із загальнозваженої лексики у терміносистему сфері освіти.

Основними видами перенесення при метафоричному словотворенні освітньої термінології є проекція ознак конкретно-фізичних речей на психічні властивості учнів, студентів, їхні емоційні особливості, здібності до навчання, стиль поведінки.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 296-297.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
3. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 242 с.
4. Метафора в языке и в тексте. – М.: Наука, 1988. – 175 с.
5. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135-146.
6. Тараненко О. О. Метафора // Українська мова: Енциклопедія. – К., 2000. – 752 с.
7. Телия В. Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. – М., 1987. – С. 186-192.
8. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.
9. Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A cognitive perspective / Ed. By A. Barselona. – Berlin – № 4: Mouton de Gruyter. – 2000. – 356 p.

СЛОВНИКИ

10. Зацнай Ю. А. Англо-русский словарь новых слов и словосочетаний (рубеж столетий). – Запорожье: Запорожский государственный университет, 2000. – 243 с.
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English. – 6-th ed., Oxford University Press, 2002. – 1540 p.
12. Rowntree, D. A dictionary of education. – London: Harper and Row, 1981. – 354 p.
13. New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. – Lexicon Publications, Inc., 1993. – 1149 p.

ЛІТЕРАТУРНІ ДЖЕРЕЛА

14. Education Today. Journal of the College Preceptors. – 1994. – Vol.44. – № 4. – 80 p.

15. Education Today. Journal of the College of Teachers. – 2002. – Vol.52/ № 1. – 48 p.
16. Farris, P. J. Teaching, bearing the torch. – Northern Illinois University, 1996. – 429 p.
17. Kirk, S. A. & Gallagher, J. J. Educating exceptional children. – 6th ed., Boston: Houghton Mifflin Company, 1989. – 600 p.
18. Ornstein, Allan C. Strategies for Effective Teaching. – Wm. C. Brown Communications, Inc., 1996. – 488 p.

Т. В. Телецкая

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА МИКРОПОЛЯ ДИРЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ (на материале русского, украинского, французского и английского языков)

Модальность волеизъявления выражает волю говорящего, направленную на осуществление связи между объектом и его признаком. Такая связь не является фактом объективной реальности, возможное существование ее обусловлено волеизъявлением говорящего: говорящий выражает пожелание или требование преобразования пока (в момент волеизъявления) ирреальной ситуации в ситуацию, которая должна стать в результате каузируемого действия реальной.

В отличие от предметной модальности, где роль говорящего сводится к констатации способа существования связи между предикатными предметами (объектом и его признаком), волеизъявительная модальность целиком выражает позицию говорящего и с этой точки зрения является субъективной модальностью.

От эпистемической модальности модальность волеизъявления отличается тем, что выражает не субъективную интеллектуальную оценку отношения содержания высказывания к действительности, а волю говорящего, направленную на изменение экстралингвистической реальности, на установление новых связей и отношений.

Модальность волеизъявления является модальностью высказывания, которая эксплицитно может быть выражена следующим образом: Хочу/требую, чтобы А стал/сделал В. В зависимости от того, выражает ли данное высказывание требование или желание говорящего, в пределах модальности волеизъявления различаются модальные значения побуждения (директивная модальность) и желательности (оптативная модальность), которые различаются:

- 1) по степени выраженности намерения говорящего изменить экстралингвистическую реальность (ср.: *Принеси воды!* и *Принес бы ты воды!*) и
- 2) по признаку адресованности/неадресованности волеизъявления [6].

Директивная модальность объединяет средства разных уровней, семантическая функция которых – побудить слушателя или иное лицо к совершению действия или изменению состояния. Побуждение представляет собой директивный акт, цель которого, по мнению Дж. Серля, “изменить окружающий мир с помощью речевых актов” [Цит. по 2, 75]. Посредством директивных высказываний говорящий совершает определенное действие: он накладывает обязательство, просит, советует, дает разрешение и т. п. Другими словами, директивные высказывания перформативны, ибо в процессе речевого акта говорящий совершает действие побуждения.

Важная особенность повелительных перформативных высказываний заключается в том, что, произнося повелительное предложение, говорящий не только совершает действие волеизъявления, но и информирует слушающего о том действии, которое должно быть выполнено тем или иным исполнителем: слушающим/слушающими, говорящим, лицом/лицами, не участвующими в речевом акте, и любой комбинацией перечисленных лиц. Однако произнесение повелительного предложения отнюдь не есть выполнение каузируемого действия. Соответственно можно считать, что в семантическую структуру императивных форм глагола входят принципиально разноплановые элементы. С одной стороны, это номинативное значение и значение лица и числа исполнителя действия, т. е. значения характерные для любых неимперативных, и в частности индикативных форм, которые в повествовательных предложениях служат для описания действия, а не для его осуществления в речевом акте. С другой стороны, императивная форма глагола имеет грамматическое значение волеизъявления, которое осуществляется в речевом акте. Именно это значение и позволяет считать императивные формы перформативными.

Структурную внутриязыковую основу выражения директивной модальности составляют средства различных уровней языка, выделенные на основе общности семантической функции и объединенные в функциональную подсистему побудительности – микрополе директивной модальности. Сюда входят средства, имеющие разный лингвистический статус, разную частотность употребления в речи, разную степень специализированности. Некоторые из них являются ядерными, другие периферийными, но

все они могут быть использованы для выражения адресованного слушающему волеизъявления говорящего относительно исполнения действия.

В русском языке компонентами микрополя директивной модальности являются следующие формы:

1. Синтетические формы повелительного наклонения:
 - а) личная форма глагола 2-го л. ед. и мн. ч.: *Иди! Идите!*
 - б) личная форма глагола 1-го л. мн. ч.: *Пойдемте! Будемте на “ты”!*
2. Аналитические формы повелительного наклонения, образуемые сочетанием частиц *давайте*, *пусть*, *да* с личной формой глагола или инфинитивом:
 - а) *пусть* + 3-е л. ед. или мн. ч. наст. вр.: *Пусть лежит!*
 - б) *давай (те)* + инфинитив: *Давайте петь!*
 - в) *давай (те)* + 1-е л. мн. ч. буд. вр.: *Давайте споем!*
 - г) *да* + 3-е л. ед. или мн. ч. наст. или буд. вр.: *Да будет свет!*

Да здравствует солнце!

 - д) *пусть* + 3-е л. ед. или мн. ч. буд. вр.: *Пусть придет!*
3. Изъявительное наклонение:
 - а) наст. вр.: *Летим! Собирайся, едем сегодня!*
 - б) буд. вр.: *Поедем! Поедешь на рассвете!*
 - в) прош. вр. (форма на –л): *Пошел! Кончили разговоры!*
4. Сослагательное наклонение, образуемое формой на –л в сочетании с частицей *чтоб*: *Чтобы ты тихо сидел! Чтоб тихо было! Чтоб я тебя больше не видел!*
5. Инфинитивные предложения: *Подъем! Всем выходить на палубу!*
6. Неглагольные конструкции:
 - а) именные: *Чаю! На контроль! Огонь! Ни слова!*
 - б) наречные: *Сюда! Осторожно! Веселей, ребята!*
 - в) междометные: *Айда! Марш! Цыц! Стоп!*
7. Сочетания модальных предикативов и модальных глаголов с инфинитивом:
 - *Через час ты должен быть на занятиях. – Понял!*
8. Императивная фразеология: лексическая и синтаксическая (вопросительные формы): *Не смей перечить! Не суй носа не в свои дела! Будешь ты одеваться или нет?*
9. Интонация.

В английском языке компонентами подсистемы побудите-

льности являются следующие формы:

1. Повелительное наклонение: *Go. Don't go.*

2. Аналитический оборот (термин Б. А. Ильиша) *let + us/him* + инфинитив: *Let's go. Let him go.* Некоторые лингвисты относят данный оборот к аналитической форме повелительного наклонения, выражающей побуждение, относящееся к 1-му л. и 3-му л. [4, 256 – 258].

3. Изъявительное наклонение:

а) настоящее продолженное (Present Continuous): *You are not going anywhere tonight.*

б) настоящее неопределенное (Present Indefinite): *Everyone stays in his place.*

в) будущее неопределенное (Future Indefinite): *Tomorrow you will take the boy to the country.*

4. Сослагательное наклонение:

а) в придаточных дополнительных после глагола *wish*: *I wish you would hurry up now;*

б) в придаточном подлежащем после предваряющего *it* после слов определенной семантики: *It is demanded that you should come at once;*

в) в придаточном дополнительном после глаголов *order, demand*: *I order that they come (should come) at once.*

И. Б. Хлебникова выносит эти формы за пределы сослагательного наклонения, так как они не обладают достаточной универсальностью [7, 35].

5. Сочетания модальных глаголов с неопределенным инфинитивом: *You must lie down and rest.*

6. Односоставные неглагольные конструкции:

а) именные: *A fire!*

б) наречные: *Onward to the wedding chamber.*

в) междометные: *Out!*

7. Конструкция *want + Complex Object*: *I want you to tell me what to do.*

8. Императивная фразеология: *Why not go on the pier?*

9. Интонация.

Средства выражения модальности волеизъявления в украинском языке столь же разнообразны:

1. Синтетические формы повелительного наклонения:

одинаково то же самое звучит в разных языках. Поэтому
одинаково то же самое звучит в разных языках. Поэтому

а) личная форма глагола 2-го л. ед. и мн. ч.: *Прийди!*
Прийті!

б) личная форма глагола 1-го л. мн. ч.: *Заспіваймо!*

2. Аналитические формы повелительного наклонения, образуемые сочетанием частиц *хай, нехай, давай, давайте* с личной формой глагола или инфинитивом:

а) *хай/нехай + 3-е л. ед. или мн. ч. наст. или буд. вр.*:
Хай/Нехай співе/співають! Хай/Нехай скаже/скажутъ!

б) *давай/давайте + инфинитив*: *Давайте чекати!*

в) *давай/давайте + 1-е л. мн. ч. буд. вр.*: *Давайте заспіваем!*

г) *хай/нехай, давай/давайте + 1-е л. ед. ч.*: *Хай заспіваю!*
Давайте заспіваю!

3. Формы изъявительного наклонения:

а) наст. вр.: *Їдемо сьогодні!*

б) буд. вр.: *Підеш ти!*

в) прош. вр.: *Пішов! Кінчай балакати!*

4. Формы условного наклонения: *Ти б пішов погуляв!*

5. Инфинитивные предложения: *Мовчатъ! Слухать!*

6. Неглагольные конструкции:

а) именные: *Тиша! Ні кроку назад!*

б) наречные: *Швидше! Тихо!*

в) междометные: *Гайда! Цить!*

7. Сочетания модальных предикативов и модальных глаголов с инфинитивом: *Ти повинен бути вчасно! Треба все зробити швидко!*

8. Императивные вопросительные предложения: *Ти будеш працювати чи ні?*

9. Интонация.

Для французского языка характерны следующие средства выражения директивной модальности:

1. Синтетические формы повелительного наклонения:

а) личная форма глагола 2-го лица единственного и множественного числа: *Va! Allez!*

б) личная форма глагола 1-го лица множественного числа: *Allons!*

2. К аналитическим формам повелительного наклонения можно отнести конструкцию "allons + инфинитив" (например, *Allons*

chanter!), хотя французские грамматисты не определяют данную конструкцию как аналитическую форму императива.

3. Личная форма глагола будущего времени изъявительного наклонения: *Demain tu iras à la bibliothèque et tu trouveras ce livre!*
4. Личная форма глагола 3-го лица единственного и множественного числа сослагательного наклонения: *Qu'il entre! Qu'ils entrent! Vive la France!*

5. Инфинитивные предложения, используемые в разного рода инструкциях и рекомендациях: *A consommer avant le 03.01.03.*

6. Неглагольные конструкции:

а) именные: *Silence! Attention!*

б) наречные: *Plus vite!*

в) междометные: *Chut!*

7. Сочетания модальных предикативов и модальных глаголов с инфинитивом: – *Ce travail doit être terminé à temps.* – *D'accord; Il faut le faire le plus vite possible.*

8. Императивные вопросительные предложения: *Vas-tu travailler ou non?*

9. Интонация.

Анализ конституентов микрополя директивной модальности во всех четырех языках показал, что центральное место среди специализированных повелительных предложений принадлежит тем, в которых позицию сказуемого занимают императивные формы глагола: синтетические или аналитические. Такие повелительные предложения можно назвать императивными.

Повелительные предложения, в которых нет императивной формы глагола, делятся на следующие две группы:

1) предложения, в которых употреблена неимперативная форма глагола,

2) предложения, вообще не содержащие глагола.

Именно эти две группы повелительных предложений составляют периферию микрополя директивной модальности, что объясняется их меньшим семантическим объемом и, что в свою очередь обуславливает их низкую частотность в речи.

Среди повелительных предложений, функционирующих как высказывания, следует различать определенно-референтные, которые конкретный говорящий адресует конкретному слушающему, и неопределенно-референтные, которые анонимный говорящий адресует неопределенно-референтному слушающему. У не-

определенно-референтных высказываний нет конкретного адресата, и вследствие этого они употребляются в заповедях, правилах поведения, рекомендациях, часто оформленных как пословицы и поговорки, инструкциях, рекламных объявлениях, памятках о том, как пользоваться той или иной вещью и т. п.[1]. По мнению А. Вежбицкой, в подобных высказываниях “наставляющий мысленно ставит себя на место того, кого он наставляет” [3, 269].

Важную роль в оформлении директивных высказываний играет синтаксическая структура и интонационное оформление. Так, наречия, существительные, формы прошедшего и настоящего времени приобретают функцию (иллоктивную силу) директивности благодаря синтаксической модели односоставности и характерной интонации. Интерпретация вопросительных предложений как директивных также происходит благодаря интонации и контексту.

План содержания микрополя директивной модальности можно разделить на ряд семантических зон, соответствующих различным речевым актам. Каждый речевой акт определяется целым комплексом факторов. В зависимости от отношения между коммуникантами, степени категоричности, от авторитетности источника побуждения, от степени заинтересованности коммуникантов в выполнении действия, от источника побуждения и включения говорящего в исполнение мы различаем следующие виды директивных высказываний: распоряжение, инструкция, собственно побуждение, просьба, приглашение, предложение, совет, разрешение, запрещение. Каждый из этих типов высказываний характеризуется особой ролевой структурой коммуникативной ситуации, условиями употребления и средствами выражения. При выражении различных значений директивной модальности участие различных форм не одинаково. Языковые формы, составляющие подсистему микрополя директивной модальности, имеют различный статус, различную значимость как с точки зрения языка, т. е. отношений внутри системы, так и сточки зрения речи, т. е. частотности употребления и участия в выражении определенных значений. Внутриязыковой и речевой статус единиц может не совпадать.

В целом микрополя директивной модальности в исследуемых языках имеют сходную структуру и состав компонентов: в выражении общих для сопоставляемых языков речевых дирек-

тивных актов участвуют единицы всех языковых уровней (морфологического, лексико-грамматического, синтаксического, лексико-синтаксического, фразеологического и интонационного).

Различие между языками состоит в основном в количественной характеристике средств выражения и коммуникативной обусловленности каждого из конституентов микрополей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981 Т. 40, № 4. – С. 356 – 367.
2. Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. – Воронеж, 1985. – 179 с.
3. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16 М., 1985. – С. 251-275.
4. Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. М., 1960. – 399 с.
5. Загнітко А. П. Система і структура морфологічних категорій сучасної української мови (проблеми теорії). – К.: ІСДО, 1993. – 343 с.
6. Слюсарева Н. А. О проблемах функциональной морфологии /на материале языка аналитического строя – английского/. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1983. – Т. 42, № 1. – С. 33 - 42.
7. Хлебникова И. Б. Сослагательное наклонение в английском языке. – Калинин, 1971. – 160 с.

ГРЕЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ ЛУИСА ДЕ БЕРНЬЕРА “МАНДОЛИНА КАПИТАНА КОРЕЛЛИ”

Языковые контакты являются важным фактором в истории языка. Известно, какую роль они играли в процессе становления и развития английского языка: “Английский язык претерпел наибольшие изменения среди германских языков, и именно он находился в наиболее тесном контакте с другими языками” [6, 80]. Заимствования – важнейший результат языковых контактов [1]. Значительный процент словарного состава английского языка образуют заимствования, в основном, из скандинавских, французского, латинского и греческого языков [3, 381]. Заимствования из греческого, а точнее из древнегреческого, составляют весьма обширный слой лексики в современном английском языке. По своему составу грецизмы в современном английском в основном представляют собой книжную, главным образом научно-терминологическую, лексику, состоящую, преимущественно, из автосемантических разрядов имен существительных, прилагательных и глаголов [7, 3].

Подробный анализ грецизмов, их места в словарном составе английского языка, исторических условий, непосредственных лингвистических источников и путей проникновения в каждый из периодов развития английского языка дал О. Б. Шахрай в работе “Греческий элемент в лексике английского языка. Очерк истории слов греческого происхождения и их оформления в английском языке”. Заимствование слов греческого происхождения началось еще в древнеанглийский период, усилилось в средний, но подавляющее большинство грецизмов вошло в английский язык в новый период. Последний самый мощный хронологический пласт грецизмов подразделяется на три хронологических слоя:

1. XVI в. – первая половина XVII в.
2. Вторая половина XVII в. – XVIII в.
3. XIX – XX вв.

Первый из названных периодов наиболее репрезентативен. К этому же времени относится начало псевдогреческого словообразования по моделям заимствованных ранее грецизмов с использованием основ и аффиксов греческого происхождения.

Удельный вес псевдогреческих новообразований возрастает в течение последующих столетий. В XX в. заимствование грецизмов фактически прекращается, но продолжается образование научных и технических терминов, представляющих собой псевдогреческие образования и созданных либо непосредственно из греческих основ, либо заимствованных из других языков [7, 6-7]. Того же мнения придерживаются и Н. Н. Амосова [1] и В. П. Секирин [4], также исследовавшие словарный состав английского языка.

Процесс перенесения лексических единиц из одного языка в другой сложен. В нем можно выделить, по меньшей мере, три последовательных этапа:

1. Использование иноязычного слова в высказываниях на другом языке. При этом появление его в воспринимающем языке характеризуется эпизодичностью, оно еще не входит в лексическую систему другого языка и функционирует как *варваризм* [11, 70].
2. Восприятие иноязычного элемента новой системой, вхождение вместе с исконными единицами в одни и те же лексические подсистемы. С этого момента его можно считать собственно заимствованием. Он еще долго сохраняет в новой системе свою гетерогенность (большее или меньшее несоответствие ее звуковым и грамматическим типам), но, несмотря на это, уже закрепляется как необходимый и принятый элемент новой лексико-семантической системы.
3. Интеграция: заимствованный элемент настолько ассимилируется грамматически, фонетически и семантически, что его гетерогенность стирается, и носители языка больше не воспринимают его иноязычной окраски. С этого момента он представляет интерес не только для этимологов, но и для исследователей языкового взаимодействия [2, 6].

Для художественного текста наибольший интерес представляют иноязычные слова, находящиеся на первом этапе вхождения в чужой язык, т. е. лексика, сознательно вводимая автором произведения для достижения определенного стилистического эффекта. Поскольку основная масса варваризмов, попадающих в англоязычный текст, орфографически представлена латиницей, для их выделения традиционно используется курсив. Таким образом, даже первый зрительный образ неассимилированного иностранного слова выделяет его из строки и привлекает к себе внимание читателя.

Разновидности и функции именно этого типа слова рассматривались нами на материале греческой лексики романа Луиса де Берньера “Мандолина Капитана Корелли”, переведенного на все европейские языки и успешно экранизированного в 2001 году.

Луис де Берньер родился в 1954 году в Лондоне, окончил университет Манчестера, провел 4 месяца в британской армии (как выражается сам де Берньер “4 губительных месяца”), после чего переехал в Колумбию, где одновременно работал учителем и был ковбоем. После своего Возвращения в Англию де Берньер работал механиком, садовником и учителем [9].

В 1993 году де Берньер был признан одним из двадцати лучших молодых романистов. Его первый роман *War of Don Emmanuel's Nether Parts* был удостоен премии *Commonwealth Writers Prize*, за ним последовали *Señor Vivo and the Coca Lord* и *The Troublesome Offspring of Cardinal Guzman. Captain Corelli's Mandolin* (“Мандолина Капитана Корелли”) стала его четвертым романом. Когда книга была впервые опубликована в 1993 году, даже автор не предполагал, что она станет бестселлером. Но вскоре, во многом благодаря слухам и непрекращающимся спорам, эта необычайная история, действие которой разворачивается на греческом острове Кефаллонья во время второй мировой войны, стала чрезвычайно популярна и по сей день находится в списке бестселлеров. За свою “Мандолину” де Берньер был вторично удостоен премии *Commonwealth Writers Prize*, а в 1995 году она была признана лучшей книгой года [8; 10].

Так как действие романа разворачивается на греческом острове, вполне закономерно присутствие греческой лексики на его страницах, что помогает оживить картину событий и придать им историческую достоверность. Это, прежде всего, антропонимы, топонимы, а также клишированные разговорные фразы (приветствия, обращения и т. п.). При этом широко используя греческие слова и выражения де Берньер не сохраняет их аутентичное написание, повсеместно пользуется бескурсивной латиницей. Это, безусловно, облегчает их зрительное восприятие читателем. Однако, переход на латинский алфавит имеет и свои недостатки, ибо между двумя графическими системами нет полного соответствия. Так, например, греческая буква “θ” передается в романе латинским буквосочетанием “th”, что не совсем верно, так как

может быть воспринято читателем и как глухой звук [θ] и как звонкий [ð]. Звонкому же звуку [ð] в греческом языке соответствует своя буква “δ”, которая в нашем случае передается при помощи латинского “d”:

katharevousa, Thiniatiko, elephtheria, apodosis, Despina, Dimos.

Иными словами, изменение алфавита ведет к нарушению соответствия между графическим и звуковым представлением слова.

Одновременно, сохранено написание некоторых буквосочетаний, которым в греческом языке соответствует один звук, что без знания правил греческой фонетики может привести к неправильному прочтению слова. Например, буквосочетаниям “ει” и “οι” соответствует звук [I], буквосочетанию “αι” – звук [e], а буквосочетанию “ου” – звук[u]:

Panagoroula, exeteia, archeiropoietion, Palaiologos, paidia.

Греческий дифтонг “ευ”, который в зависимости от позиции может произноситься как глухо [ef], так и звонко [ev], в тексте романа совпадает по написанию с вариантом соответствующей ему в данном случае транскрипции:

efharisto (в случае когда за дифтонгом следует глухая согласная) и *evzone* (в случае когда за дифтонгом следует звонкая согласная или гласная).

Как видно из приведенных выше примеров, написание греческой лексики латиницей осуществляется недостаточно системно: в одних случаях автор придерживается принципа звучания, в других – написания. Не знающий греческого языка читатель (на которого по преимуществу и рассчитан роман) не обратит внимания на фонографические трансформации и воспримет указанную лексику просто как иностранную.

Еще одна графическая особенность греческих слов в романе – отсутствие курсива при их написании. Имеющиеся два случая курсивного выделения относятся к названиям газет и нормативно закреплены в английской письменной речи за подобными наименованиями, т. е. выполняет выделительную функцию не в связи с иноязычным происхождением заголовков, а, наоборот, подчиняясь нормам английского языка:

*At his desk Dr. Iannis read once more the famous open letter to Hitler that Vlakhos had published in the *Kathimerini* (177).**

Можно предположить, что графика, избранная автором (как алфавит, так и курсив) выполняют важную функцию создания эффекта гомогенного повествования. Действительно, доля греческих слов в общем тексте составляет всего 1,28 %: на 199770 словоупотреблений романа приходится 2593 греческих. Однако они растворены в окружающем англоязычном тексте и иррадиируют свое влияние на него. Не выделяясь из предложения, строки, абзаца, но присутствуя в них “на равных”, они создают эффект “греческости” всего происходящего. Не понимая или лишь догадываясь об истинном смысле греческих вкраплений, читатель, благодаря графике, воспринимает окружающий контекст как тоже греческое, но уже понятное продолжение.

Таким образом, при количественно незначительном присутствии греческой лексики, де Берньер достигает эффекта полной аутентичности происходящего, что и является ведущей функцией иноязычных заимствований в художественном тексте.

Все греческие слова распределяются по основным морфологическим классам:

- 1) имена существительные – 2467 словоупотреблений, что составляет 95,14 %;
- 2) имена прилагательные – 42 случая употреблений (1,62 %);
- 3) глаголы – 21 словоупотребление (0,81 %);
- 4) наречия – 12 употреблений (0,46 %)
- 5) частицы – 18 (0,7 %).

Отдельную группу составляют *аббревиатуры*. Отмечено 33 случая их употреблений, что составляет 1,27 % от общего числа греческих лексем романа.

Таблица 1

Частеречная дифференциация греческой лексики

Морфологический класс	Fa	%
Имена существительные	2467	95,14 %
Имена прилагательные	42	1,62 %
Глаголы	21	0,81 %
Частицы	18	0,70 %
Наречия	12	0,46 %
Всего:	560	98,73 %

* Здесь и далее иллюстрации приводятся по изданию [19]

Как видим, самую значительную группу составляют имена существительные (~95 %). Они в свою очередь подразделяются на 2 большие подгруппы:

1. Имена собственные – 2124 (86,1 % от общего числа имен существительных и 81,91 % от общего числа греческих словоупотреблений в романе).
2. Имена нарицательные – 343 (13,9 % и 13,23 % соответственно).

Первую из них составляют антропонимы (1784 словоупотреблений) и топонимы (337 словоупотреблений), выполняющие несколько функций: историческую достоверность событиям сообщают имена политических деятелей Греции:

Prime Minister Metaxas wrote down on a piece of paper the differences between himself and the others... (35).

The project had kept her busy right up to 1961, the year in which Karamanlis won the election from Papandreou, and at the end of it she looked through her massive document and realised that throughout its composition and compilation, a transmogrification had been unfolding within herself (487).

Имена персонажей, имеющие наибольшую частотность употребления на протяжении всего повествования, появляются практически на каждой странице и обеспечивают непрерывность восприятия действующих лиц именно как аутентичных греков, существующих в конкретном, темпорально определенном греческом пространстве, которое обозначено многократно используемыми топонимами:

Here in this sunny, secluded island of Cephalonia with its genial inhabitants and its pots of basil, it seems inconceivable that much of it ever happened. Here in Cephalonia I lounge in the sun and watch dancing competitions between the inhabitants of Lixouri and those of Argostoli (119).

Особую роль играют имена древнегреческих ученых и мифологических героев. Они появляются в прямой, несобственно-прямой и внутренней речи только двух персонажей – местного талантливого философа, писателя-историка, и доктора-самоучки Иоанниса и его дочери Пелагии, выделяя их начитанность и образованность на фоне прочих жителей крошечной Кефаллонии:

The worst of it was what they beheld when they peeled off the encrusted bandages upon the feet; Pelagia was reminded of the story of Philoctetes, erstwhile Argonaut and suitor to Helen, abandoned by Odysseus upon the island of Lemnos because of the insupportable decay of his foot, with only his great bow and the arrows of Hercules for company. Pelagia would later recall that the conclusion to this story was that he was cured by Aesculapius and had helped to bring down the Trojans, and would reflect that she herself had been the healer, whilst the Italians had aptly supplied the place of their own forebears (163).

Имена этих персонажей являются одними из самых частотных в тексте. В таблице 2 приведен список из 10 наиболее часто употребляемых греческих имен в романе. Тот факт, что Пелагия является центральным персонажем романа и именно вокруг нее построен весь сюжет произведения, объясняет столь большую разницу в количестве употреблений этого антропонима по сравнению с другими.

Таблица 2

Греческие имена в романе Л. де Бернье

Имя	Частота употребления в тексте
Pelagia	636
Mandras	193
Drosula	107
Iannis	106
Velisarios	84
Psipsina	76
Lemoni	68
Kokolios	67
Arsenios	60
Stamatis	48
Всего:	1445

Общее количество имен нарицательных в тексте романа значительно ниже количества имен собственных, но никак нельзя недооценивать их значение для создания атмосферы романа и стабильности описываемого художественного пространства. По

своим лексико-семантическим признакам они образуют следующие группы, используемые для обозначения:

- a) персонажей,
- b) места действия,
- c) всевозможных абстрактных понятий, связанных с жизнью персонажей,
- d) продуктов питания,
- e) предметов быта,
- f) танцев.

Таблица 3
Лексико-семантическая дифференциация греческой лексики

ЛСГ	Fa	% общего кол-ва от имен нарицательных	% общего кол-ва от греч. словоупотребл.
Персонажи	201	58,60 %	7,75 %
Место действия	53	15,45 %	2,04 %
Абстрактные понятия	33	9,62 %	1,27 %
Продукты питания	26	7,58 %	1,003 %
Предметы быта	22	6,42 %	0,85 %
Танцы	8	2,33 %	0,31 %
Всего:	343	100 %	13,22 %

Остановимся на каждой из этих групп подробнее.

Имена нарицательные, обозначающие *персонажей*, используются во всех типах изложения, в прямой речи – в основном как обращения, в повествовании – как обозначения социальной, профессиональной, семейной принадлежности. Согласно этому принципу можно выделить следующие группы:

a I) социальное положение (*koritsimou* – девочка моя – Fa=32, *kyria* – госпожа – Fa=25, *kyrie* – господин – Fa=5, *putanas* – путана – Fa=5 *mangas* – парень, озорник – Fa=3, *paidia* – ребята, друзья – Fa=2, *kamakia* – жиголо Fa=1, *fustanellophoroi* – мужчины, носящие национальные юбки – Fa=1. Total Fa= 74):

He kissed her again and said, ‘Koritsimou, this is the last time I shall ever see you. There has been no honour in this war, but I have to be with my boys.’ He hung his head, ‘Koritsimou, I am going to die. Remember me to your fa-

ther. And I thank God I have lived long enough to love you’ (392).

The *mangas* in the kapheneion would think he had given up being a Europeanised alafranga and turned into one of those traditionalist *fustanellophoroi* (338).

a II) семья (*papakis* – папочка – Fa=22, *papas* – папа – Fa=20, *kori* – дочь – Fa=1, *mitera* – мама – Fa=2, *theio* – дядя – Fa=1. Total Fa= 46) Говоря о своем отце Пелагия часто называет его “*papakis*”, что является производной формой от слова “*papas*” с прибавлением к нему уменьшительно-ласкательного суффикса *-aki*:

Pelagia ran to catch her father up and tugged at his sleeve just as Lemoni had done. ‘Papakis,’ she said, ‘don’t you know you’re going out with only one boot on?’ (59)

Dr Iannis stuffed his pipe into his pocket, sighed, and went reluctantly to the door.

Her uncle came in to say goodbye for another year, and to his astonishment she smiled brightly: ‘Theio, have you come to take me home?’ (97)

a III) профессии (*Iatre* – доктор – Fa=26, *Patir* – святой отец – Fa=12 *daskale* – учитель – Fa=1, *nomarch* – председатель округа – Fa=1, total Fa=40):

*The fisherman looked up shamefacedly and said, ‘O, *kalimera*, *Iatre*. I was just coming to see you’ (57).*

*He would say, ‘*Patir*, I regret deeply the indignity inflicted upon you this morning,’ and the priest would say, ‘I find this surprising in an irreligious man’ (48).*

a IV) территориальная принадлежность (*Romoi* – римляне – Fa=6, *Hellene* – греки – Fa=5, *Pontius Pilates* – жители причерноморья – Fa=1, *Cephallonians* – жители Кефалонии – Fa=7, *Argostolians* – жители Аргостоли – Fa=1, *Lixourians* – жители Ликсури – Fa=1, *Athenians* – афиняне – Fa=1 Total Fa=22):

*‘But side by side with the Hellene we have to live with the *Romoi*. ... The *Romoi* are people very like your Fascists, so that you should feel at home with them, except that it seems to me that you personally share none of their vices. The *Romoi* are improvisers, they seek power and money, they aren’t rational because they act on intuition and in-*

stinct, so that they make a mess of everything...Romoi and Hellene alike will die gladly for Greece, but the Hellene will fight wisely and humanely, and the Romoi will use every subterfuge and barbarity, and happily throwaway the lives of their own men, rather like your Mussolini (357).

a V) армия (*andartes* – повстанцы, партизаны – Fa= 14, *evzone* – эвзон (греческий гвардеец) – Fa=2, *klefts*- klefts (партизаны эпохи освободительных войн в Греции начала 19в.) – Fa=1. Total Fa=17):

*Just recently there had been people who called themselves 'andartes', who appeared from nowhere and tried to steal his goats...This kind of thing had not happened since his great-grandfather's time, in the days when these *andartes* were called *klefts** (332).

He saw Alekos, which was surprising enough, but he also saw a very tall fair-haired man dressed in the fustanella of an evzone. Alekos perceived the expression of perplexity on the doctor's face, raised his hands, shrugged, said, 'I've brought you an angel,' and departed before he could become involved in any arguments about responsibility for it (335).

Имена нарицательные использующиеся для обозначения места действия, при достаточно высокой частотности их употребления (15,45 % от общего числа имен нарицательных), не отличаются разнообразием. Нами было зафиксировано всего четыре существительных, употребляемых в тексте в данной функции (*kapheneion* – кофейня – Fa=35, *taverna* – таверна – Fa=14, *Kastro* – крепость, замок – Fa=3, *agora* – рынок – Fa=1. Total fa=53). Высокочастотное употребление слова “*kapheneion*” – “кофейня”, связано прежде всего с тем, что в Греции того времени было принято, чтобы мужчины собирались в таких кофейнях обсудить новости, выпить кофе, поиграть в нарды. Намного позднее, когда остров Кефаллонья становится популярным среди туристов и былие времена с их тихой жизнью отходят на задний план, уступая место духу коммерции, слово “*kapheneion*” уступает свое место слову “*taverna*”. Таверна – место где можно как поесть, так и развлечься, послушать живую музыку, потанцевать. Нет больше ужасов войны, жизнь продолжается. Таким образом, через смену обозначения места действия, автору удалось передать атмосферу

жизни маленькой греческой деревушки, показать те изменения, которые произошли здесь за 50 лет, заставить читателя поверить в реальность происходящего на страницах романа:

Lemoni ran into the courtyard of Dr Iannis' house just as he was departing for the kapheneion for breakfast; he had been planning to meet all the mangas there and argue about the problems of the world (53).

In the evenings the reunited family would sit together in the taverna, sometimes before the rush but more usually after it, arguing both in Italian and in Greek (499).

Рисуя картину повседневной жизни греческого острова, автор использует различные иностранные слова для обозначения предметов быта, продуктов питания, танцев, а также для обозначения всевозможных абстрактных понятий, связанных с жизнью персонажей. Общее количество словоупотреблений в данных четырех лексико-семантических группах равно 89 (Fa=22, Fa=26, Fa=8, Fa=33 соответственно), что составляет 25,95 % от общего числа имен нарицательных, 3,53 % от общего числа греческих словоупотреблений и 0,05 % от общего числа словоупотреблений романа. При этом необходимо заметить, что лишь несколько лексем употребляются в романе больше двух раз (*bozouki* – бузуки – Fa=8, *fustanella* – национальная юбка, которую носят мужчины – Fa=5, *raki* – ракия (водка из виноградных выжимок) – Fa=4, *Robola* – робола (вино) – Fa=6, *megalomania* – мания величия – Fa=3, *katharevousa* – касаревуса (стиль греческого языка) – Fa=3), остальные 44 лексемы использованы не более двух раз на протяжении всего повествования, что говорит о достаточно богатом греческом словаре романа:

*On Christmas Day we had to do without *kourabiedes* and *christopsomo* and *loukoumades*, and it was a bleak occasion even though we did our best* (129).

*He entertained an ephemeral image of himself, liberated from his grotesque folds of lard, singing bawdy *rebetika* in the brothels of Athens, swigging *kokkinelli* and charming the young girls* (44).

Те же функции, которые характерны в тексте для имен нарицательных, могут выполнять и другие части речи. Например, Пелагия в обращении к Мандрасу использует субстантивированное прилагательное “любимый” (*agapeton*), в обращении к Вели-

зарису жители деревни добавляют прилагательное “большой” (*megalo*), таким образом отдавая должное его силе:

Megalo Velisarios, famous allover the islands of Ionia <...> self-proclaimed as the strongest man who had ever lived (20).

She said to Mandras, ‘Agapeton, this will sting even worse than the salt’ He winced as she wound the poultice about his feet, and took in his breath sharply, but he did not complain. Pelagia wondered at his fortitude, and remarked, ‘I’m not surprised we won’ (165).

Глагол может также выражать отношение говорящего к происходящему, задавая повествованию эмоциональный тон. Так для выражения радости дяди Мины по поводу ее выздоровления автор использует глагол “*efkharisto*” – благодарю:

Her relative stood dumbfounded, cried out incredulously, wheeled about with his clenched fists raised in the air, performed three steps of a kalamatianos for sheer joy, and then rocked her in his arms exclaiming ‘Efkharisto, efkharisto, over and over again (97).

Для выражения сильных чувств используются табуированные выражения, например, “*heston*” – черт подери:

He stamped about the house, and I have never heard him say ‘heston’ so much or with so much venom (128).

В большинстве случаев греческая лексика романа не только не выделена в тексте графически, но и не снабжена переводом или толкованием, ее значение воспринимается исходя из контекста, но ее введение в ткань произведения придает повествованию реальность и достоверность. Можно выделить 3 способа введения греческой лексики:

1. Прямой перевод:

a) контактный (данный либо в скобках, либо через запятую)

He remembered what the doctor had told him about xenitia, the terrible nostalgic love of one’s native land that hurts the exiled Greek, and felt it turning in his own breast like the twist of a bayonet (436).

b) дистантный

Stamatis slapped his palm with the back of his hand to indicate the degree of Kokolios’ stupidity, and added, ‘Pu-

tanas yie.’ Kokolios smiled dangerously and said, ‘Son of a whore, am I? Well, you can just drink my fart’ (62).

2. Контекстно-описательный:

On the far side of the meadow a posse of the fishermen known as tratoloi began to open bottles (93).

3. Беспереводной:

a) грецизмы, ставшие интернациональными словами (*taverna, papas, drachmas, bozouki*)

b) грецизмы, помещенные в контекст, позволяющий приблизительно догадаться об их значении.

A troupe from Argostoli with its own band began to dance a divaratiko, inviting negative criticisms from Lixourians and positive ones from Argostolians <...> eaten olive and pretza (93).

Говоря о вкраплении греческой лексики в ткань романа, заметим, что она равномерно распределена по всему тексту и составляет, в среднем, 4-5 словоупотреблений на страницу текста. Она используется как в диалоге, несобственно-прямой речи, так и в речи повествователя. Для диалога больше характерно употребление различных лексем, обозначающих персонажей и обращения к ним. В речи повествователя большую частотность имеют лексемы называющие место действия, предметы быта, продукты питания, а также абстрактные понятия.

Несмотря на сравнительно небольшой объем (1,26 %) употребления греческих лексем в тексте романа, они последовательно включены в повествование, не затрудняют восприятие, а напротив создают эффект присутствия и наряду с другими литературными приемами сообщают тексту аутентичный национальный колорит, создавая художественное пространство “воображаемого мира” [5] греческого острова середины и конца XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. – М.: Литература на иностранных языках, 1956. – 218 с.
2. Иваницкая А. А. Заемствование иноязычной лексики и ее освоение: Автoref. дисс... канд. филол. наук. – К., 1980. – 21 с.

3. Ильиш Б. А. История английского языка. Изд. 5-е, исправленное и дополненное. – М.: Высшая школа, 1968. – 420 с.
4. Секирин В. П. Заимствования в английском языке. – К.: Изд-во Киевского университета, 1964. – 152 с.
5. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX в. – М.: РАН, 1995. – С. 35-73.
6. Ткаченко О. Б. Проблемы диахронической социолингвистики // Методологические основы новых направлений в мировом языкознании. – К.: Наукова думка, 1992. – С.64-85.
7. Шахрай О. Б. Греческий элемент в лексике английского языка. Очерк истории слов греческого происхождения и их оформления в английском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Л., 1963. – 22 с.
8. <http://books.guardian.co.uk/authors/author/0,5917,-52,00.html>
9. www.randomhouse.co.uk/catalog/author.htm?authorID=568
10. www.randomhouse.co.uk/vintage

СПИСОК СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотипное. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Большой англо-русский словарь: в 2-х томах / Под ред. И. Р. Гальперина. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1979. – Т. 1 – 824 с., т.2 – 864 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685с.
4. Новогреческо-русский словарь / Составитель А. А. Иоанидис., под ред. А. А. Белецкого. – 2-е изд. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1961. – 1420 с.
5. Русско-новогреческий словарь / Составитель А. А. Иоанидис., под ред. Т. Пападопулоса и Д. Спатиса. М.: Советская энциклопедия, 1966. – 1374 с.
6. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1989. – 623 с.
7. Holton, D., Mackridge, P., Φιλιππάκη-Warburton E. Γραμματική της Ελληνικής Γλώσσας. Μετάφραση B. Σπυρόπουλος. Αθήνα: Εκδόσεις Πατάκη, 1999. – 495 с.

8. Longman Dictionary of Contemporary English. 3-rd edition with new words supplement. – Barcelona: Pearson Education Limited, 2001. – 1668p., supplement – B86 p.
- МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ
9. Louis de Bernières. Captain Corelli's Mandolin. – L.: Vintage, 1999. – 534 p.

METAPHOR IN SLANG AS REFLECTION OF CULTURAL PECULIARITIES AND ASSOCIATIONS

Slang as a part of a language is the most perceptive and vivid reverberation of the reality around us. "To an ordinary man, of average intelligence and middle-class position, slang comes from every direction, from above, from below, and from all sides, as well as from the center..." [5, 35]. As a phenomenon of modern times it can be pursued to many public and private lairs. It is stretched on class-structured racks, social groups having some specific features in different cultures. It crosses generation gaps but is sometimes mainly restricted for a period to a particular generation.

Psychologically, most good slang harks back to the stage in human culture when *animism* was a worldwide religion. At that time, it was believed that all objects had two aspects, one external and objective that could be perceived by the senses, the other imperceptible (except to gifted individuals). Human survival depended upon the manipulation of all "real" aspects of life – hunting, reproduction, warfare, weapons, design of habitations, nature of clothing or decoration, etc. – through control or influence upon the *animus*, or imperceptible phase of reality [7, 123]. This influence was exerted through many aspects of sympathetic magic, one of the most potent being the use of language. Words, therefore, had great power, because they evoked the things to which they referred.

While many slang words introduce new concepts, some new expressions appear – fresh, satirical, shocking – for established concepts, often very respectable ones. As the aim of using slang is to identify members of a group, to change the level of discourse in the direction of informality, to oppose established authority, sharing and maintaining a constantly changing slang vocabulary aids group solidarity. Like stylish clothing and modes of popular entertainment, effective slang must be new, appealing, and able to gain acceptance in a group quickly. Counter-culture groups often find a common vocabulary, unknown outside the group, a useful way to keep information secret or mysterious [7, 56]. Slang is typically cultivated among people in society who have little real political power (like adolescents, college students, and enlisted personnel in the military) or who have reason to

hide from people in authority (like gamblers, drug addicts, and criminals). Meanwhile, the group-identifying functions of slang for the population at large may be diminishing in favor of identification with a style or an attitude rather than with a group. If items like *low-life* and *sleaze* can be considered slang in the US, they are a kind of national slang and say little about group identification.

Slang fills a necessary niche in all languages, occupying a middle ground between the standard and informal words accepted by the general public and the special words and expressions known only to comparatively small social subgroups. It can serve as a bridge or a barrier, either helping both old and new words that have been used as "insiders" terms by a specific group of people to enter the language of the general public or, on the other hand, preventing them from doing so. Thus, for many words, **slang is a testing ground** that finally proves them to be generally useful, appealing, and acceptable enough to become standard or informal. For many other words, slang is a testing ground that shows them to be too restricted in use, not as appealing as standard synonyms, or unnecessary, frivolous, faddish, or unacceptable for standard or informal speech. For still a third group of words and expressions, slang becomes not a final testing ground that either accepts or rejects them for general use but becomes a vast limbo, a permanent holding ground, an area of speech that a word never leaves. Thus, during various times in history, American slang has provided *cowboy*, *blizzard*, *okay*, *racketeer*, *phone*, *gas*, and *movie* for standard or informal speech. It has tried and finally rejected *con-bobberation* (disturbance), *krab* (room or apartment), *lucifer* (match), *tomato* (girl) from standard or informal speech. It has held other words such as *bones* (dice), used since the 14th century, and *beat it* (go away), used since the 16th century, in a permanent grasp, neither passing them on to standard or informal speech nor rejecting them from popular, long-term use.

Slang words can not be distinguished from other words by sound. Indeed, all words were once cant, jargon, argot, dialect, non-standard or taboo. For example, *flat-top* (an aircraft carrier) was originally navy jargon; *a pineapple* (a bomb or a hand grenade) was originally criminal argot. Such words, of course, did not change their meaning or sound when they became slang. Many slang words, such as *blizzard*, *mob*, *movie*, *phone*, *gas* and others have become informal or standard and, of course, did not change in sound or meaning when

they did so. In fact, most slang words are homonyms of standard words, spelled and pronounced just like their standard counterparts, as, for example, the American slang *cabbage* (money), *cool* (relaxed), and *pot* (marijuana). Of course, the words *cabbage*, *cool*, *pot* sound alike in their ordinary standard use and in their slang use. Each word sounds just as appealing or unappealing, dull or colorful in its standard use as in its slang use.

When slang words are used in the same form in their direct meanings, usually they are not emotionally colored. Compare, for example:

Nobody tried to throw a pineapple (sl.) in my lap. I was lucky to get from that damn war alive.

Some years ago pineapples (dir. m.) were rare fruits on our tables.

After the article in the mag we know who the horses (sl.) are around here, now every cop in the department knows.

At present there are a lot of people who agree to give the last to participate in horse (dir. m.) races.

Everybody shouted "Don't be a chicken (sl.), dive in". When I did it, they treated me as a hero.

Breeding chickens (dir. m.) is not an easy task.

Obviously an individual in one of the social groups or subcultures resorts to slang as a means of attesting membership in the group and of dividing him or herself off from the mainstream culture. He or she merges both verbally and psychologically into the subculture that preens itself on being different from, in conflict with, and superior to the mainstream culture, and in particular to its assured rectitude and pomp. Slang is thus an act of bracketing a smaller social group that can be comfortably joined and understood and be a shelter for the self. It is simultaneously an act of featuring and obtruding the self within the subculture – by cleverness, by control, by up-to-dateness, by insolence, by virtuosities of audacious and usually satirical wit, by aggression. Robert L. Chapman in his Preface to the Second Edition of the Dictionary of American Slang says: "... the deeper psychodynamics of slang have to do with two things: (1) defense of the ego against the superego, and (2) our simultaneous eagerness and reluctance to be human" [5, 13]. So, slang serves as a remedy, compensating one's weakness and sinfulness.

Hence, **slang** is language that has little to do with the main aim

of language – to communicate ideas, but is rather an attitude, a feeling, and an act. The feature characteristic of a certain class of objects ("a specific attribute") is used to single out the variety in the frame of the other class and very often the word has evaluative connotations. "Connotation is the implication of a word, from its primary meaning" [10, 207], and speaking about slang, one should pay attention that it is deliberately emotionally colored; it strikes a contrary attitude and expresses a cocked opinion. For example, *rubbernecker* for an out-of-town sightseer is of the runniest words in the vocabulary and reveals sardonic attitude toward tourists, as well as a graphically comic image of their behavior.

Like language as a whole, slang is rich in metaphors, which guide our thought more ways than most people realize [9, 12]. **Slang metaphors** tend to be a bit newer, or seem so to the users, and thus express the new, extended, or contrary meanings for which speakers are striving. For example, some fairly elaborate metaphors are: the city's public life expressed as *the streets'*, the city's social organization as an *urban jungle* [4, 34-36]. The metaphors are often used for the connotations so essential to the rhetorical effort of slang. Popular speech encodes many hidden meanings and deeper visions of the world. Metaphor implies a high context and more or less opportunities for understanding not just information, but the whole discourse of communication (it characterizes the speaker, his mood, attitude to the discussed object, situation, response etc.)

In classical theories of language metaphor was seen as a matter of language not thought. Metaphorical expressions were assumed to be mutually exclusive with the realm of ordinary everyday language: everyday language had no metaphor, and metaphor used mechanisms outside the realm of everyday conventional language. The word *metaphor* was defined as a novel or poetic linguistic expression where one or more words are used for a concept outside of conventional meaning to express a similar concept. But the generalizations, determining ad serving as a basis for poetic metaphorical expressions are made not in language, but in thought: "they are general mappings across conceptual domains" [8, 79]. Moreover, these general principles, which take the form of conceptual mappings, are applied not just to novel poetic expressions, but also to many ordinary everyday expressions.

New approaches towards the study of metaphor emphasize strongly that language is linked to imagination, memory, perception,

cognition, and cultural values, and cannot be understood in isolation. In this cognitive approach metaphor is not understood as a speaker's violation of rules of competence. Rather, the cognitive paradigm sees metaphor as a means whereby ever more abstract and intangible areas of experience can be conceptualized in terms of the familiar and concrete. Metaphor is thus motivated by a search for understanding [2, 318-321].

Ordinary everyday language is largely metaphorical, dispelling once and for all the traditional view that metaphor is primarily in the realm of poetic or figurative language.

Metaphor's capacity to name was exemplified in the USA in 1966, when the group of black activists adopted the name *Black Panther*. At about the same time, people who disliked the police began calling them *pigs*. As a result, the sentence *Black Panthers hate pigs* could occur and be suitably interpreted in a context far from 'real' black panthers and pigs [3, 23].

It is no wonder that for the term *metaphor* a great deal of definitions exists. But to describe any term we need to turn to the basics. Originally the word *metaphor* comes from the Greek *metaphora* meaning "transfer". The New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language defines metaphor as "a figure of speech in which the name or quality is attributed to something to which it is not literally applicable" [10, 626]. To cut a long story short, metaphor is a figure of speech, which concisely compares two things by saying that one is the other. A warrior compared to a lion becomes a lion: *Achilles was a lion in the fight*. In such usage, imaginative (associative) perception of something or somebody brings together words and images from different fields: warriors and lions share bravery and strength, and so the warrior is the lion among men and the lion is the warrior among beasts.

There is nonetheless an extensive range of non-metaphorical concepts: *There is a bird singing in the tree*. In this example just the fact is given. Let's compare the same word *bird* in another context: *A lot of children give people a bird all the time because they see it on television*. Here the word *bird* means a rude gesture with a middle finger. Another example with the word *bird* shows that with the help of slang words people want to express their attitude toward something or somebody: *I liked the bird you were with last night*.

Associating two different categories of objects, metaphor has

semantic duality. And it is impossible to regard metaphor separately from attributed, as duality is the most essential feature of metaphor. In formation and analysis of metaphor four components take part: main and subordinate subjects of metaphor, to which double terms are applied (literal frame and metaphorical focus, theme and "container", referent and correlate), and correlated features of every object or class of objects [1, 296].

These components are partially represented in the structure of metaphor, the features of the main subject of metaphor, which make its semantics, are left non-designated.

Thus, metaphor can be interpreted in different ways. When it is said "*That cop is a real bear*" the name *bear* preserving its relation with the class of bears, characterizes an individual. Resemblance of cop with bear covers a diffusional complex of features (strong, large, gruff, everybody is afraid of him), which make the image of an individual. The metaphor meaning is formed by means of features of the named class of objects. But the features, taken as basic for metaphor, do not obligatory coincide completely in different cultures. They depend on prior associations, traditional for a certain culture attributes. In Ukrainian culture the word *bear* is used metaphorically speaking about a person to denote usually such features as strength (but rather in derogatory meaning), awkwardness, indelicacy, even stupidity. Though the animal is characterized in Ukrainian folklore more positively – the master of the forest, strong, good-natured, sometimes native and credulous.

In Western languages, the metaphor owes its power to echoes of sympathetic magic, and slang utilizes certain attributes of the metaphor to evoke images too close for comfort to "reality" [6,623-626]. So, traditional views, determined by specific cultural values, take place till now and influence new slang expressions, their connotational meanings. Though we do not exclude a great part of identical images, associations and similar metaphorical meanings, based on the universal traditional as well as modern views and values.

Civilized societies and their languages retain many remnants of animism, mostly on unconscious level. Many hundreds of years ago before a human being has learned to override, at least to some extent, the powers of nature and managed to acquire some knowledge about the world he lived in, people had no other example to follow than similar to them creatures – animals. They felt related to them and be-

gan to seek what they were allied to them in. At first people allotted animals the features, expressing the emotions and feelings they personally became aware of. But later they started applying the visions they held of animals to their own psychological, physical and mental state. Moreover these meanings started to be transferred not to describe only emotional conditions or rational faculties, but also were applied to the whole sphere of human knowledge of the world around: things, actions, abstract notions and so on. For example:

- **Bear**

- (1) n A difficult task

- 1. *This problem is a real bear.*
 - 2. *This is a bear of a job. I'll be glad when it's over.*
- (2) n An ugly woman (Derogatory)
- 1. *How can the bear like that be allowed to run around loose?*
- (3) n A highway patrol officer
- 1. *There is a bear hiding under that bridge.*
 - 2. *A bear is overhead watching your speed from the helicopter.*

- **Bull**

- (1) n Nonsense

- 1. *Don't give me that bull. I won't buy it!*

- (2) v To lie to or deceive someone

- 1. *Stop bulling me!*

- (3) n A police officer; a private detective or guard

- 1. *And this bull comes up and says, "Where is the fire?"*

For the above-mentioned concepts in Ukrainian there exist quite different associations, linked with the objects, which traditionally were the parts of the nearest surrounding of a person (easy for observation and necessary for life). The common names of domestic animals were a plentiful ground for creating metaphorical slang expressions. An ugly woman can be associated with a cow, a frog, a snake (according to what feature is considered to be the main one); nonsense, lie – with dog's barking, militia officer – with a dog, private detective – with a tracker dog.

The number of associations is also variable in different cultures due to linguistic factors (polysemy, homonymy, synonymy, connotational meanings) as well as extra-linguistic (absence of concept or object, different cultural values determining positive-negative evaluation

of things, actions, people, national mentality, traditions, social and educational background, life style etc.). If in Ukrainian the word *donykey (ass)* is used to characterize an obstinate or stupid person (or both qualities simultaneously), in American culture such animal as *mule* provokes various associations, fixed in the dictionary of American Slang in the following way:

- **Mule**

- (1) n a stubborn person

- 1. *He is a hardheaded mule.*

- (2) n crude raw whiskey

- 1. *He was expected to drink something like a tank of mule that evening.*

- (3) n a person who carries, delivers, or smuggles narcotics or other contraband

- 1. *The danger to the mule is that a packet may rupture.*

- 2. *Mules carry coke in picture frames and sealed in the sides of suitcases.*

- (4) v carry, deliver, or smuggle narcotics or other contraband

- 1. *Sometimes they mule it in small amounts.*

- 2. ...otherwise law-abiding countrymen into performing muling favors.

Analyzing the word *fish* in the aspect of comparing its metaphorical meanings in American slang and in Ukrainian it is obvious that the common point is such meanings as “to catch”, “to find”, “a person, caught as a fish”. But the word has more other meanings in American slang:

- **Fish**

- (1) n a new inmate in prison

- 1. As a fish I was physically miserable.

- (2) n a non member of a street gang

- (3) n a weak or stupid person, esp. one easily victimized

- 1. Why should he be the fish for the big guys?

- 2. The superteams get stronger. They can pad their schedules with the occasional fish.

- (4) n a person, esp. a criminal, thought of as being caught like a fish

- 1. The cops catch a lot of very interesting fish.

- (5) n a heterosexual woman

- (6) n a prostitute

(7) v to seek information, esp. by a legal or quasi-legal process having a very general aim

(8) v to ask for something, usually a compliment, esp. in an indirect and apparently modest way

The semantic domains of the concept in Ukrainian and American cultures differ and it can be explained that traditionally in Ukraine a woman (even a prostitute) cannot be associated with something weak, cold, slippery, "a victim, caught as a fish". Even in the ancient times of Trypillya – the pre-Slavonic culture – there was the religion of worshipping Mother-goddess and all positive features were combined in the generalized image of a woman.

National and historical peculiarities have also their reflection in slang, like the word *ape* in the meaning "a black person" (Am. sl.). Another meaning may be regarded (partially) as the addition, characteristic of the same "black person" – "a strong-armed man or muscle man", "an especially strong and pugnacious hoodlum". In Russian the meaning "strong and muscle man" may be preserved but the priority is given to the meaning "stupid, irrational", in American slang it is supplemented by "destructive" and "berserk". The common association in Russian and Ukrainian is "ugliness of a person", either male or female. It expresses negative evaluation of one's appearance. Though in American slang the word may have positive shade of meaning – "very enthusiastic; highly excited" (E. g. – He's ape about my new symphony).

As these examples show slang metaphors and metaphorical expressions may be polysemantic. But above all metaphor has semantic duality. It is impossible to regard metaphor separately from the attributed, as duality is the most essential feature of metaphor. Metaphor requires a certain metalinguistic sensitivity, culture awareness, background knowledge to distinguish between what is said and what is meant.

Metaphor highlights specific attributes of an object, person, or event and communicates new information about it. That is the speakers and the hearers have at their disposal a finite supply of words. With their lexical tools they have to cope with an infinite array of communicative and expressive need. To achieve their communicative goals – either to find a word or phrase for something, which lacks yet a name, or to provide a new name for an old object or concept – they have to use and adapt these limited tools in the most efficient and economical way. The most general way to solve the problem is to give

old words a new meaning. In the case of metaphor the old word is transferred to fit a new concept or object, belonging to another semantic domain. This is really the most simple and common way for any language, but what is different if to compare metaphorical slang expressions (colloquial metaphors) in different languages? As metaphor is based on associations, then factors influencing their formation, development, transformation should be taken into account. Beside individual associations (due to which fresh metaphors may appear) there are cultural associations, depending on traditions and values of ethnic culture, stereotypes, national mentality, historical background, etc.. These associations are fixed in a language, but the locus of metaphor is thought, not language, metaphorical slang is a major and indispensable part of an ordinary, conventional way of conceptualizing the world and reflection of cultural experience.

REFERENCES

1. Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Теория метафоры /Под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – 511 с.
3. Allen, Irving Lewis. The Sociology of Slang. Encyclopedia of Language and Linguistics. – Oxford and Aberdeen: Pergamon Press and Aberdeen University Press, 1993. – 144 p.
4. Allen, Irving Lewis. The City in Slang: New York Life and Popular Speech. – Oxford University Press, 1995. – 307 p.
5. American Slang /Edited by Robert L. Chapman, Ph. D., Abridged edition of the New Dictionary of American Slang. – New York: The Harper Collins, 1994. – 525 p.
6. Flexner, S. Slang /Encyclopedia Britannica. – 1982. – 875 p.
7. Green, Jonathon. Cassell's Dictionary of Slang. – London: Cassell & Co., 2000. – 1316 p.
8. Grose, Francis Classical Dictionary of the Vulgar Tongue. – London: Bloomsberry, 1986. – 588 p.
9. Lakoff, G. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980. – 148 p.
10. New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. – Danbury, 1993. – 1315 p.

ANALYSIS OF SEMANTIC MOTIVATION AND WORD FORMATION IN ENGLISH DRUG-RELATED SLANG

The analysis of drug-related slang and inner form of such lexical units enables one to distinguish certain patterns and ways of word formation. The majority of lexis are motivated, i. e. they are in a larger sense derivative units. Among motivated formations there are several groups of words that can be specified: names with **semasiological motivation** which are formed by means of already existing lexical units with other meanings; names with **semantico-morphological motivation** formed by means of various types of affixation; names with **semantico-syntactic motivation** formed by means of word compounding and word combination.

In the process of semasiological word production lexical units undergo certain change or transfer of meaning which results in acquiring new lexico-semantic variants. The structure of a polysemantic word is regarded, according to I. Arnold [7,121], as an aggregate of different lexico-semantic variants with inner relations and oppositions. Thus, one of the basic characteristics of slang lexico-semantic variants is their semantic motivation or derivation from other meanings of the word.

Lexical units with semasiological motivation are differentiated according to the types of change of meaning and degree of clarity of motivational feature. Among different kinds of semantic change one of the basic and most productive ways is metaphor which is often used to produce very expressive lexemes with clear and colourful nominating quality and maximum meaning capacity. Associations which form the basis for any kind of metaphoric transfer of meaning from one notion or object to another in drug-related slang are different, like they are at any level of the vocabulary. They may correlate essentially as well as inferior qualities or features of described reality, but the connection between such qualities is nevertheless clear and noticeable if treated from the psychological point of view.

The most typical kinds of metaphoric transfer of meaning are according to similarity of 1) outward features of objects (shape, size,

colour, etc.) and their qualities, 2) relative features (function, purpose, effect, etc.).

- 1) The resemblance between marihuana and other plants results in metaphors *tea*, *grass*, *weed*, *bush*, *hay*, *hemp*, *alfalfa*, *herb*, *leaf*, etc. Motivation is based on similarity of shape and/or colour. The same pattern is followed by *stick of tea* (a marihuana cigarette), *channel* (a vein), *crystal* (cocaine powder), *dust* (PCP crystals), *flake* (cocaine sold in the form of small flakes), *line* (drugs scraped into a strip), *mud* (opium), *tracks* (needle marks or scars on the limbs of hard drug addicts), etc.
- 2) In such examples as *trip*, *flight*, *ride* the motivation is based on similarity of emotional experience caused by drugs (literally the mental "inward journey"). The same image evoked by taking drugs clarifies motivation of *up*, *high*, *on a cloud* (under the influence of drugs). The action of inhaling or drawing air in through the nose comes to be motivation for *snort*, *snuff*, *sniff*, *draw*, *blow*, etc. The semantic motivation in the following examples is also clear: *to get off*, *to go up* (to obtain pleasure or relief by injecting drugs), *to cook* (to dissolve a drug in water over a flame before injecting it), *chef* (one who prepares opium for smoking), *on the needle* (to be addicted to drugs), *sick*, *strung out* (disturbed, weak, nervous from a lack of drugs), etc.

Semantic motivation of such lexico-semantic variants is based not only on similarity of objects or notions which are not directly connected in reality, but also on contiguity of such objects or concepts. Types of metonymic transfer of meaning are represented in drug-related slang by different ways of relations, synecdoche being one of them: *spike*, *point* (a hypodermic needle; motivation is referred to the sharp end of the instrument), *cotton* (any drug used with a piece of cotton saturated with it). Other types of metonymy are based on contiguity of container-contents *bag*, *wrap* (a portion of drugs measured amounts of which are wrapped in paper bags or tinfoil), *lid* (a measure of marihuana which can be held on the lid of a beer can), price-object *ten cents* (a packet of drugs worth 10 cents), mixed type *dime/nickel bag* (a packet of drugs worth 10 cents or 5 cents).

There are many cases when the semantic connection between derivative lexico-semantic variants and sources of derivation is not obvious and immediate since the basis for transfer of meaning is often represented by quite irrelevant or distant associations. However, the

synchronous semantic correlation is not lost completely and the motive of production can be traced in the majority of such cases, e. g. *speed* (an amphetamine drug which literally "speeds up" the nervous system); *blank* (extremely low-grade, diluted or imitation narcotic which does not produce powerful effects); *nod out* (to experience a comatose state; the head is drooping, eyelids heavy; hence the motivation); *flash, rush, jolt* (the initial effects of drugs based on similarity of something sudden, stimulating, exciting); *push* (to sell illegal drugs; the seller uses coercion or tries to lead people into addiction in order to profit from them); *hold, carry* (to have drugs for sale, motivation based on the image of having something in hand); *mule* (a carrier of illicit drugs across frontiers and/or through customs; someone hired to do this rather than the owner of the drugs; hence the motivation compared to the animal); *baby-sitting* (accompanying someone engaged in taking illicit drugs in order to instruct or reassure them; motivation based on the meaning "to take care of"). Such words as *pop, blast, bang, hit, shoot* meaning "to inject drugs" are also motivated, these lexico-semantic variants are derived from the image of a hard and sudden move combined with powerful effects of drugs. The word *candy* (an illegal drug, particularly, cocaine, heroin) is motivated by the figurative sense as "anything enjoyable, pleasant" which in its turn gave motivation for *sweet tooth* (addiction to drugs) based on the standard meaning "a craving or extreme liking for sweets". Other examples of faded motivation are *cold turkey* (a sudden withdrawal from hard drugs with attendant hot and cold flushes, goose-pimples, discomfort, etc.) The phrase refers either to "goose flesh" or to the general pallor and consistency of cold turkey meat); *comedown* (a period of physical and mental depression and exhaustion following a bout of elation from drugs); *harpoon* (a hypodermic syringe, the usage referred to the spike of the needle similar to the harpoon), etc.

Among words with semasiological motivation there can also be observed some cases of specialization, e. g. *to use* (to use drugs), *habit* (narcotic addiction), *pill* (drug pellets), *paraphernalia* (the equipment such as pipes, cigarette papers, scales, etc. accompanying the taking of drugs), etc. Conversion, often combined with metaphor or metonymy, is also one of the ways of word production, e. g. *uppers* (stimulant drugs such as amphetamines which "cheer up" one's mood), *to short* (to inhale heroin or cocaine), *high* (an effect of drugs). However, spe-

cialization and conversion are not the major patterns of semasiological motivation.

One of the most conspicuous ways of nomination is personification or use of proper names to designate the difference and variety of drugs, e. g. *Cecil, Charlie* (cocaine); *Mary Jane/Warner* (marijuana); *Doctor Feelgood* (a doctor or other person who freely prescribes pleasurable drugs. The name has been used in several blues and soul songs since World War II, but probably pre-dates them as a black underworld term, where it had a more generalized meaning of someone who could provide euphoria or comfort. It was later applied as a nickname, for example to Dr. Max Jacobson, physician to President Kennedy, famous for his disbursement of amphetamines to New York high society); *Nixon* (a spurious or fraudulent deal involving illicit drugs, an Americanism inspired by the reputation of the former president). Fairly often proper names are written with a small letter and used to refer to certain action, e. g. *harry, henry* (heroin, a personification perhaps influenced by the use of the name "Henry the Horse" in the song "For the Benefit of Mr. Kite" on the Beatles' 1967 LP, "Sgt. Pepper's Lonely Hearts' Club Band"); *louie* (one-sixteenth of an ounce of cannabis; this is the smallest quantity of the drug that can be normally bought by weight in Britain. The term was derived from Louis XVI, the king overthrown in the French revolution. In fact, *henry* is sometimes used in the same way for an eighth of an ounce as an allusion to Henry VIII); *to bogart* (to monopolize or fail to pass on a marihuana cigarette during communal smoking, the usage was prompted by the actor Humphry Bogart's habit in films of keeping a cigarette in his mouth for long periods). From the examples it is clear that most of such formations are again combined with metaphor, metonymy, or conversion.

Evidently, in the process of word production many formations undergo different types of compositional and semantic change, hence there are problems in differentiating such patterns. This can be fully applied when describing words with semantico-syntactic motivation. As it has been mentioned, drug-related slang comprises compounds taken from neutral or colloquial layers and employed in metaphoric sense (*cold turkey, sweet tooth, etc.*). Other examples are *needle park* (a public place which narcotic users frequent in order to inject themselves); *balloon room, shooting gallery* (any place where addicts can receive an injection of drugs); *yellow-jackets* (barbiturate pills of yel-

low colour, in the USA the name is also applied to various types of wasp); *time-bomb* (an illicit drug taken orally, wrapped in paper, pastry, etc. which starts to produce effects after some time).

On the other hand, there are many coinages which comprise two elements one of which is slang and the other neutral or colloquial, e. g. *dime/nickel bag*, *half load* (15 \$3 packets of a drug), *giggle weed* (marijuana; reference to the hilarity induced by smoking), *to job pop*, *to skin pop*, *joy-stick* (an opium pipe), *smoke factory* (an opium den), etc. Some formations contain reference to the place and origin of a drug, e. g. *Mexican red*, *Jersey green*, *Chinese tobacco*, *Indian hay*, *Acapulco Gold*, *african woodbine*, *Durban poison*, *English joint*, *Mexican mud*, *Thai sticks*, *Owsley acid* (a high-quality type of LSD manufactured in San Francisco by the amateur chemist Augustus Owsley III).

The majority of compound words and word combinations, however, consist of elements which are both slang in their nature: *goofball* (any barbiturate), *hopjoint* (an opium den), *pill pad* (a place where addicts gather to smoke opium), *reefer weed* (a marijuana cigarette), *speedball* (a mixture of cocaine and morphine), *whiz-bang* (an injection of heroin and cocaine), etc. Usually the meaning of such compounds is equal to the sum of meanings of its constituents.

Among words with **semantico-morphological motivation** the most frequent case of affixation is one involving the suffix word *head*: *pothead*, *weedhead*, *hophead*, *acidhead*, *drughead*, *cubehead*, etc. The word, once applied by hippies in order to describe themselves, has come to denote an agent, the root lexeme designates the type of drugs preferred by an addict. Factually, this word has lost its original drug-related peculiarity and is used as a suffix in *airhead*, *dumbhead*, etc.

According to L. Soudek suffix – *er* is employed in the formation of 56,4 % substandard words of British English and 30 % of American English [9,61]. It is quite often made use of in drug-related slang, e. g. *chipper*, *ice creamer*, *joypopper* (an occasional drug user), *mainliner* (a drug addict who takes his narcotics by intravenous injection), *pusher* (a drug peddler), *doper* (a drug user), *downers* (depressant drugs as opposed to *uppers*), *leapers* (amphetamines), *pill-popper* (a barbiturate addict). Suffix – *y* (*ie*, *ey*) is employed, according to L. Soudek, in 20,7 % of English and 8,2 % of American substandard lexis. In drug-related slang it is represented in such examples as *junkie*, *doobie*, *doobry*, *doojie*, *druggie*, *jolly*, *munchies*, *rocky*, *puffy*;

combined with shortening *benny* (Benzedrine), *ckie* (a cocaine addict), *dexie* (Dexedrine), *dollies* (Dolophine), *nimby* (Nembutal). Suffix – *o* is the least employed type of affixation *hypo* (a drug addict), *doggo* (intoxicated by drugs), *el ropa* (a marihuana cigarette; this usage is not, in fact, borrowing but a Spanish pattern applied jocularly to English words mainly by American speakers in imitation of Hispanic “low life” speech, e. g. *el creopo*, *el sleazo*, *el cheapo*, etc.) as well as the suffix – *ter* (*ster*) *snifter*, *gowster*. Suffix – *ed* is employed more often and is based on the similar pattern with Participle II forms of standard words (which are used metaphorically meaning “intoxicated by drugs” and derived from the idea of drug-induced daze, stupor, immobility, etc.) *twisted*, *gone*, *loaded*, *snowed*, *stoned*, *wasted*, *annihilated*, *bent*, *blocked*, *blown out*, *bombed*, *destroyed*, *dosed up*, *fired up*, *laid out*, *pinned-up*, *ripped*, *smacked out*, *spaced out*, *wiped out*, *wrecked*. Coinages with the – *ed* suffix convey similar meanings and sometimes are derived from the root lexemes defining different kinds of drugs, e. g. *geed up*, *geezed*, *gowed-up*, *hopped up*, *potted*, *teaed up*, *banjo'd*, *bongo'd*, *blitzed*, *dog-and-boned*, *skulled*, *zonked*.

Among different types of word production there are also cases of shortening *hash* (hashish), *cap* (capsule), *amp* (ampoule), *coke* (cocaine), *morph* (morphine), *amyl* (amyl nitrite), *barb* (barbiturate), *detox* (detoxification), *ex* (ecstasy), *ganny* (Afghani cannabis), *libs* (librium capsules), *'lude* (Quaalude tablets), *meth* (methedrine), *narc* (narcotics investigator), *paki* (Pakistani hashish), *Rit* (Ritalin), *tab* (tablet), *tranks* (tranquilizers); abbreviation *O.D.* (an overdose of a narcotic), *B* (Benzedrine), *big O* (opium), *C* (cocaine), *H* (heroin), *M* (morphine), *A. D./D. A.* (a drug addict), *a-head* (acid head), *D* (dope), *E* (ecstasy), *G* (a gram of drugs), *J* (a joint), *T* (tea), vitamin A/C/T/E/X (acid, cocaine, tea, ecstasy), *xtc* (ecstasy); reduplication, often with change of vowel or consonant *hot shot*, *dizzy-wizzy*, *juju*, *ken-ten*, *pen-yen*, *ping-wing*, *yen-yen*, *yokeydock*, *away-day*, *whacky baccy*; rhyming slang, often with personification *Bob Hope* (dope), *dog-and-boned* (stoned), *Jack and Jill* (pill), *Oliver Reed* (speed), *Tom Mix* (fix), *Uncle Mac* (smack); corruptions, alternative spellings, and borrowings of different types *schmeck*, *heesh*, *goma*, *bogue*, *bingle*, *gow*, *grifa*, *kif*, *mig*, *mezonnny*, *muggles*, *yesca*, *blim*, *dagga*, *jimbo*, etc.

After analysing the semantic structure of drug-related slang it is evident that in most cases the process of semantic and compositional word production are interconnected and sometimes inseparable from

one another. For instance, metaphor and metonymy are, in fact, present in all formations with any, semantico-morphological or semantico-syntactic, motivation, e. g. compounds *shooting gallery*, *blast party*, etc.; derivatives *mainliner*, *cubehead*, *pinko* (methylated spirits which are often dyed pink), etc.; shortenings *paki*, *ganny*; reduplications *hot shot*, *dizzy-wizzy*, *away-day* (a single dose of LSD based on metaphoric pun on the notion of a *trip* and the name of a cheap excursion ticket on British Rail).

Drug-related words also possess other peculiar features and their semantics undergo certain linguistic processes which are worth while mentioning. First of all, many of such words and expressions strongly tend to generalization. For instance, the word *high* which means "under the influence of narcotics" has begun to function as a synonym for "drunk" or "any euphoric state". Other examples applied to "drunk" are *zonked*, *wasted*, *lashed up*, *wrecked*, etc. S. Flexner explains this tendency in the following words: "This indicates that the present college student generation may take drugs for some of the same reasons that older generation drank whiskey, and to obtain some of the same reactions. The drunkard's son does not necessarily become an addict, but it is quite possible that the couples who remember wild drinking parties of their youth have grandchildren or children who will remember parties at which they smoked "grass" or took LSD "trips" [13,893]. Other examples of generalization are *to turn on* (originally meaning "to take drugs" and first generalized "to arouse or excite sexually; to be sexually appealing to someone", further generalized "to excite, stimulate, or thrill someone; to cause to become interested, enthused, alert, happy, etc."), *to score* (the original meaning "to buy illicit drugs" was generalized to mean "to obtain").

The use of one and the same lexeme with opposite meanings is also interesting and though such examples are very few they are indications which render the semantic structure of drug-related slang as far from being homogeneous, e. g. *straight* meaning "having taken an injection of a narcotic and thus able to go about one's business, esp. said about a drug addict after his first injection in the morning" which at the same time defines "a conventional person, someone who does not take drugs or ascribe to "counterculture values". Thus, it can be concluded that some semantic shades of the lexeme are not directly connected in reality which in its turn indicates that the objective visual

reflection of abstract notions results from very individual perception through some concrete concepts.

The analysis of inner form of drug-related slang (compiled from the dictionaries by consecutive selection) shows that these formations have semasiological, semantico-morphological, and semantico-syntactic motivation and in many cases the processes of semantic and compositional word production are interconnected. However, in order to give a quantitative description of drug-related slang it seems necessary to regard different semantic and compositional processes separately which results in the following conclusion: words with semasiological motivation (metaphor, metonymy, specialization, conversion, etc.) constitute 28 % of drug-related slang, words with semantico-morphological motivation (affixation, shortening, abbreviation, etc.) form over 12,5 %, words with semantico-syntactic motivation (compounds, word combinations, set expressions, reduplications, etc.) form over 32,5 % of such lexis. About 27 % are non-motivated, this group of words consists of predominantly borrowed elements whose motivation may be explained by etymological investigation into the origins of the word and its meaning in the source language which, however, is not always possible. This group also comprises words from the standard vocabulary, but their motivation is, nevertheless, uncertain.

Structural analysis and investigations of inner form indicate that the majority of drug-related slangisms (73 %) are motivated, their motivation being of three major types: semasiological, semantico-morphological, and semantico-syntactic. On the whole, the most productive type of word production is semantico-syntactic (32,5 %), followed by semasiological (28 %) and semantico-morphological (12,5) motivation. About 27 % drug-related slang are non-motivated formations consisting of borrowed elements with obscure etymology and standard lexical units whose motivation is uncertain.

REFERENCES

1. Азнаурова Э. С. Семантика и типология разносистемных языков. – Ташкент: Изд-во Ташкентского госуниверситета, 1984. – С.118-132.
2. Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи // Языковая номинация: Виды наименований. – М., 1977. – С.169-190.

3. Волошин Ю. К. Американский слэнг в разговорной речи // Лингвистические единицы разных уровней и их функциональные характеристики / Межвуз. сб. – Краснодар, 1982. – С.13-17.
4. Маковский М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). – М.: Высшая школа, 1982. – 135 с.
5. Маковский М. М. Английская этимология. – М.: Высшая школа, 1986. – 151 с.
6. Мороховский А. М. Стилистика английского языка. – Киев: Высшая школа, 1991. – 314 с.
7. Arnold, I. V. The English Word. – Moskwa-Leningrad: Vysshaya shkola, 1966. – 387 p.
8. Baldinger, K. Semantic Theory. – Oxford, 1980. – 201 p.
9. Soudek, L. Structure of Sub-Standard Words in British and American English. – Bratislava, 1967. – 228 p.

Словари

10. Ayto, J. The Longman Register of New Words. – London, 1985. – 977 p.
11. Thorne, T. Dictionary of Modern Slang. – Moscow, Veche, 1996. – 583 p.
12. Webster's New World Dictionary of the American Language. – 2nd ed. – N. Y., 1974. – 1311 p.
13. Wentworth, H., Flexner, S. B. Dictionary of the American Slang. – N. Y.: Gerald Books, 1975. – 1123 p.

РЕЦЕНЗИИ

Кухаренко В. А. Интерпретация текста: Учебник для студентов филологических специальностей. – 3-е изд., испр. – Одесса: Латстар, 2002. – 292 с.

В 2002 г. вышло из печати 3-е издание книги В. А. Кухаренко “Интерпретация текста”, которая является настольной и для преподавателей, и для студентов старших курсов английского отделения филологических факультетов многих вузов страны.

Первое издание появилось в 1979 году, когда начало бурно развиваться новое направление в языковедческой науке – лингвистика текста. В сегодняшней научной парадигме “Интерпретация текста” В. А. Кухаренко стоит в одном ряду с работами известных ученых – авторов монографий, посвященных моделированию и декодированию текста, таких как И. В. Арнольд, О. П. Воробьева, И. Р. Гальперин, И. М. Колегаева, Г.Г. Молчанова, В. В. Одинцов, З. Я. Тураева, З. И. Хованская, И. Я. Чернухина.

Два следующих издания – 1988 г. и 2002 г. – значительно отличаются от первого. В каждом из них нашли отражение новые концепции, разрабатываемые лингвостилистикой; а также новый взгляд автора на проблемы семантики отдельного слова, слова как компонента целого художественного текста, слова как представителя концепта текста, уточнилась трактовка текста как многоуровневой коммуникативной единицы.

“Интерпретация текста” – теоретическое пособие, снабженное практическим приложением. Теоретическая часть состоит из трех разделов. В первом описаны возможности единиц фонографического, морфемного, лексического и синтаксического уровня в создании художественного образа. Во втором рассматривается уровень целого текста: текстовые категории, текстовые парадигмы, текстовая синтагматика. Здесь же описаны языковые единицы, реализующие семантические потенции на уровне целого текста – заголовок, имя собственное, художественная деталь, слово-символ. Все они непосредственно участвуют в “лепке” концепта всего произведения. Третий раздел посвящен описанию типов изложения, используемых в художественном тексте. В зависимости от типа изложения меняется ракурс презентации концепта текста. Рассмотрены формы, функции, языковые сигналы речи автора, речи персонажа и несобственно-прямой речи, пред-

ставляющей собой сплав двух предыдущих. Вся эта информация предоставляет в распоряжение филолога механизм, помогающий разобраться в многообразии точек зрения, содержащихся в художественном тексте.

Практическая часть книги представляет собой собственно интерпретацию текстов – шести рассказов англоязычных авторов, разных по временным, территориальным, индивидуально-стилистическим характеристикам их творческого наследия. 4 рассказа проанализированы на русском языке, 2 – на английском.

В книге материал изложен без скидок на возможную недостаточную профессиональную подготовку студента. Вместе с тем, она читается на одном дыхании. Специальная терминология, снабженная пояснениями, не воспринимается как избыточная. Теоретические тезисы подкреплены иллюстративным материалом, представляющим собой яркие образцы англоязычной и русскоязычной прозы.

Прочитав “Интерпретацию текста”, студент узнает, что 1) художественный текст представляет собой многоярусное обра- зование как в концептуальном, так и в лингвистическом плане. В нем присутствуют все основные текстовые категории (концептуальность, информативность, модальность, антропоцентричность, пространственно-временной континуум и др.); 2) концепт художественного текста особым образом представлен композиционно и лингвистически. *Первое* предполагает специальный выбор хронотопа, специальный отбор и баланс персонажей, особую сюжетную дистрибуцию описываемых событий, целенаправленное использование разных типов изложения. *Второе* предполагает, что каждое слово, попадая в художественный текст, может обрести художественную значимость – даже синсемантическое слово, призванное выполнять дейктическую функцию, может оказаться средством реализации концепта целого текста.

Книга адресована студентам старших курсов, специализирующимся в английской филологии, однако ее можно рекомендовать каждому филологу, независимо от изучаемого им языка. “Интерпретация текста” В. А. Кухаренко готовит к профессиональному чтению, к тому, чтобы читатель научился “исполнять” художественное литературное произведение, подобно тому как музыкант исполняет музыкальное произведение, читая ноты.

Горшкова К. А.

ВИМОГИ ДО РУКОПІСІВ

Шановні колеги! Просимо взяти до уваги наступне: редакційна колегія приймає до публікації у збірнику статті, що містять теоретично важомі й достовірні результати наукових досліджень, які виконані на високому професійному рівні із застосуванням останніх досягнень вітчизняної та зарубіжної філології.

1. Приймаються статті, що написані українською, російською або будь-якою з робочих мов факультету РГФ ОНУ ім. І.І. Мечникова (англійською, німецькою, французькою, іспанською).
2. Згідно Постанови Президії ВАК України, статті повинні мати такі необхідні елементи: (1) постановка проблемі у загальному вигляді та її зв’язок із важливими науковими чи практичними завданнями; (2) аналіз останніх досліджень і публікацій, в яких започатковано розв’язання даної проблеми і на які спирається автор, виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, котрим присвячується означена стаття; (3) формулювання цілей статті (постановка завдання); (4) виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів; (5) висновки з даного дослідження і перспективи подальших розвідок у даному напрямку. (Постанова Президії ВАК України від 15.01.2003 р. № 7-05/1)
3. Обсяг статті (разом із ілюстраціями і переліком літератури) обмежується 8-15 сторінками машинопису.
4. Посилання на теоретичні джерела подаються в тексті згідно переліку літератури у квадратних дужках наступним чином: [№ джерела, цитована сторінка; № наступного джерела, цитована сторінка] або [№ джерела; № джерела], якщо не наведені сторінки джерела. Наприклад: [4, 154; 6, 768] або [4; 6], де 4; 6 – номери джерел, 154; 768 – номери сторінок. Посилання на матеріал, що досліджується, надаються у круглих дужках.
5. Ілюстрації (схеми, графіки, діаграми, тощо) нумеруються у межах статті і супроводжуються підмалюнковими підписами, наприклад:

Рис. 1. Графік залежності показника a від показника b .
Цифровий матеріал може оформлюватись у таблиці, які теж нумеруються в межах статті і супроводжуються назвою.

6. Окремі слова латиницею, що включені в кириличний текст, а також ілюстративні приклади виділяються курсивом, наприклад: Д. Артрідж свого часу запропонував термінопоняття “culturally and ideologically situated reader”.

Приклади, що складаються більше, ніж з одного речення, виокремлюються у абзац та друкуються із відступом 10-15 мм від лівого боку, наприклад:

Tune in Web radio stations from across town or around the globe. Download music from the Internet, search for and compile information about tunes and artists, and do even more. (14, 653)

В разі наявності перекладу ілюстративної цитати він друкується з таким саме відступом.

7. Перелік літератури під назвою „Література” подається одразу після тексту статті: спочатку подаються теоретичні роботи, що написані кирилицею, потім написані латиницею, у алфавітному порядку згідно вимог державних бібліографічних стандартів (див.: Форма 23, бюллетень ВАК України, № 2, 2000), потім подаються словники та довідкова література, потім матеріал, що досліджувався. Нумерація наскрізна.

8. Рукопис має бути представлений до редакції на 3,5 дюймовій дискеті у форматі *. doc (MS Word), або *. rtf, а також роздрукований (1 примірник): гарнітура Times New Roman, кегль 14, міжстроковий інтервал 1,5, сторінки мають бути нумеровані.

9. Статті, що виконані аспірантами або пошукачами, мають супроводжуватись рекомендацією до друку, підписаною науковим керівником.

10. На окремому аркуші надаються дані про автора: прізвище, ім'я, по-батькові, наукова ступінь, учене звання, місце роботи і посада, номер телефону і адреса. Ці відомості необхідні для внутрішнього використання і не призначені для публікації.

11. Статті обов'язково підлягають редакційному рецензуванню і редагуванню. У разі невідповідності заявленим стандартам стаття не публікується і може бути повернена автору для доопрацювання.

Інформація про редактора

Координати головного редактора:

проф. Колегаев І. М.

– телефон: (0482) 21-87-60;

– адреса: 65058, м. Одеса, Французький бульвар, 24/26

Одеський національний університет

факультет РГФ, кімната 109

Координати відповідального секретаря:

доц. Петлюченко Н. В.

– телефон: (0482) 44-22-70

– E-mail: sesame@odessa.net

Редакційна колегія

ЗМІСТ

<i>Н. А. Бигунова</i>	
УРОВНЕВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИКРОПОЛЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЙ В УСТНОМ НARRATIVНОМ ДИСКУРСЕ.....	3
<i>Т. Д. Вербицкая, Н. А. Джусаева</i>	
НЕКОТОРЫЕ КОАРТИКУЛЯТОРНЫЕ МОДИФИКАЦИИ НЕМЕЦКИХ СОГЛАСНЫХ В НОРМЕ И РЕЧЕВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.....	11
<i>Н. П. Вит</i>	
КОМПОЗИЦИОННО-ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ В НЕСОБСТВЕННО-АВТОРСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ (на материале новеллистики Фланери О'Коннор).....	19
<i>К. А. Горишкова, Н. Г. Шевченко</i>	
ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ..	33
<i>А. А. Драгомирецкий</i>	
РЕФЕРЕНТНАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП ВЫДЕЛЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ.....	39
<i>Л. В. Дученко</i>	
КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ И НARRATIVНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ПРОЗЕ.....	47
<i>М. Д. Кириллова, М. М. Харитонова</i>	
АСИММЕТРИЯ ПОЗИЦІЙ КОММУНИКАНТОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВОЇ МОДАЛЬНОСТІ (на материале новеллы Джойса Кэри "Period Piece").....	58
<i>Т. Б. Козак</i>	
СЕМАНТИКА СЛОВА BLAU 'синий, голубой' И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	67
<i>Л. Р. Коккіна</i>	
ФРАНЦУЗЬКІ ВІДДІСЛІВНІ ПРИКМЕТНИКИ ЗІ ЗНАЧЕННЯМ ПАСИВНОСТІ ТА ОСОБЛИВОСТІ ЇХ ПЕРЕКЛАДУ УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ.....	78
<i>I. M. Колегаєва</i>	
НАРИС ПРО КОМУНІКАТИВНУ ВТОРИННІСТЬ.....	85
<i>A. A. Корсаков, Н. Г. Мойсеенко</i>	
ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА, СОЗНАНИЕ, ЗАКОНЫ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА.....	96

<i>Н. А. Кравченко</i>	
ОСОБЕННОСТИ РИТМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКЦИИ.....	110
<i>Е. Ф. Лукьянова</i>	
МЕГАТЕКСТ И ОБРАЗ ЧИТАТЕЛЯ (исследование пяти вариантов издания романа Н. Готорна "Алая буква").....	117
<i>Т. Г. Малік</i>	
ОСОБЛИВОСТІ ІНВЕНТАРИЗАЦІЇ АНГЛІЙСЬКИХ ПРИКМЕТНИКІВ, ЩО ПОЗНАЧАЮТЬ ЗОВНІШНІСТЬ ЛЮДИНИ.....	129
<i>Н. Е. Миллер</i>	
ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АРГУМЕНТАТИВНЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ, РЕАЛИЗУЮЩИХ ФУНКЦИЮ УБЕЖДЕНИЯ..	134
<i>Ю. А. Обелец</i>	
ПРОСПЕКЦІЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ТЕМПОРАЛЬНОГО АСПЕКТА ВООБРАЖАЕМЫХ МИРОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ.....	142
<i>В. В. Олинчук</i>	
ПРОСОДИЧЕСКАЯ ОРГАНІЗАЦІЯ ЭМОЦІОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНИХ ТЕКСТОВ.....	151
<i>І. В. Пересада</i>	
ФОНЕТИЧЕСКИ ЗНАЧИМІ ПОЗИЦІИ В СЛОВЕ (на материале многосложных слов немецкого языка).....	160
<i>І. Н. Потапова</i>	
МАЛІ ФОРМЫ: ЕПИГРАММА КАК ТИП ТЕКСТА.....	167
<i>З. М. Серебренникова</i>	
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (на базе распределительного словаря по географии).....	175
<i>Н. О. Стефанова</i>	
МЕТАФОРА В АНГЛОМОВНІЙ ЛЕКСИЦІ СФЕРИ ОСВІТИ.....	187
<i>Т. В. Телецкая</i>	
СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА МИКРОПОЛЯ ДИРЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ (на материале русского, украинского, французского и английского языков).....	197

<i>M. A. Федотова</i>	
ГРЕЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ ЛУИСА ДЕ БЕРНЬЕРА “МАНДОЛИНА КАПИТАНА КОРЕЛЛИ”.....	205
<i>V. V. Bushkova</i>	
METAPHOR IN SLANG AS REFLECTION OF CULTURAL PECULIARITIES AND ASSOCIATIONS.....	220
<i>Ye. P. Matuzkova, A. V. Sarafanuk</i>	
ANALYSIS OF SEMANTIC MOTIVATION AND WORD FORMATION IN ENGLISH DRUG-RELATED SLANG.....	230
РЕЦЕНЗИИ.....	239
ВИМОГИ ДО РУКОПИСІВ.....	241

**ЗАПИСКИ
З РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ
ФІЛОЛОГІЇ**

Випуск 13

332 Записки з романо-германської філології / ред. І.М. Колегаєва.
Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова: факультет
романо-германської філології. - Випуск 13. - Одеса: Фенікс,
2003. - 247 с.
ISBN 966-8289-07-2

Редактор	Т.Р. Короткий
Технічний редактор	В.Г. Вітвицька
Коректор	Б.В. Петлюченко

Здано до набору 12.03.03. Підписано до друку 10.04.03. Формат 60x84/16.
Обл.-вид. арк. 11,63. Ум. - друк. арк. 14,37.

Видавник МП “ФЕНИКС”, 65059, м. Одеса, а/с 424
(Свідоцтво ДК № 1044 від 17.09.02.)
Віддруковано у Роздільнянській районній друкарні